

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

2023. Т. 45, № 5

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2023. Т. 45, № 5

Главный редактор

Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

- Е. В. АНИСИМОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. Н. БАРЫШНИКОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Ю. А. ВАСИЛЬЕВ**
д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)
- М. А. ВИТУХНОВСКАЯ**
д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)
- С. Т. ЗОЛЯН**
д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)
- Ю. ИНОУЭ**
к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- С. А. МЫЗНИКОВ**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. А. ПЛУНГЯН**
д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)
- К. СКВАРСКА**
д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)
- Н. А. ФАТЕЕВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- М. А. ЧЕРНЯК**
д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

- А. В. АНТОЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- М. А. БОБУНОВА**
д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)
- С. Г. ВЕРИГИН**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- В. И. ГОЛДИН**
д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- Т. А. ГРИДИНА**
д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
- Р. ГРЮНТХАЛЬ**
д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- Н. В. ДРАННИКОВА**
д. ф. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)
- С. Г. КАЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Д. В. КОБЛЕНКОВА**
д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО**
к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- Ю. В. КРИВОШЕЕВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- П. А. КРОТОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- Е. И. ЛЕЛИС**
д. ф. н., профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия)
- К. А. МЮКЛЕБУСТ**
д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)
- О. В. НИКИТИН**
д. ф. н., профессор, Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия)
- Н. В. ПАТРОЕВА**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. М. ПАШКОВ**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. А. ПОПОВ**
д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)
- И. А. РАЗУМОВА**
д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)
- М. Ф. РУМЯНЦЕВА**
к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
- В. И. СУПРУН**
д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)
- Л. Л. ШЕСТАКОВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- Ю. Г. ШИКАЛОВ**
д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2023. Vol. 45, No 5

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Yerevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYŪNTAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, Professor, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russia)
- K. MYKLEBOST**
Doctor of History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, State University of Education (Mytishchi, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА	
АРХЕОЛОГИЯ		<i>Томеллеры В. С.</i>	
<i>Герман К. Э.</i>		Фонологическая теория Н. Ф. Яковлева и ее восприятие в западной лингвистике	74
Петрографические исследования керамики сперрингс с памятников юго-западного Прибеломорья	8	<i>Кипяткова И. С., Родионова А. П., Кагиров И. А., Крижановский А. А.</i>	
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ		Подготовка речевых и текстовых данных для создания системы автоматического распознавания карельской речи	89
<i>Кожевникова Ю. Н.</i>		<i>Починяева О. А.</i>	
Кольское благочиние Архангельской епархии в первой половине XIX века: сельские приходы и клир	15	Разделительные конструкции в славянских языках	99
<i>Кривоноженко А. Ф.</i>		Рецензии	
Функционирование системы управления мелким кредитом в Олонецкой губернии в пореформенный период	23	<i>Лойтер С. М.</i>	
<i>Богачева К. М.</i>		Рец. на кн.: Татьяна Григорьевна Иванова. Библиография (1977–2022)	107
Становление побратимских связей КАССР (по материалам республиканских газет)	32	<i>Мокшин Г. Н.</i>	
<i>Каюмова М. Р.</i>		Рец. на кн.: Пашков А. М. Политическая ссылка и развитие исторического краеведения Карелии в XIX – начале XX века	110
Роль музейных репрезентаций Великой Отечественной войны в формировании идентичности советских граждан	42	Память	
ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ		Памяти О. Ю. Жуковой	112
<i>Джисошвили Э. А.</i>		Научная информация	
Традиционные хозяйственные занятия и промысловый календарь Карельского Поморья	53	<i>Патроева Н. В.</i>	
РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ		«Пока нас помнят, мы еще не ушли...»: к 65-летию со дня рождения Я. И. Гина	113
<i>Хабибуллина Л. Г.</i>		<i>Андреанова И. С.</i>	
Атрибутивность как семантическая категория	62	«Существует громадная встреча...»: итоги конференции «Евангельский текст в русской словесности»	115
<i>Дмитриева Ю. Л.</i>		Научная информация	117
Образ сада в горизонтально ориентированной пространственной модели мира произведений С. Есенина	67	Contents	118

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал перерегистрирован в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным отраслям «Исторические науки» (с 20.12.2022 года) и «Филологические науки» (с 21.02.2023 года)

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Е. В. Лавреновой

Дата выхода в свет 30.06.2023. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 42 экз.). Изд. № 78

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

Кандидат исторических наук,
Карельский научный центр
Российской академии наук
А. Ф. Кривоноженко

Alexander F. Krivonozenko,
Editorial Council Member,
Cand. Sc. (History), Karelian
Research Centre of the Russian
Academy of Sciences

**УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

В очередной выпуск вошли различные по тематике статьи и научные материалы, связанные с обширным спектром гуманитарных направлений. Отметим и широкую географию авторов, представляющих не только вузы, но и научные центры.

Исторические науки представлены статьями по археологии, отечественной истории и этнологии. К. Э. Герман проанализировал состав образцов керамики культуры сперрингс из разных географических районов Карелии. Ю. Н. Кожевникова рассмотрела Кольское благочиние Архангельской епархии в первой половине XIX века. В центре внимания К. М. Богачевой оказалась местная периодическая печать, благодаря анализу которой автор изучила начальный этап становления побратимских связей Карелии. М. Р. Каюмова представила механизмы формирования репрезентации Великой Отечественной войны в музейных выставках, а также установила их взаимосвязь с формированием идентичности советских граждан. Социально-экономическая проблематика нашла место в статье А. Ф. Кривоноженко, который проанализировал систему управления мелким сельским кредитом в Олонецкой губернии. Этнология представлена статьей Э. А. Джиошвили, в которой показана специфика промыслового календаря поморов с опорой на широкий комплекс источников.

Разнообразна и тематика статей по филологии. В. С. Томеллери представил причины недостаточно широкой известности трудов Н. Ф. Яковлева в западной научной литературе. Коллектив авторов в составе И. С. Кипятковой, А. П. Родионовой, И. А. Кагирова и А. А. Крижановского опубликовал результаты междисциплинарного исследования, имеющего важное прикладное значение. Оно связано с разработкой программно-технической базы для автоматического распознавания карельской речи. Разделительные конструкции в славянских языках оказались в центре внимания О. А. Починяевой. На основе текстов из художественной литературы и фольклора Л. Г. Хабибуллина изучила семантические особенности атрибутивности в тюркских языках. Ю. Л. Дмитриева проанализировала образ сада в поэзии С. Есенина.

Завершается номер рецензиями, рубрикой «Память» и научной информацией о прошедших в Петрозаводском университете конференциях.

Редакция журнала надеется, что материалы данного выпуска заинтересуют широкий круг читателей.

КОНСТАНТИН ЭНРИКОВИЧ ГЕРМАН

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»

(Петрозаводск, Российская Федерация)

germangermanik@yandex.ru

ПЕТРОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КЕРАМИКИ СПЕРРИНГС С ПАМЯТНИКОВ ЮГО-ЗАПАДНОГО ПРИБЕЛОМОРЬЯ

А н н о т а ц и я . Целью исследования является установление наличия или отсутствия различий составов формовочных масс керамики сперрингс в зависимости от географического района расположения поселений. Задача – определить структуру и материал фрагментов керамики с поселений культуры сперрингс на территории Прибеломорья. Для петрографического исследования отобраны 15 фрагментов, в основном частей стенок сосудов, украшенных основными видами орнаментации: оттисками рыбьих позвонков (4), отступающе-прочерченными линиями (7) и веревочным штампом (4). Исследования проводились в пришлифованных образцах с использованием бинокля МБС-1 при увеличении в 16, 24 и 140 раз. Большая часть исследованных фрагментов керамики (10) по композиционному составу глины выполнена из тощих глины гидрослюдистого и смектит-гидрослюдистого состава, хотя данный вид хуже по качеству и в меньшей степени использовался в изготовлении керамики сперрингс с поселений бассейна Онежского озера. В качестве отощителя в тесте всех изученных фрагментов керамики сперрингс с памятников юго-западного Прибеломорья зафиксирована только дресва кристаллических пород, что имеет прямые аналогии с посудой бассейна Онежского озера. **Ключевые слова:** петрографический анализ, жирная глина, тощая глина, Белое море, ранний неолит, керамика сперрингс

Благодарности. Работа финансировалась из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН.

Для цитирования: Герман К. Э. Петрографические исследования керамики сперрингс с памятников юго-западного Прибеломорья // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 5. С. 8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.916

ВВЕДЕНИЕ

Статья посвящена исследованию керамики сперрингс с целью выявления отличий в структуре, материале и примесях в тесте сосудов для разных территорий Карелии. Рассматриваются фрагменты ранненеолитической керамики с трех памятников низовьев реки Выг (Прибеломорской Карелии).

Небольшое количество материалов с памятников юго-западного Прибеломорья не позволяет охарактеризовать орнаментацию сосудов и сравнить их с керамическими комплексами бассейна Онежского озера. Однако такую возможность предоставляет петрографический анализ структуры и материала фрагментов ранне-неолитической посуды [9: 100–102], тем более

что подобные исследования ранее были проведены в отношении керамики сперрингс с памятников бассейна Онежского озера и Приладжья [5], [6], [7].

Петрографическое исследование было выполнено в лаборатории РГПУ им. А. И. Герцена в Санкт-Петербурге (под руководством к. г.-м. н. М. А. Кульковой), стало первым для ранне-неолитической керамики юго-западного Прибеломорья. Исследование керамических фрагментов проводилось в пришлифованных образцах с использованием бинокля МБС-1 при увеличении в 16, 24 и 140 раз. Для определения структуры образцов в шлифах применялся поляризационный микроскоп Leica с увеличением 65,7 раза.

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА

Памятники раннеолитической культуры сперрингс распространены по всей территории Карелии, хотя их центром является бассейн Онежского озера. В настоящее время их количество насчитывает более 250 единиц [2], [3]. В Северной Карелии основным центром расположения поселений с керамикой сперрингс являются низовья реки Выг, где известно три памятника – Ерпин Пудас I, Порог Шойрукша и Выгостров II (Лисья Гора) (рис. 1). Небольшое количество поселений объясняется тем, что Северная Карелия относится к водоразделу Белого моря и прямых водных путей на эту территорию из бассейна Онежского озера нет. Необходимо преодолеть водораздельный хребет, который проходит по территории современного Медвежьегорского района. Неслучайно для сообщения между Онежским озером и Белым морем в 30-х годах XX века было осуществлено строительство Беломорско-Балтийского канала. Также в раннем неолите территория Кольского полуострова и Северной Карелии была освоена древним населением культуры Сярайсниеми I, что создавало препятствия для продвижения населения культуры сперрингс [4], [8], [12], [13], [14], [15].

Все памятники с раннеолитической керамикой сперрингс в низовьях р. Выг приурочены к песчаным возвышенностям, которые в каменном веке были островами и полуостровами в заливе Белого моря.

Поселение Ерпин Пудас I располагается на острове Ерпин Пудас, который разделяет русло р. Нижний Выг на два рукава. Территория памятника представляет собой участок с массивным выходом коренных пород, местами обнаженных, на юго-западной оконечности острова. Высота поселения 22–24,5 м над уровнем моря и примерно 4–6 м над уровнем реки. Площадь памятника составляет 2400 кв. м. Первые находки на памятнике были собраны в 1926 году А. М. Линевским; в 1928 году А. Я. Брюсов заложил на территории стоянки разведочный шурф площадью 6 кв. м и выявил культурный слой с находками; в 1934 году В. И. Равдоникасом в размыве берега был собран подъемный материал из фрагментов керамики и каменных орудий. В 1958 году Г. А. Панкрушевым были произведены разведочные раскопки на площади 32 кв. м, уточнены площадь, характер и границы культурного слоя, состав находок и датировка поселения. В 1963 году Ю. А. Савватеев исследовал памятник семью раскопами общей площадью 449 кв. м, а в 1970 году им же были открыты новые наскальные изображения. В це-

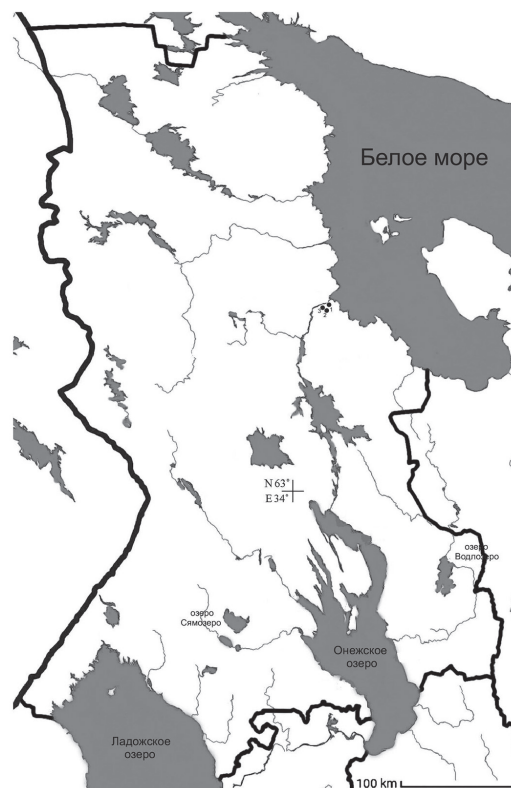

Рис. 1. Карта расположения памятников культуры сперрингс юго-западного Прибеломорья: 1 – Ерпин Пудас I; 2 – Порог Шойрукша; 3 – Выгостров II (Лисья Гора). Автор – К. Э. Герман

Figure 1. Map of the location of the Sperrings cultural monuments of the southwestern White Sea region:
1 – Erpin Pudas I; 2 – Porog Shoiruksha;
3 – Vygostrov II (Lisya Gora). Image by K. German

лях сохранения стоянки от разрушения карьером и поиска новых петроглифов в 1970 году Ю. А. Савватеевым были продолжены раскопки уцелевших частей культурного слоя. В разных частях стоянки заложено четыре раскопа площадью 530 кв. м, при этом вскрыто 12 очагов, выложенных из камней различной формы и размеров, следы кострищ, ям, западаний, но следов жилищ выявить не удалось. Поскольку вскрытая раскопками площадь составляла более 1000 кв. м, полученный материал богат и разнообразен. Коллекция каменного инвентаря включала 1195 орудий и их обломков. Среди них много сланцевых рубящих шлифованных орудий (топоров, тесел, долот), представленных целыми экземплярами (13) или небольшими обломками (32), шлифованных плит (67), точильных брусков (27), пил и их обломков (3), кварцевых отбойников (37), кремневых наконечников стрел (56), скребков (338), из них меньшая часть кварцевые (147), скребел (11 кремневых, 10 кварцевых), резцов (152 кремневых, 11 кварцевых), ножей и ножевидных пластинок (58 кварцевых, 69 кремневых, один сланец), отщепов с ретушью и следами работы

(255). Из единичных находок следует отметить сланцевые кольца, обломок кинжала и плитки, 9 кремневых комбинированных орудий, два кремневых сверла, два фигурных кремня, диск, пест, две шаровидные гальки и изделие из кости. Среди массового материала фрагменты кальцинированных косточек (634), раннесредневековые железные шлаки и фрагменты слюды.

Керамическая коллекция представлена в основном ямочно-гребенчатой керамикой (3167), единичны фрагменты асбестовой керамики (15), штрихованной (6), раннесредневековой лепной (13). Найден 141 фрагмент от 9 сосудов керамики сперрингс.

Судя по мощности, площади распространения культурного слоя, большого количества находок, территория стоянки длительное время использовалась для постоянных и временных поселений людей в эпохи неолита, энеолита, бронзового века, раннего Средневековья [10: 54–78], [11: 23–38].

Поселение Порог Шойрукша располагалось в 0,25 км севернее д. Выгостров, на левом берегу реки Выг, напротив порога Шойрукша. Открыто и исследовалось Г. А. Панкрушевым в 1957–1960 годах, Ю. А. Савватеевым в 1975 году исследовано на площади 72 кв. м. В настоящее время полностью разрушено строительными работами. Керамическая коллекция представлена фрагментами керамики сперрингс (23) от пяти сосудов, ямочно-гребенчатой эпохи неолита, энеолитической асбестовой и с органической примесью. Также собраны орудия из сланца, кремня и кварца и отходы их производства [10: 80–89], [11: 39, 40].

Поселение Выгостров II (Лисья Гора) располагалось в 1,5 км севернее д. Выгостров. Открыто и исследовалось на площади 20 кв. м Г. А. Панкрушевым в 1959 году, обследовалось Ю. А. Савватеевым в 1973 году. В настоящее время полностью разрушено песчаным карьером. Керамическая коллекция представлена фрагментами керамики сперрингс (50) от трех сосудов, сяр I (14) от двух сосудов эпохи неолита. Также собраны орудия из сланца, кремня и кварца и отходы их производства, кальцинированные косточки [10: 78–80], [11: 39].

Керамика сперрингс, найденная на вышеописанных памятниках, является самой ранней среди типов посуды, но определить время ее появления в Прибеломорье затруднительно из-за смешанного характера культурных слоев и отсутствия радиоуглеродных датировок. Основываясь на сравнительно-типологическом анализе, можно датировать данный тип раннеэнеолитической посуды началом – серединой IV тыс. до н. э.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для петрографического исследования отобраны 15 фрагментов, в основном частей стенок сосудов, украшенных основными видами орнаментации: оттисками рыбьих позвонков (4), отступающе-прочерченными линиями (7) и веревочным штампом (4) с поселений Ерпин Пудас I (8), Порог Шойрукша (5) и Выгостров II (Лисья Гора) (2) (см. рис. 1). Отнесение памятников к определенному хронологическому этапу культуры сперрингс не представляется возможным по причине небольшого количества материалов и отсутствия радиоуглеродных датировок.

В результате проведенного исследования по композиционному составу глин и отошителей было выделено четыре группы керамики (таблица, рис. 2).

Керамика 1-й группы представлена 9 фрагментами, происходящими с поселений Ерпин Пудас I (5 экз.), Порог Шойрукша (3 экз.) и Выгостров II (Лисья Гора) (1 экз.), изготовлена из жирных глин смектитового или смектит-хлоритового состава, кластического материала – 1–8 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, зерна угловатые. Отошителем служит дресва кристаллических пород, представленная:

- плагиогранитами: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, мусковит, кварц, амфибол – 35–45 %, размер обломков 1–2 мм (Ерпин Пудас I, Порог Шойрукша и Выгостров II (Лисья Гора));

- сиенитами: ортоклаз – серецитизирован, микроклин – 45 %, размер обломков 2–3 мм (Ерпин Пудас I).

Керамика 2-й группы представлена тремя фрагментами, происходящими с поселений Ерпин Пудас I, Порог Шойрукша и Выгостров II (Лисья Гора), изготовлена из жирных глин гидрослюдистого состава, кластического материала – 8 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит, зерна угловатые. Отошителем служит дресва кристаллических пород, представленная плагиогранитами: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, мусковит, кварц – 32 %, размер обломков 1–2 мм.

Керамика 3-й группы представлена фрагментом, происходящим с поселения Ерпин Пудас I, изготовлена из тощих глин смектитового состава, кластического материала – 22 %, размер зерен 0,02–0,06 мм, состав: полевой шпат, амфибол, зерна угловатые. Отошителем служит дресва кристаллических пород, представленная сиенитами: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол – 17 %, размер обломков 2–3 мм.

Данные по петрографическим исследованиям образцов керамики сперрингс
 Data on petrographic studies of samples of the Sperrings ceramics

№ на карте	Название памятника, № фрагмента	Часть сосуда, орнамент	Результаты петрографического анализа	
			Характеристика исходного сырья	Отощитель, пористость
Керамика сперрингс с поселений бассейна озера Водлозеро				
1	Ерпин Пудас I 283/461	Стенка сосуда, украшена зонами из горизонтальных и наклонных поясов оттисков «отступающей лопаточки», толщина 11 мм	Тощие глины смектитового состава, кластического материала – 22 %, размер зерен 0,02–0,06 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол) – 17 %, размер обломков 2–3 мм. Пористость 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм
2	Ерпин Пудас I 283/483	Верхняя часть сосуда (венчик), украшена подвенчиковым горизонтальным рядом редко поставленных ямочных вдавлений, ниже – горизонтальными рядами наклонно поставленных оттисков позвонка, толщина 10 мм	Жирные глины гидрослюдистого состава, кластического материала – 8 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит	Дресва кристаллических пород (гранит: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, мусковит, кварц) – 32 %, размер обломков 1–2 мм. Пористость 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм
3	Ерпин Пудас I 283/292	Стенка сосуда, украшена горизонтальными рядами наклонно поставленных прочерченных линий, разделенных горизонтальными поясами подромбических вдавлений, толщина 10 мм	Жирные глины смектитового состава, кластического материала – 8 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, мусковит, кварц, амфибол) – 45 %, размер обломков 1–2 мм. Пористость 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм
4	Ерпин Пудас I 283/730	Стенка сосуда, украшена подвенчиковым поясом подромбических вдавлений, соединенных линиями «отступающей лопаточки» и горизонтальными поясами оттисков наклонных вертикальных отпечатков «отступающей лопаточки», толщина 10 мм	Жирные глины смектит-хлоритового состава, кластического материала – 1 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, мусковит, кварц, амфибол) – 35 %, размер обломков 1–2 мм. Пористость 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм
5	Ерпин Пудас I 283/309	Верхняя часть сосуда (венчик), украшена подвенчиковым горизонтальным рядом редко поставленных ямочных вдавлений, ниже – горизонтальными рядами наклонно поставленных оттисков позвонка, толщина 8 мм	Жирные глины смектит-хлоритового состава, кластического материала – 1 %, размер зерен 0,02–0,06 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин) – 45 %, размер обломков 1–3 мм. Пористость 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм
6	Ерпин Пудас I 283/643	Верхняя часть сосуда (венчик), украшена подвенчиковыми горизонтальными рядами наклонно поставленных оттисков позвонка и нанесенными на них редкими ямочными вдавлениями, толщина 11 мм	Жирные глины смектит-хлоритового состава, кластического материала – 1 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, кварц, амфибол) – 35 %, размер обломков 1–2 мм. Пористость 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм
7	Ерпин Пудас I 74/55	Верхняя часть сосуда (венчик), украшена зонами из горизонтальных и наклонных поясов оттисков «отступающей лопаточки», толщина 10 мм	Жирные глины смектит-хлоритового состава, кластического материала – 1 %, размер зерен 0,02–0,06 мм, состав: полевой шпат, амфибол	Дресва кристаллических пород (плаггиограниты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, кварц, амфибол) – 35 %, размер обломков 1–2 мм. Пористость 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм
8	Ерпин Пудас I 74/43	Стенка сосуда, украшена горизонтальными линиями из отпечатков веревочки и поясами ямочных вдавлений, толщина 7 мм	Тощие глины гидрослюдистого состава, кластического материала – 35 %, размер зерен 0,005–0,07 мм, состав: полевой шпат, амфибол	Дресва кристаллических пород (плаггиограниты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, мусковит, кварц) – 35 %, размер обломков 1–3 мм. Пористость 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм
9	Порог Шойрукша 70/310	Верхняя часть сосуда (венчик), украшена горизонтальными линиями из наклонно поставленных оттисков позвонка, толщина 8 мм	Жирные глины смектит-хлоритового состава, кластического материала – 8 %, размер зерен 0,02–0,06 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, мусковит, кварц, амфибол) – 35 %, размер обломков 1–2 мм. Пористость 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм
10	Порог Шойрукша 70/623	Стенка сосуда, украшена горизонтальными линиями из отпечатков веревочки, толщина 10 мм	Жирные глины гидрослюдистого состава, кластического материала – 8 %, размер зерен 0,02–0,004 мм, состав: полевой шпат, амфибол	Дресва кристаллических пород (плаггиограниты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, мусковит, кварц) – 32 %, размер обломков 1–3 мм. Пористость 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм

Окончание таблицы

№ на карте	Название памятника, № фрагмента	Часть сосуда, орнамент	Результаты петрографического анализа	
			Характеристика исходного сырья	Отощитель, пористость
11	Порог Шойрукша 70/304	Стенка сосуда, украшена зонами из вертикальных и горизонтальных линий отпечатков «отступающей лопаточки», толщина 11 мм	Жирные глины смектит-хлоритового состава, кластического материала – 8 %, размер зерен 0,015–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит	Дресва кристаллических пород (плагиограниты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, мусковит, кварц, амфибол) – 35 %, размер обломков 1–3 мм. Пористость: 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм
12	Порог Шойрукша 70/273	Верхняя часть сосуда (венчик), украшена горизонтальными поясами из наклонно поставленных прочерченных линий, толщина 7 мм	Тощие глины гидрослюдистого состава, кластического материала – 22 %, размер зерен 0,05–0,07 мм, состав: полевой шпат, амфибол.	Дресва кристаллических пород (актинолит) – 18 %, размер обломков 0,5–1,5 мм. Пористость: 15 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм
13	Порог Шойрукша 70/387	Стенка сосуда, украшена горизонтальными поясами из оттисков веревочки, толщина 7 мм	Тощие глины гидрослюдисто-каолинового состава, кластического материала – 28 %, размер зерен 0,05–0,2 мм, состав: полевой шпат, амфибол, зерна угловатые	Дресва кристаллических пород (плагиограниты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, мусковит, кварц) – 35 %, размер обломков 1–3 мм. Пористость 18 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм
14	Выгостров II (Лисья Гора) 932/11	Верхняя часть сосуда (венчик), украшена горизонтальными поясами из наклонно поставленных оттисков веревочного штампа, толщина 10 мм	Жирные глины гидрослюдистого состава, кластического материала – 8 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол	Дресва кристаллических пород (плагиограниты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, мусковит, кварц, амфибол) – 32 %, размер обломков 1–2 мм. Пористость 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм
15	Выгостров II (Лисья Гора) 932/10	Стенка сосуда, украшена горизонтальными линиями из отпечатков «отступающей лопаточки», толщина 7 мм	Жирные глины смектит-хлоритового состава, кластического материала – 1 %, размер зерен 0,02–0,06 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит	Дресва кристаллических пород (граниты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, кварц, амфибол) – 35 %, размер обломков 1–2 мм. Пористость 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм

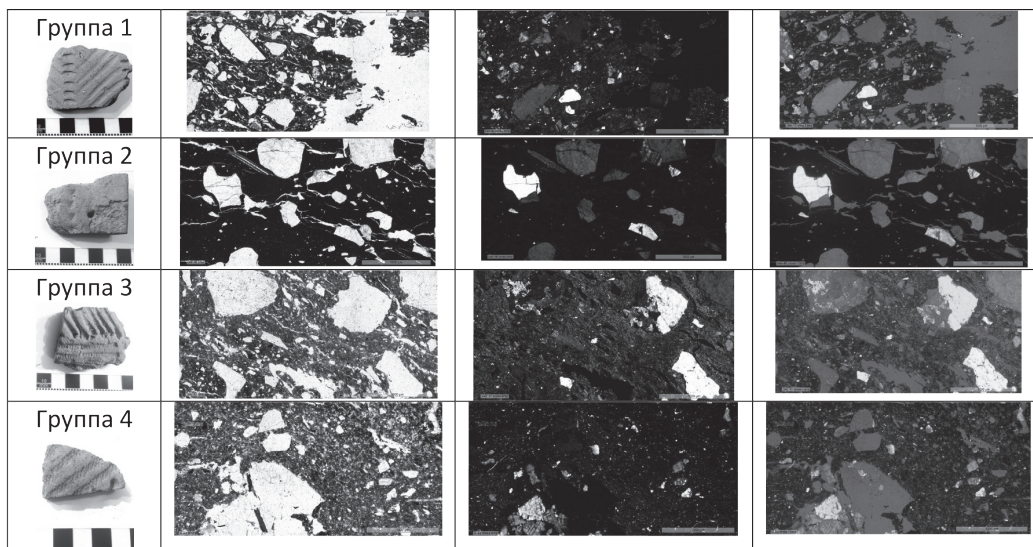

Рис. 2. Результаты петрографического анализа керамики сперрингс (группы 1–4), микрофото: левая колонка – без анализаторов; средняя – в поляризованном свете; правая – в поляризованном свете с кварцевой пластинкой. Масштаб – 1000 мкм. Фото М. А. Кульковой

Figure 2. Results of the petrographic analysis of the Sperrings ceramics (groups 1–4), microphoto: left column – without analyzers; middle column – in polarized light; right column – in polarized light with a quartz plate. 1000 μm scale. Image by M. Kulkova

Керамика 4-й группы представлена двумя фрагментами, происходящими с поселения Порог Шойрукша, изготовлена из тощих глин гидрослюдистого состава, кластического материала – 22 %, размер зерен 0,05–0,07 мм, состав: полевой

шпат, амфибол, зерна угловатые. Отощителем служит дресва кристаллических пород, представленная плагиогранитами: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, мусковит, кварц – 35 %, размер обломков 1–3 мм.

ВЫВОДЫ

1. Большая часть исследованных фрагментов керамики (12) по композиционному составу глин выполнена из смектитовых, смектит-хлоритовых и гидрослюдистых жирных глин, и лишь три образца изготовлены из смектитовых и гидрослюдистых тощих глин. Возможно, существовала зависимость состава глины от типа орнаментации или хронологии памятников. Так, на поселении Оровнаволок VIII, которое расположено на северном побережье Онежского озера, вся керамика, орнаментированная отпечатками позвонка, изготовлена из жирных глин. В то же время керамика поселения Деревянное Ia, расположенного на восточном побережье Онежского озера, украшенная отступающе-прочерченным орнаментом, изготовлена из тощих глин. Поселение Оровнаволок VIII по типологии керамики датируется концом V – началом IV тыс. до н. э., а поселение Деревянное Ia – первой половиной – серединой IV тыс. до н. э.

2. В качестве отождителя в тесте всех изученных фрагментов керамики сперрингс с памятников Прибеломорья зафиксирована только дресва кристаллических пород, что имеет прямые аналогии с посудой бассейна Онежского озера.

Для сравнения: для ямочно-гребенчатой керамики, носители которой приходят на территорию Карелии позднее сперрингс, дресва зафиксирована лишь в 18 % керамических сосудов [1: 15], что может служить подтверждением культурных отличий между двумя раннеолитическими культурами, которые также выражаются в орнаментации керамики и каменном инвентаре.

3. В большинстве фрагментов керамики сперрингс в составе дресвы зафиксированы зерна мусковита – минерала, который встречается в Северной Карелии и на Кольском полуострове. Месторождения слюды и ее выходы встречаются в окрестностях г. Беломорска, однако для установления источника примеси мусковита в керамике необходимо сравнить образцы с месторождений и в тесте посуды. В более поздние периоды древнее население, как установила Т. А. Васильева, могло брать глину из месторождения глин «Выгостровское», которое располагается в окрестностях Старой Залавруги [1: 10].

Таким образом, керамика сперрингс с памятников юго-западного Приладожья по составу формовочной массы имеет прямые аналогии с посудой бассейна Онежского озера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева Т. А. Технология древнего гончарства эпохи неолита на территории Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 2 (179). С. 8–17. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.284
2. Витенкова И. Ф. Культура сперрингс // Археология Карелии. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 1996. С. 65–81.
3. Герман К. Э. Культура сперрингс на территории Карелии // Первобытные древности Евразии: к 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. М.: Изд-во ИА РАН, 2012. С. 571–590.
4. Герман К. Э. Неолитическая керамика в Северной Карелии (Сярjäisniemi I) // Археология Севера. Петрозаводск, 1997. Вып. 1. С. 63–74
5. Герман К. Э. Итоги петрографических исследований раннеолитической керамики сперрингс с поселений Деревянное Ia и Оровнаволок VIII в Карелии // Уфимский археологический вестник. 2022. Т. 22, № 1. С. 61–70.
6. Герман К. Э., Кулькова М. А. Новые петрографические исследования керамики сперрингс с памятников бассейна Онежского озера // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 12–21. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.366
7. Герман К. Э., Кулькова М. А. Петрографические исследования керамики сперрингс с памятников юго-западной Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 8 (183). С. 8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.544
8. Гурина Н. Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. Археологические изыскания. СПб.: Центр Петербургское востоковедение, 1997. Вып. 32. 240 с.
9. Кулькова М. А. Петрографический анализ в оценке формовочных масс при изучении древней глиняной посуды // Самарский научный вестник. 2015. № 3 (12). С. 100–107.
10. Савватеев Ю. А. Неолитические поселения в низовье реки Выг // Археологические исследования в Карелии. Л.: Наука, 1972. С. 52–90.
11. Савватеев Ю. А. Залавруга. Л.: Наука, 1977. Ч. 2: Стоянки. 326 с.
12. Skandfer M. Early, northern comb ware in Finnmark: the concept of Särjäisniemi 1 reconsidered // *Fennoscandia Archaeologica*. 2005. XXII. P. 3–27.
13. Skandfer M. 'All change'? Exploring the role of technological choice in the early northern comb ware of Finnmark, Arctic Norway // *Ceramics before farming: The dispersal of pottery among prehistoric Eurasian hunter-gatherers*. Walnut Creek: Left Coast Press, 2009. P. 347–374.
14. Torvinen M. Sär 1 – keramiikkaa kayttanut vaesto – etnisiä kysymyksiä // *Muinaistutkija*. 1998. № 4. S. 38–45.

15. Torvinen M. Säräisniemi I Ware // *Fennoscandia Archaeologica*. 2000. XVI. P. 3–36.

Поступила в редакцию 10.04.2023; принята к публикации 29.05.2023

Original article

Konstantin E. German, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
germangermanik@yandex.ru

PETROGRAPHIC STUDIES OF THE SPERRINGS CERAMICS FROM THE MONUMENTS OF THE SOUTHWESTERN WHITE SEA REGION

Abstract. The aim of the study was to establish the presence or absence of differences in the compositions of the molding masses of the Sperrings ceramics, depending on the geographical area of the settlements. The task was to determine the structure and material of the ceramics fragments from the settlements of the Sperrings culture on the territory of the White Sea region. Fifteen fragments were selected for the petrographic study, including mainly parts of the vessel walls decorated with the main types of ornamentation: impressions of fish vertebrae (4), receding lines (7) and a rope stamp (4). The studies were carried out in sanded samples using MBS-1 binoculars with 16x, 24x and 140x magnification. In terms of the clay composition, most of the studied ceramics fragments (10) are made of thin clays of hydrosilicic and smectite-hydrosilicic composition, although this type of clay is of inferior quality and was used to a lesser extent for the manufacture of the Sperrings ceramics from the settlements of Lake Onega basin. In the test of all the studied fragments of the Sperrings ceramics from the monuments of the southwestern White Sea region, only the soil of crystalline rocks was recorded as a thinner, which has direct analogies with the ware of Lake Onega basin.

Key words: petrographic analysis, greasy clay, lean clay, White Sea, early Neolithic, Sperrings ceramics

Acknowledgements. The study was state-financed as part of the state project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: German, K. E. Petrographic studies of the Sperrings ceramics from the monuments of the southwestern White Sea region. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(5):8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.916

REFERENCES

1. Vasilyeva, T. A. Ancient pottery production technology in Neolithic Karelia. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;2(179):8–17. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.284 (In Russ.)
2. Vitenkova, I. F. The Sperrings culture. *Archeology of Karelia*. Petrozavodsk, 1996. P. 65–81. (In Russ.)
3. German, K. E. The Sperrings culture in Karelia. Primitive antiquities of Eurasia: celebrating the 60th anniversary of Alexey Nikolaevich Sorokin. Moscow, 2012. P. 571–590. (In Russ.)
4. German, K. E. Neolithic pottery in North Karelia (Säräisniemi I). *Archeology of the north*. Petrozavodsk, 1997. Issue 1. P. 63–74. (In Russ.)
5. German, K. E. Petrographic analysis of the Early Neolithic pottery of the Sperrings culture from Derevaynoe la and Orovnavolok 8, Karelia. *Ufa Archaeological Herald*. 2022;22(1):61–70. (In Russ.)
6. German, K. E., Kulkova, M. A. New petrographic study of the Sperrings ceramics of the monuments of Lake Onega basin. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;6(183):12–21. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.366 (In Russ.)
7. German, K. E., Kulkova, M. A. Petrographic studies of the Sperrings ceramics with south-western Karelia. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(8):8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.544 (In Russ.)
8. Gurina, N. N. History of culture of the ancient population of the Kola Peninsula. Archaeological research. St. Petersburg, 1997. Issue 32. 240 p. (In Russ.)
9. Kulkova, M. A. Petrography for assessment of moulding compound of ancient pottery. *Samara Journal of Science*. 2015;3(12):100–107. (In Russ.)
10. Savvateev, Yu. A. Neolithic settlements in the lower reaches of the Vyg River. *Archaeological research in Karelia*. Leningrad, 1972. P. 52–90. (In Russ.)
11. Savvateev, Yu. A. Zalavruga. Leningrad, 1977. Part 2: Settlements. 326 p. (In Russ.)
12. Skandfer, M. Early, northern comb ware in Finnmark: the concept of Säräisniemi 1 reconsidered. *Fennoscandia Archaeologica*. 2005;XXII:3–27.
13. Skandfer, M. 'All change'? Exploring the role of technological choice in the early northern comb ware of Finnmark, Arctic Norway. *Ceramics before farming: The dispersal of pottery among prehistoric Eurasian hunter-gatherers*. Walnut Creek, 2009. P. 347–374.
14. Torvinen, M. Sär 1 – keramiikkaa kayttanut vaesto – etnisiä kysymyksiä. *Muinaistutkija*. 1998;4:38–45.
15. Torvinen, M. Säräisniemi I Ware. *Fennoscandia Archaeologica*. 2000;XVI:3–36.

Received: 10 April 2023; accepted: 29 May 2023

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА КОЖЕВНИКОВА

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального исследовательского центра «Кольский на-
учный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-2570-8641; yukozevnikova@gmail.com

КОЛЬСКОЕ БЛАГОЧИННИЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: СЕЛЬСКИЕ ПРИХОДЫ И КЛИР

А н н о т а ц и я . На основании документов из Национального архива Республики Карелия впервые рассматривается состав Кольского благочиния Архангельской епархии в первой половине XIX века и выявляются особенности местной приходской структуры. Выясняется, что с момента образования благочиннического округа, занимавшего огромные пространства Русской Лапландии и севера Беломорской Карелии, количество его приходов не менялось вплоть до середины 1840-х годов. Епархиальное руководство, осознавая необходимость развития церковно-приходской системы на Кольском Севере, приступило в середине XIX века к ее разделению и сооружению новых храмов. Духовные власти пытались выстроить более эффективную систему управления сельскими приходскими приходами и духовенством Кольского благочиния. Выясняется незначительная численность сельских клириков округа, на которую не повлияли введение «Устава духовных консисторий» в 1841 году и установление нового штатного расписания церквей Архангельской епархии в 1843 году. В научный оборот вводятся статистические данные о размерах приходских общин на Кольском Севере. При изучении образовательного уровня приходского духовенства края делается вывод о том, что для возведения в иерейский сан было достаточно пройти обучение в епархиальных духовных училищах.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Архангельская епархия, Кольское благочиние, Кемское духовное правление, приходы, приходское духовенство, сельские священники, причетники

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН № FMEZ-2022-0028.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Кожевникова Ю. Н. Кольское благочиние Архангельской епархии в первой половине XIX века: сельские приходы и клир // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 5. С. 15–22. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.917

ВВЕДЕНИЕ

В истории российских православных приходов и духовенства первая половина XIX века – непростой период, отмеченный знаменательными событиями и процессами, повлиявшими на юридическое и имущественное положение клира и дальнейшее развитие приходских институтов [13: 139–204]. Во время правления Николая I при проведении кодификации государственного законодательства были систематизированы и сведены воедино все права и обязанности духовных лиц, постановления о церковных землях и правилах ее использования, судебные нормы в отношении клириков и т. д. Введенный в 1841 году «Устав духовных консисторий» содержал четкие указания по вопросам строительства храмов и учреждения новых причтов, замещения возникавших приходских вакансий, деятельно-

сти церковных старост и благочинных. Высшие светские и духовные власти стремились найти оптимальное решение острого вопроса об улучшении финансового обеспечения клира, в том числе используя частичный перевод духовенства на казенное жалованье. Во второй четверти XIX века создаются епархиальные духовные попечительства и начинает складываться единая система социальной защиты сирот и вдов пресвитеров и причетников. Вместе с этим начатая правительством в 1808 году масштабная реформа духовного образования негативно отразилась на благосостоянии приходских общин: они лишились возможности самостоятельно распоряжаться важнейшими для них доходами от свечной торговли, которые стали поступать на содержание учебных заведений. Новое штатное расписание церквей, которое с 1842 года постепенно вводится

в разных епархиях Русской православной церкви, предусматривало слияние мелких приходов в более крупные, что в целом приводило к сокращению причтов и ослаблению пастырской деятельности духовенства.

Важность происходивших в первой половине XIX века событий подчеркивается актуальностью их изучения отечественной историографией. Современные исследователи используют разные по характеру источники по истории приходов и белого духовенства, рассматривают на региональном уровне проблемы формирования и материального содержания причтов, взаимоотношений клириков и прихожан, выявляют особенности положения отдельных групп духовенства, оценивают степень влияния проводившихся государством преобразований на жизнь местных причтов, определяют ее особенности с учетом локальных традиций и т. д. [1], [2], [7], [10], [14]. В то же время научная литература, посвященная сельским приходам и духовенству Кольского Севера в первой половине XIX века, незначительна¹. В статье, посвященной биографии протоиерея Иоанна Дьяконова (1774–1838), оценивается его участие в «поновлении» старинных церквей Кольского уезда и сообщаются любопытные сведения о трудностях, с которыми сталкивался старший священник на должности благочинного [3]. С. А. Никонов и Д. А. Ермолаев вместе с описями имущества Воскресенского собора города Колы 1803–1854 годов опубликовали краткий очерк по истории этого храма и приписанных к нему церквей [8: 20–29]. В обобщающей работе П. В. Федорова о священниках Русской Лапландии в XIX – начале XX века выявляются специфические условия их пастырской деятельности и делаются неоднозначные выводы об отсутствии здесь многопоколенных священнических родов и местной «текучести церковных кадров» [11].

Необходимо рассмотреть не изучавшиеся ранее вопросы о составе Кольского благочиния Архангельской епархии в первой половине XIX века, выяснить численность его приходов и клириков, определить особенности местной приходской структуры, при этом уделить особое внимание сельским пресвитерам, окормлявшим население Терского берега Белого моря и северной части Беломорской Карелии. Клирики уездного центра Кола и особенности их пастырского служения будут рассмотрены отдельно в следующих исследованиях.

В статье в научный оборот вводятся новые документы из Национального архива Республики Карелия (НА РК), среди которых наиболее зна-

чимыми представляются указы Архангельской духовной консистории, отложившиеся в фонде Кемского духовного правления (Ф. 165), клировые ведомости за 1844 год со сведениями о сельских церквях, причтах и прихожанах округа из фонда Третьего Кемского благочиния (Ф. 663), а также журналы заседаний присутствия Кемского духовного правления (Ф. 165). Данная статья продолжает цикл работ, посвященных изучению церковно-приходской жизни на Кольском Севере в XIX веке [4], [5], [6].

КОЛЬСКОЕ БЛАГОЧИННИЕ И ЕГО ПРИХОДЫ

В первой половине XIX века православные церкви и духовенство Кольского Севера находились в ведомстве Архангельской духовной консистории, созданной в 1744 году, и непосредственно подчинялись Кемскому духовному правлению, открытому в 1785 году в городе Кемь одновременно с образованием Кемского уезда Архангельской губернии. Для более эффективного управления местными приходами и усиления контроля за ними в последней трети XVIII века в регионе вводится институт благочинных. Старший священник, возглавлявший Кольское благочиние, выбирался правящим архиереем из числа наиболее достойных, на его взгляд, пресвитеров. В его обязанности входило не менее двух раз в год посещать все храмы своего округа, проверять их состояние и документацию, доводить до сведения приходских клириков поступающие из Кеми и Архангельска указания духовных властей и затем отчитываться о результатах инспекторских поездок перед правлением и епископом [6].

В первой половине XIX века Кольское благочиние возглавляли настоятели разных приходов (Кандалакшского, Кольского, Керетского и др.). В 1807–1813 годах должность благочинного по воле архиерея исполнял настоятель Пречистенского Кандалакшского прихода Димитрий Плотников [6], после его смерти – протоиерей Иоанн Иоаннович Дьяконов из кольского Воскресенского собора [3]. Непродолжительное время, в 1833–1838 годах, церквами округа заведовали сразу два благочинных – Иоанн Дьяконов и Иоанн Григорьевич Плотников из Керети. После смерти кольского протоиерея, в 1838–1843 годах дела благочиния вел один Иоанн Плотников, продолжавший служить в керетской церкви великомученика Георгия. Затем благочинным был поставлен молодой пресвитер Алексей Васильевич Алексеевский (1822–1871), недавно окончивший Архангельскую духовную семинарию и рукоположенный епископом Георгием (Ящуржинским) во священника к Петропавловской церкви в селе

Поной. Через три года его переместили в Варзужский Успенский приход². Вместе с переводом на другое место служения Алексей Алексеевский лишился места благочинного: в сентябре 1846 году его занял Павел Ивановский, первый священник недавно образованного Ковдского прихода³.

Как следует из записи в журнале заседания членов Кемского духовного правления протоиерея Александра Тошакова и священника Михаила Никитина – оба входили в состав причта Успенского собора города Кемь – за 13 августа 1846 года, решение о назначении новым благочинным Павла Ивановского принималось в целях лучшего управления окружными церквями и духовенством: «...в Кольской округе удобнее быть благочинию при Ковдской, нежели при Варзужской церкви, по центральности первой и по прочим физическим отношениям»⁴. Правящий епископ прислушался к рекомендации, поступившей от кемского соборного духовенства, и подписал указ об определении на ответственную должность ковдского иерея.

По сведениям, представленным кольским благочинным Алексием Алексеевским в Кемское духовное правление в 1844 году, вверенный ему округ объединял семь крупных по площади приходов с центрами в уездном городе Кола, поморских селах Варзуга, Поной и Умба (Кольский уезд), Кандалакша и Кереть (Кемский уезд). В его благочинии, территория которого охватывала Русскую Лапландию и северную часть Беломорской Карелии, насчитывалось 18 самостоятельных и приписанных церквей, что соответствовало требованиям «Устава духовных консисторий» (см. табл. 1)⁵. Существовавшие в округе приходы имели длительную историю, уходившую корнями в Средневековье и связанную с активной миссионерской и просветительской деятельностью Соловецкого, Троицкого Печенгского и Пречистенского Кандалакшского монастырей. Самым древним в благочинии считался маленький клетский храм во имя святых страстотерпцев Бориса и Глеба, по преданию построенный преподобным Трифоном Печенгским на реке Паз в 1565 году [15]. Другая возведенная в XVI веке деревянная церковь, «крыша на два ската», во имя святителя Афанасия Александрийского стояла в селе Варзуга на Терском берегу Белого моря.

В каждом приходе Кольского благочиния также были часовни, часть из которых во второй половине XIX века была преобразована в церкви⁶. Например, к варзужскому Успенскому храму относилась часовня Тихвинской иконы Божией Ма-

тери в селении Кашкаранцы, поставленная монахами Соловецкого монастыря над погребением погибшего инока Астерия. В 1866–1868 годах к ней пристроили алтарную часть, а в 1890 году при церкви в Кашкаранцах образовался самостоятельный приход со своим причтом⁷.

Таблица 1

Приходы и церкви Кольского благочиния в первой половине XIX века

Table 1

Parishes and churches of the Kola County in the first half of the XIX century

Приход	Местонахождение церкви	Посвящение церкви
Кольский	уездный город Кола	Воскресения Христова (1684) Благовещения Богородицы (1804)
	«за рекою Колою»	Пресвятой Троицы (1757)
	на реке Печенга	Сретения Господня (1708)
	на реке Паз	святых страстотерпцев Бориса и Глеба (1565)
Варзужский Успенский	село Варзуга	Успения Божией Матери (1673/74) святителя Афанасия Александрийского (1596/97) преподобных Зосимы и Савватия Соловецких («неизвестно когда»)
		святителя Николая Чудотворца (1705) апостолов Петра и Павла (1757)
Варзужский Петропавловский	село Варзуга	святителя Николая Чудотворца (1705) апостолов Петра и Павла (1757)
	село Кузомень	Великомученика Димитрия Солунского (1844)
Кандалакшский	село Кандалакша	Иоанна Предтечи (1786–1801)
	«за рекою Нивою»	Рождества Пресвятой Богородицы (1802)
	село Ковда	святителя Николая Чудотворца (1705)
Керетский	село Кереть	Великомученика Георгия (1773)
Понойский	село Поной	Апостолов Петра и Павла (1802)
Умбский	село Умба	Воскресения Христова (1778)
	село Порья губа	Святителя Николая Чудотворца (1794)

Источник: НА РК. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/1, 1/5.

В клировых ведомостях за 1844 год отражены размеры церковных общин: в Кандалакшском приходе насчитывалось 215 дворов, 1545 чел. (из них 194 «лапландца»); Варзужском Успенском – 158 дворов, 1195 чел.; Керетском – 96 дворов, 1111 чел.; Варзужском Петропавловском – 105 дворов,

696 чел.; Понойском – 30 дворов, 664 чел. (из них 466 «лапландцев»), Умбском – 88 дворов, 657 чел. Согласно «Уставу духовных консисторий», от числа прихожан зависели штаты для причтов:

«При церквах, при которых штат причта не определен особым постановлением, приемлется за основание штат, существующий от прежних времен, означенный в клировых ведомостях, с наблюдением, чтобы при сельских церквах, при которых в приходе числится менее 800 душ мужеска пола, было не более одного священника, а при церквах, где не более 400 душ, причт состоял из священника и двух причетников»⁸.

Таким образом, для сельских приходов Кольского благочиния полагались причты из трех клириков – пресвитера, дьячка и пономаря. Эти новые правила не повлияли на число священнослужителей в округе: согласно синодальному указу от 8 октября 1778 года два священника в штате предусматривались для многолюдных общин с 250–300 дворами⁹.

Состав Кольского благочиния не менялся с момента его образования вплоть до второй половины 1840-х годов, когда в сложившейся приходской системе произошли важные изменения: по инициативе епархиального руководства, осознававшего необходимость увеличить число церквей и причтов в крае, на Терском берегу открылись два новых прихода: Ковдский в 1845 году и Тетринский в 1847 году¹⁰. В Ковде – наиболее крупном поселении Кандалакшского прихода – стоял старинный «теплый» храм святителя Николая Чудотворца с колокольной, построенный в 1705 году. Эта приписная церковь находилась в 60 верстах от Кандалакши, поэтому богослужение в ней до появления собственного причта совершалось «входящими» пресвитерами нерегулярно: в престольные праздники – 6 декабря и 9 мая по старому стилю – и «в разное время, когда приходский священник приезжает»¹¹. Жители Тетрино до образования самостоятельного прихода были прихожанами удаленных варзужских храмов. В их селении издавна стояла небольшая часовня Святой Троицы, которую изредка посещали клирики из Варзуги. Учрежденный тетринский причт стал окормлять жителей небольших поморских деревень Чаваньга, Чапома, Стрельна и Пялица.

Среди духовенства Архангельской епархии сельские приходы Кольского уезда, удаленные от ее центра на тысячу верст и разбросанные на огромном пространстве Русской Лапландии, считались особенно бедными¹². Кроме того, жившие в Коле, Кандалакше и Поное священники должны были окормлять саамов, чьи сезонные поселения относились к их приходским церквям.

В обязанности этих клириков входили длительные и опасные поездки по лопарским погостам, во время которых они исправляли мирские требы для «лапландцев».

СЕЛЬСКИЙ КЛИР: ЧИСЛЕННОСТЬ, ВОЗРАСТ, ОБРАЗОВАНИЕ

По новому штатному расписанию, действовавшему в Архангельской епархии с 1843 года, для шести сельских приходов Кольского благочиния были определены шесть вакансий священников и двенадцать – причетников (поровну дьячков и пономарей). Другими словами, численный состав клириков оставался прежним. Как видно из сохранившихся клировых ведомостей, в 1844 году все священнические места были заняты (см. табл. 2), тогда как в некоторых причтах отсутствовали дьячки (в двух варзужских приходах) и пономари (в Варзужском Успенском, Умбском и Понойском приходах). Таким образом, сельский клир огромного по территории Кольского благочиния состоял из шести пресвитеров, четырех дьячков и трех пономарей¹³. Помимо этого, при Успенской церкви в Варзуге «на пропитании» своего сына Василия Гурьева находился пожилой заштатный иерей Димитрий Кириллович Гурьев, всю жизнь прослуживший в этом храме (в 1796–1839 годах). Сведения о нем также должны были заноситься в клировые ведомости.

Старшее поколение штатных пресвитеров Кольского благочиния представлял Андрей Петрович Ануфриев из кандалакшской церкви во имя Иоанна Предтечи, родившийся в 1792 году в семье священника Керетского прихода Петра Семеновича Ануфриева. Все остальные сельские иереи появились на свет уже в первой четверти XIX века. Самым молодым из них был упоминавшийся ранее Алексей Алексеевский, по воле архиерея ставший благочинным сразу после своего рукоположения во священство.

Каноническое правило о возрасте кандидатов во священнический сан (старше 30 лет) неукоснительно соблюдалось для пресвитеров Кольского благочиния при их хиротонии. По закону исключение составляли выпускники духовных семинарий: они возводились во священство сразу после завершения полного курса обучения. Среди местных сельских иереев аттестаты 2-го разряда о семинарском образовании имели Евдоким Второй из Керетского прихода и благочинный Алексей Алексеевский из Понойского прихода, поэтому они приняли сан в 21-летнем возрасте.

Клировые ведомости свидетельствуют о том, что все пресвитеры Кольского благочиния, кроме Андрея Ануфриева из Кандалакшского

прихода, являлись ставленниками одного архиепископа – епископа Георгия (Ящуржинского), управлявшего Архангельской и Холмогорской епархией в 1830–1845 годах. За время пребывания на кафедре энергичный владыка дважды – в 1835 и 1842 годах – посещал труднодоступные приходы Кольского благочиния. Он заранее требовал от Кемского духовного правления подробные сведения о «местных обстоятельствах» и выстраивал маршрут так, чтобы посетить как можно большее число церквей¹⁴. Взыскательный епископ не только знакомился с непростыми условиями жизни клириков на Кольском Севере, но и проверял их знания церковного устава во время совершения всенощного бдения и литургии в приходских храмах.

Таблица 2

Штатные священники сельских приходов Кольского благочиния в 1844 году

Table 2

Full-time priests of the rural parishes of the Kola County in 1844

Приходы	Священники	Возраст	Образование	Год возведения во священство
Кандалакшский	Андрей Петрович Ануфриев	52 года	Архангельская духовная семинария	1826
Варзужский Успенский	Василий Дмитриевич Гурьев	36 лет	Архангельское духовное уездное училище	1839
Варзужский Петропавловский	Гавриил Васильевич Гурьев	40 лет	Архангельское духовное уездное училище	1836
Керетский	Евдоким Абрамович Второй	23 года	Олонецкая духовная семинария	1843
Умбский	Василий Иванович Дьяконов	42 года	Рождественское приходское училище в Архангельске	1836
Понойский	Алексий Васильевич Алексеевский	22 года	Архангельская духовная семинария	1843

Источник: НА РК. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/1.

В первой половине XIX века высшие духовные и светские власти неоднократно пытались ввести строгий образовательный ценз для кандидатов, желавших принять сан пресвитера. Они должны были обладать необходимыми для будущего пастырского служения познаниями, полученными в духовных учебных заведениях низшего и среднего уровня (уездных училищах и семинариях). Об этом, например, говорилось в именном указе Николая I от 17 июня 1826 года, данном Святейшему Синоду:

«Изыскать средства и сделать постановление, чтоб в священники не иначе посвящались, как из людей испытанных в доброй нравственности, с достаточными познаниями и предпочтительнее из семинаристов, дабы надежнее могли руководить вверенную им паству, и назидать ее в христианских добродетелях <...> из духовных училищ выпускались к занятию мест сельских священников не иначе, как по окончании полного курса учения»¹⁵.

На практике, однако, епархиальное руководство нередко сталкивалось с проблемой дефицита пресвитеров, имевших хорошую профессиональную подготовку. Об этом, например, говорят сведения, содержащиеся в клировых ведомостях Кольского благочиния за 1844 год. Проведенный анализ архивных данных показывает, что в его приходах в это время находились священники, за плечами которых была учеба только в низшем (Василий и Гавриил Гурьевы в Варзуге) или высшем (Василий Дьяконов в Умбе) классах Архангельского уездного и Рождественского приходского училищ. Андрей Ануфриев из Кандалакши вовсе обучался у своего родственника, служившего в кемском Успенском соборе иерея, когда в начале XIX века проживал у того «на пропитании». В 1804 году отца Андрея посвятили во дьячка в Керетский приход и, наконец, в 1826 году рукоположили во священника к кандалакшской церкви Иоанна Предтечи. Как уже отмечалось, только два молодых пресвитера, Евдоким Второй¹⁶ и благочинный Алексей Алексеевский, были выпускниками Архангельской и Олонецкой духовных семинарий.

Церковные служители Кольского благочиния обучались в Архангельском уездном духовном училище, причем трое из них по разным причинам не смогли его окончить и были отчислены уже из низшего класса (пономари Кондрат Второй из Керети, Александр Гурьев из Варзуги и Устин Плотников из Кандалакши). В отличие от них керетский дьячок Михаил Ануфриев, 22-летний сын священника Никиты Семеновича Ануфриева, завершил свое образование в среднем отделении Олонецкой духовной семинарии, но в последующие годы, как и другие церковнослужители, упомянутые в клировых ведомостях за 1844 год, оставался на причетнической должности¹⁷.

ВЫВОДЫ

В первой половине XIX века территория Кольского благочиния Архангельской епархии включала значительные пространства Русской Лапландии и севера Беломорской Карелии, заселенные поморами, карелами и саами. Количество входивших в его состав при-

ходов не менялось с момента образования округа вплоть до второй половины 1840-х годов, когда в поморских селениях Ковда и Тетрино были учреждены новые самостоятельные причты. Епархиальное руководство осознавало необходимость дальнейшего развития местной приходской структуры на Кольском Севере, поэтому приступило в середине XIX века к ее разделению и сооружению новых храмов.

Духовные власти предпринимали в первой половине XIX века попытки выстроить более эффективную систему управления сельскими приходскими и духовенством Кольского благочиния. Об этом свидетельствуют факты перемещения окружного центра в разные приходы в зависимости от места служения нового избранного епископом старшего священника, а также назначения двух благочинных одновременно в 1833–1838 годах. К идее о разделении единого Кольского благочиния на две части руководство Архангельской епархии вернется в 1854 году и распределит его храмы «для большего пристрастия и успешного хода дел» на два округа¹⁸.

Введение «Устава духовных консисторий» и нового штатного расписания церковью Архангельской епархии не повлияло на численность сельских приходов и клириков Кольского благочиния. Выяснилось, что в его приходах в первой половине XIX века продолжали служить представители местных священнических династий (Ануфриевых, Гурьевых, Дьяконовых, Плот-

никовых), известных по документам со второй половины XVIII века. Все пресвитеры, за исключением Андрея Ануфриева, ставленника архангельского епископа Аарона (Нарциссова), возводились во священство во второй половине 1830-х – начале 1840-х годов епископом Георгием (Ящуржинским) и служили в тех приходских церквях, куда были определены им сразу после своей хиротонии в Архангельском Кафедральном соборе. Срок их пребывания на иерейском месте не мог быть продолжительным и ограничивался двумя – восемью годами. В будущем возможно проследить дальнейшие судьбы этих пресвитеров и определить частоту их перемещения из одного прихода в другой внутри Кольского благочиния.

Степень образованности, как свидетельствуют клировые ведомости за 1844 год, не играла основной роли при получении священства: для возведения в иерейский сан было достаточно окончить Архангельское уездное или Рождественское приходское духовные училища. В то же время для успешного продвижения по служебной лестнице к середине XIX века требовалось семинарское образование, хотя бы неполное. Пресвитеры разных приходов могли быть выбраны епископом в качестве благочинных, однако местные священники не входили в состав присутствия Кемского духовного правления и не имели возможности участвовать в решении уездных церковных дел.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Фактографические материалы о жизни приходов и духовенства Кольского Севера в первой половине XIX века встречаются в краеведческих работах И. Ф. Ушакова. См.: [9]. Краткие биографические данные о некоторых клириках, служивших в Кольском благочинии в первой половине XIX века, представлены в «Православном словаре Кольского Севера». См.: [12].
- ² Священник Алексей Алексеевский служил здесь до 1852 года. Затем его перевели в причт Воскресенского собора в городе Кола и снова назначили благочинным. Он умер в 1871 году. См.: [12: 21].
- ³ НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 15/358. Л. 126 об.
- ⁴ Там же. Л. 89.
- ⁵ В ведении одного благочинного могли находиться от 10 до 30 приходских храмов. См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе: С 12 декабря 1825 по 28 февраля 1881 года (далее – ПСЗ II). СПб., 1841. Т. 16. № 14409.
- ⁶ Варзужский Успенский приход – часовни в селениях Тетрино, Кашкаранцы, Чапома; Варзужский Петропавловский – Кузомень, Стрельно; Керетский – Черноречкое; Умбский – Кузрека; Понойский – Пялицы; Кандалакшский – в саамских Бабинском и Екостровском погостах.
- ⁷ Официальная часть // Архангельские епархиальные ведомости. 1891. № 3–4. С. 11–12.
- ⁸ ПСЗ II. СПб., 1841. Т. 16. № 14409.
- ⁹ Там же. СПб., 1845. Т. 20. № 14807.
- ¹⁰ НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 15/365. Л. 189.
- ¹¹ Там же. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 19.
- ¹² Так, в 1808 году архангельский епископ Евлампий (Введенский) угрожал сельским священникам Холмогорского благочиния выслать всех «нерадящих о землешествие» в кольские приходы: «...если и еще таковыми усмотрены будут, то дадутся в Кольском округе им места, где земли нет и обрабатывать не заставят». См.: НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 3/58. Л. 1–1 об.
- ¹³ Диаконские вакансии для сельских приходов Кольского благочиния штатным расписанием не были предусмотрены.

¹⁴ НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 7/126. Л. 126–133.

¹⁵ ПСЗ II. СПб., 1830. Т. 1. № 413.

¹⁶ Священник Евдоким Второй в 1847 году был переведен в Кестеньгский приход Кемского уезда. См.: НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 15/365. Л. 101 об.

¹⁷ Например, по клировым ведомостям за 1879 и 1884 годы, на причетнических должностях по-прежнему значились Александр Гурьев из села Варзуга (в том же приходе) и Ферапонт Бутаков из села Поной (в Керетском приходе). См.: НА РК. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/2, 1/5.

¹⁸ НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 26/729. Л. 1–2 об., 17–19.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беглов А. Л. Реформа духовного образования 1808 г. и закрепощение православных приходов в Российской империи // Российская история. 2020. № 2. С. 149–158. DOI: 10.31857/S086956870009262-9
2. Беговатов Д. А. Городское православное духовенство Тверской епархии в первой половине XIX века: профессиональная деятельность и повседневная жизнь. Тверь, 2017. 312 с.
3. Ермолаев Д. А. Протоиерей Иоанн Дьяконов – забытое имя в истории православия на Кольском Севере // IX Ушаковские чтения: Сб. научных статей. Мурманск, 2011. С. 54–61.
4. Кожевникова Ю. Н. Документы по истории приходов Кольского Севера в фонде Кемского духовного правления Национального архива Республики Карелии // Труды Кольского научного центра. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 109–119. DOI: 10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.008
5. Кожевникова Ю. Н. Материальное обеспечение приходского духовенства Кольского Севера в последней трети XIX века // Труды Кольского научного центра РАН. Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 130–135. DOI: 10.37614/2949-1185.2022.1.1.012
6. Кожевникова Ю. Н. Благочинный на Кольском Севере в начале XIX века (по документам Кемского духовного правления Национального архива Республики Карелия) // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2023. № 1 (59). С. 67–73. DOI: 10.19110/1994-5655-2023-1-67-73
7. Мионов Б. Н. Жизненный уровень российского приходского православного духовенства в имперской России // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 1 (25). С. 65–80.
8. Описи церковного имущества Кольского Печенгского монастыря и Воскресенского собора города Колы XVIII – середины XIX веков: Сб. документов / Сост. и авт. статей Д. А. Ермолаев, С. А. Никонов. Мурманск, 2013. 430 с.
9. Профессор Иван Федорович Ушаков: к 100-летию со дня рождения ученого: Библиографический указатель / Сост. О. Н. Фролова и др. Мурманск, 2021. 120 с.
10. Пулькин М. В. Православный приход и власть в середине XVIII – начале XX в. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. 422 с.
11. Федоров П. В. Православные кочевники среди ландшафтов Русской Лапландии (XIX – начало XX в.) // Святейший Синод в истории российской государственности: Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. СПб., 2017. С. 432–449.
12. Федоров П. В. Православный словарь Кольского Севера. СПб., 2017. 232 с.
13. Цыпин В., протоиерей. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. М., 2007. 816 с.
14. Цысь О. П. Православные приходы Тобольского Севера в XIX – начале XX века: основные этапы и особенности развития // Вестник Нижневартского государственного университета. 2017. № 2. С. 57–66.
15. Шахнович М. М. Древний храм святых Бориса и Глеба на реке Паз: опыт историко-археологического исследования // Четвертые Феодоритовские чтения. Север и история. СПб., 2012. С. 181–215.

Поступила в редакцию 10.04.2023; принята к публикации 29.05.2023

Original article

Yulia N. Kozhevnikova, Cand. Sc. (History), Leading Researcher, Barents Centre of the Humanities – Branch of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” (Apatity, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-2570-8641; yukozevnikova@gmail.com

KOLA COUNTY OF THE ARKHANGELSK EPARCHY IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY: RURAL PARISHES AND CLERICS

Abstract. The article is the first to examine the composition of the Kola County of the Arkhangelsk Eparchy in the first half of the XIX century and identify the features of the local parish structure based on documents from the National Archive of the Republic of Karelia. It is shown that since the formation of the parish county, which occupied vast areas of Russian Lapland and the north of the White Sea Karelia, the number of its constituent parishes remained un-

changed until the mid-1840s. In the middle of the XIX century, the eparchy leadership, realizing the need to develop the church parish system in the Kola North, began mapping the territory and constructing new churches. The spiritual authorities tried to build a more effective management system for rural parishes and clergy of the Kola County. The study revealed that very few rural clerics of the county were not affected by the newly-introduced Charter of Spiritual Consistories (1841) and a new staffing establishment for the churches of the Arkhangelsk Eparchy (1843). The paper introduces the statistical data on the size of parish communities in the Kola North into scientific circulation. The analysis of the educational level of the region's parish clergy leads to the conclusion that it was enough to graduate from a eparchial theological school to become a priest.

Key words: Arkhangelsk Eparchy, Kola County, Kem spiritual collegium, parishes, parish clergy, rural priests, assistant clergy

Acknowledgements. The article was financed from the federal budget as part of the state task No FMEZ-2022-0028 assigned to the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

Citation: Kozhevnikova, Yu. N. Kola County of the Arkhangelsk Eparchy in the first half of the XIX century: rural parishes and clerics. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(5):15–22. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.917

REFERENCES

1. Beglov, A. L. The reform of the church education in 1808 and enslavement of the Orthodox parishes in the Russian Empire. *Russian History*. 2020;2:149–158. DOI: 10.31857/S086956870009262-9 (In Russ.)
2. Begovатов, D. A. Urban Orthodox clergy of the Tver Eparchy in the first half of the XIX century: professional activities and daily life. Tver, 2017. 312 p. (In Russ.)
3. Ermolaev, D. A. Archpriest John Dyakonov – a forgotten name in the history of Orthodoxy in the Kola North. *The IX Ushakov Readings: Collection of articles*. Murmansk, 2011. P. 54–61. (In Russ.)
4. Kozhevnikova, Yu. N. Documents on the history of the parishes of the Kola North in the fund of the Kem' Spiritual Collegium of National Archive of Republic of Karelia. *Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian Studies*. Issue 22. 2022;13(2):109–119. DOI: 10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.008 (In Russ.)
5. Kozhevnikova, Yu. N. Material support of the parish clergy of the Kola North in the last third of the 19th century. *Transactions of the Kola Science Centre. Natural Sciences and Humanities*. 2022;1(1):130–135. DOI: 10.37614/2949-1185.2022.1.1.012 (In Russ.)
6. Kozhevnikova, Yu. N. Dean in the Kola North at the beginning of the XIX century (according to the documents of the Kem spiritual collegium of the National Archives of the Republic of Karelia). *Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology"*. 2023;1(59):67–73. DOI: 10.19110/1994-5655-2023-1-67-73 (In Russ.)
7. Mironov, B. N. Living standards of Russian Orthodox parish clergy in the Russian Empire. *History Magazine: Researches*. 2015;1(25):65–80. (In Russ.)
8. Inventories of church property of the Kola Pechenga Monastery and the Resurrection Cathedral of the city of Kola in the XVIII – mid-XIX centuries: Collection of documents. (D. A. Ermolaev, S. A. Nikonov, Eds.). Murmansk, 2013. 430 p. (In Russ.)
9. Professor Ivan Fyodorovich Ushakov: celebrating his 100th birth anniversary: Bibliographic index. (O. N. Frolova et al., Eds.). Murmansk, 2021. 120 p. (In Russ.)
10. Pulkhin, M. V. Orthodox parish and government in the mid-XVIII – early XX centuries. Petrozavodsk, 2009. 422 p. (In Russ.)
11. Fyodorov, P. V. Orthodox nomads among the landscapes of Russian Lapland (XIX – early XX centuries). *The Holy Synod in the history of Russian statehood: Proceedings of all-Russian research conference with the international participation*. St. Petersburg, 2017. P. 432–449. (In Russ.)
12. Fyodorov, P. V. Orthodox dictionary of the Kola North. St. Petersburg, 2017. 232 p. (In Russ.)
13. Tsyplin, V., Archpriest. The history of the Russian Orthodox church: Synodal and modern periods. Moscow, 2007. 816 p. (In Russ.)
14. Tsys, O. P. Orthodox parishes of the Tobolsk North in the XIX – early XX century: the milestones and features of development. *The Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. 2017;2:57–66. (In Russ.)
15. Shakhnovich, M. M. The ancient Church of Saints Boris and Gleb on the Paz River: the case of historical and archaeological research. *The fourth Theodoret Readings. North and history*. St. Petersburg, 2012. P. 181–215. (In Russ.)

Received: 10 April 2023; accepted: 29 May 2023

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ КРИВОНОЖЕНКО

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-7152-8070; krivfed@yandex.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ МЕЛКИМ КРЕДИТОМ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

А н н о т а ц и я. Актуальность исследования определяется важностью изучения исторического опыта участия государства в организации кредитной системы на низовом уровне. Новизна темы заключается в ее неразработанности в историографии, а также введении в научный оборот ряда новых документов. Цель статьи – изучение основных особенностей управления системой мелкого кредита в Олонецкой губернии в пореформенный период. На основе динамики ее развития можно сделать вывод о характере проникновения в крестьянскую среду товарно-денежных отношений. Выделены три этапа развития этой системы. Первый касается периода с середины XIX века до 1904 года. Для него характерно неоднократное изменение государственных структур, которым были подотчетны организации мелкого кредита. Второй этап затрагивает период с 1904 года, когда была проведена реформа мелкого кредита в России, до начала 1911 года. Для Олонецкой губернии реформа оказалась не до конца реализованной, так как в созданном здесь губернском комитете по делам мелкого кредита не было служащих, которые на постоянной основе занимались бы этим. На третьем этапе, который начался с создания в Петрозаводске отделения Государственного банка в 1911 году, данный недостаток был устранен. Заведование мелким кредитованием в губернии перешло к специальной инспекции.
К л ю ч е в ы е с л о в а: мелкий кредит, кредитные товарищества, Карелия, Олонецкая губерния, крестьянство, пореформенный период

Б л а г о д а р н о с т и. Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII–XXI вв.: новые подходы и интерпретации». Номер регистрации: 121070700117-1. Для цитирования: Кривоноженко А. Ф. Функционирование системы управления мелким кредитом в Олонецкой губернии в пореформенный период // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 5. С. 23–31. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.918

ВВЕДЕНИЕ

Изучение системы мелкого сельского кредита, функционировавшей в России в пореформенный период, – многоаспектная тема, включающая в себя широкую проблематику внутривнутриполитической повестки: от социально-экономического развития страны до государственной политики в области крестьянского вопроса. Состояние этой системы и динамика ее развития в отдельных губерниях и в целом по стране – важный индикатор, по которому можно судить об уровне социального и экономического положения крестьян, характеризовать степень включенности их хозяйств в развивающиеся капиталистические процессы. Изучение исторического опыта таких трансформационных процессов является

важной и актуальной проблемой для современной экономики. Эти тенденции представляется возможным проследить и в экономически развитых сельскохозяйственных центрах страны, где крестьянские хозяйства активно переходили к товарному производству, и в тех губерниях, где они во многом продолжали сохранять натуральный характер. К последним относилась Олонецкая губерния, однако модернизационные процессы в экономике России в конце XIX – начале XX века постепенно начали влиять на хозяйственный уклад крестьян. Сравнительно активно развивалось крестьянское товарное молочное хозяйство и рыболовство, зарождалось товарное огородничество, все большую роль начинала играть кустарная промышленность [6: 263–270]. В связи

с этим изучение системы мелкого кредита является актуальным для Олонецкой губернии, поскольку отсутствие в деревне достаточного объема свободных денежных средств сдерживало развитие местных крестьянских хозяйств. Доступные краткосрочные ссуды стали одним из вариантов решения этой проблемы.

Несмотря на экономическую отсталость Олонецкой губернии и более слабую, чем в районах товарного земледелия, динамику развития мелкого кредита, изучение этой темы на местных материалах все же представляет сложную исследовательскую задачу, решение которой не представляется возможным осуществить в рамках одной публикации. В связи с этим целью статьи является изучение системы управления мелким кредитом в Олонецкой губернии. Задачи исследования заключаются в выделении основных этапов трансформации системы управления мелким кредитом в Олонецкой губернии, их комплексном рассмотрении и анализе препятствий, возникавших в ходе этого процесса. Цель и задачи определяют хронологические рамки исследования. Нижняя рамка выходит за общепринятые границы пореформенного периода, поскольку возникновение сельских кредитных организаций связано с периодом 1840-х годов. Верхняя хронологическая рамка ограничена началом 1917 года, так как уже в период нахождения у власти Временного правительства сложившаяся система управления мелким кредитом начинает претерпевать значительные изменения.

В историографии проблема трансформации управления мелким кредитом, как правило, рассматривается в контексте становления и развития этих финансовых организаций в России в XIX – начале XX века. Прежде всего необходимо отметить фундаментальный труд А. П. Корелина «Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в.» [10], а также другие работы историка [8], [9]. В постсоветское время проблема изучения системы мелкого кредита стала междисциплинарной: как показала в своей историографической статье А. В. Зотова, интерес к ней проявляли не только историки, но и юристы и экономисты [5]. Также важно, что исследователи уделяют особое внимание изучению этой проблемы в контексте региональной истории [2], [12].

Историография функционирования системы мелкого кредита в Олонецкой губернии невелика. Специальных исследований, посвященных этой проблеме, нет. В общих чертах о ней упоминалось в работах по истории экономики и финансов Карелии [1], [4], [7].

К началу XX века мелкий сельский кредит в России представлял собой регламентирован-

ную систему, что обосновывает применение в исследовании системного подхода. Использован также проблемно-хронологический метод, позволивший четко структурировать излагаемые в статье материалы.

Источниковая база исследования основана на материалах Национального архива Республики Карелия, которые были выявлены в фондах Олонецкого губернатора (Ф. 1) и Петрозаводского отделения Государственного банка (Ф. 74). В частности, в них содержатся документы, позволяющие выделить этапы трансформации управления мелким кредитом и реконструировать его организационную систему, проанализировать взаимоотношения местных органов управления и контроля за мелким кредитом друг с другом и с центральными регулирующими в этой области органами. Другим важным источником являются специально подготовленные сборники законодательных актов¹.

УПРАВЛЕНИЕ МЕЛКИМ КРЕДИТОМ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ ДО 1904 ГОДА

Системой мелкого кредита в дореволюционной России называлась широкая сеть различных по форме кредитных учреждений, предоставлявших некрупные ссуды производственного назначения. Возникновение мелких кредитных организаций было вызвано постоянной потребностью крестьян в деньгах. Краткосрочные банковские кредиты были для них в основном недоступны, поскольку они не имели земельной собственности, которая являлась бы обеспечением кредита [10: 46]. Обращение к местным ростовщикам грозило полным расстройством хозяйства ввиду огромных процентов по ссуде.

Появившись в середине XIX века, долгое время мелкие кредитные организации носили сословный характер, обслуживая лишь потребности земледельцев и сельских ремесленников. В начале XX века большую популярность получили сельские кредитные организации, основанные на кооперативных началах. В их деятельности могли участвовать не только крестьяне, но и представители других сословий.

В Олонецкой губернии первые организации мелкого кредита стали появляться в середине XIX века. Так, Оштинская вспомогательная-сберегательная касса в Лодейнопольском уезде была организована в 1844 году. В 1843 или 1846 году была учреждена Шунгская волостная вспомогательная касса в Повенецком уезде². Законодательной основой их деятельности служили положения, утвержденные Министерством государственных имуществ 7 марта 1840 года. Поскольку действие положений распространялось лишь на государственных кре-

стьян, то все учреждения мелкого кредита находились в ведении губернских палат государственных имуществ³.

Так как созданная структура организации мелкого сельского кредита носила исключительно сословный характер и была увязана с волостным самоуправлением, то на протяжении последующих десятилетий, вплоть до начала XX века, трансформация управления мелким крестьянским кредитом шла в общей канве реформ в области крестьянского вопроса. После реформы крепостной и государственной деревни в 1860-х годах надзор за бывшими крепостными и государственными крестьянами перешел в ведение мировых учреждений. В Олонецкой губернии мировые участки в тех уездах, где существовало помещное землевладение, были созданы в 1861 году [11: 68–69], а в уездах, где жили лишь государственные крестьяне, – в 1866 году [6: 247]. То же самое произошло и с управлением крестьянскими кредитными и сберегательными учреждениями. Из ведомства Олонецкой губернской палаты государственных имуществ они перешли в ведение мировых посредников⁴.

Подотчетность мелкого сельского кредита мировым посредникам была относительно недолгой. В 1874 году прошла реформа руководства крестьянским самоуправлением, в результате которой эти должности были упразднены, а им на смену пришли уездные по крестьянским делам присутствия [11: 75]. Низовой контроль за деятельностью волостных вспомогательных и сберегательных касс перешел к этим коллегиальным органам местного управления⁵. Общая информация о состоянии крестьянского мелкого кредита в губернии аккумулировалась в Олонецком губернском по крестьянским делам присутствии. На этом же уровне рассматривались прошения волостных правлений, связанные с учреждением или ликвидацией крестьянских кредитных организаций⁶.

В 1889 году была проведена очередная реформа административно-судебного надзора за крестьянами. Уездные присутствия были ликвидированы, им на смену пришел институт земских начальников. На губернском уровне общее руководство кредитными организациями также подверглось изменению. В 1894 году было ликвидировано Олонецкое губернское по крестьянским делам присутствие, функционировавшее с 1861 года. Общее заведование крестьянскими делами в губернии перешло к Губернскому присутствию (далее – Присутствие). На протяжении последующих десяти лет в обширные функции Присутствия входил и контроль за деятельностью крестьянских денежно-кредитных органи-

заций. Работа была сосредоточена в особо выделенном отделе этого органа⁷.

В качестве промежуточного итога необходимо констатировать, что период с середины 1840-х по 1904 год можно рассматривать в качестве первого этапа эволюции управления мелким кредитом в Олонецкой губернии. Он характеризовался постоянным изменением подотчетности этих организаций разным органам власти или должностным лицам как на низовом, так и на губернском уровне. Частота изменений связана с поиском оптимальных для текущей политической ситуации методов управления крестьянским самоуправлением. Но их эффективность на данном этапе всесторонне проанализировать не представляется возможным в связи с несколькими взаимосвязанными факторами, среди них общий кризис системы сословных кредитных учреждений, в котором она находилась к концу XIX века, и отсутствие четкого законодательства, регламентирующего деятельность мелкого кредита.

Обследование 1905 года показало низкую эффективность управления сельским кредитом со стороны Присутствия, которое ограничилось пассивным наблюдением. Например, через земских начальников не была обозначена принципиальная позиция относительно требования от волостных правлений регулярной отчетности по функционированию кредитных организаций и систематической работы по взиманию с должников просроченных ссуд. Однако во многом это объясняется отсутствием четкой законодательной базы, которой могло бы придерживаться Присутствие, и спецификой самой работы по правильной организации мелкого сельского кредита. Наконец, сложность в анализе первого этапа трансформации управления мелким кредитом в Олонецкой губернии заключается в том, что в архивных фондах отложилось достаточно мало источников. Например, к 1904 году в делопроизводстве Присутствия находятся лишь 18 дел, касающихся заведования мелким сельским кредитом. При этом часть этих дел была передана в делопроизводство Присутствия еще уездными присутствиями по крестьянским делам⁸. Это объясняется в том числе и небольшой численностью сословных кредитных учреждений в Олонецкой губернии к началу XX века. К 1905 году числились действующими лишь 9 вспомогательных, сберегательных или вспомогательно-сберегательных касс и 21 мирской капитал. В общих чертах их работу можно охарактеризовать как низкоэффективную. Из общего объема имеющихся на балансе средств 90 % фактически были выведены из оборота, поскольку составляли просроченные ссуды, вклады в государственных сберегательных кассах и денежную

наличность. В 1905 году общий объем выданных ссуд всеми учреждениями мелкого кредита Олонецкой губернии составил только 2755 рублей⁹. Для сравнения, уже через пять лет одно только Ошевенское кредитное товарищество выдало за год кредитов на 9176 рублей¹⁰. Очевидно, что запрос на дешевый, правильно организованный кредит среди крестьян Олонецкой губернии существовал.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ МЕЛКИМ КРЕДИТОМ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ ПОСЛЕ 1904 ГОДА

Неудовлетворительная ситуация в сфере управления мелким кредитом в Олонецкой губернии и ее причины в той или иной степени были характерны для всей страны. Отсутствие взаимодействия в этой области между Губернским присутствием, земскими начальниками и волостными правлениями; запутанность законодательства, вариативность организационных форм, в которых существовали организации мелкого кредита; постоянно меняющиеся формы отчетности и требования по ним; отсутствие методической и организационной помощи для земских начальников, чиновников Присутствия, членов правления крестьянских кредитных организаций, которые часто не имели даже поверхностных знаний о принципах функционирования банковской системы; отсутствие планомерной, последовательной работы на местах с учреждениями мелкого кредита (организация регулярных ревизий, выявление ошибок функционирования и предложение рекомендаций по их устранению, учет локальных социально-экономических условий местности для организации мелкого кредита и т. д.) – все эти факторы нуждались в корректировке для правильной организации работы системы мелкого кредита на местах. Государство рассматривало ее в качестве действенного метода для улучшения хозяйственного положения крестьян. В связи с этим очевидной стала необходимость проведения реформы в этой области.

Начало процесса было положено 7 июня 1904 года, когда Николай II утвердил мнение Государственного совета об устройстве мелкого кредита. Содержание этого документа было расширено и конкретизировано в Положении об учреждениях мелкого кредита от 1906 года. Охарактеризуем основные позиции, регламентировавшие отныне функционирование системы мелкого кредита в стране. При Государственном банке было создано Управление по делам мелкого кредита (далее – Управление), за которым закреплялось общее руководство этой сферой. Важно отметить, что ему были подотчетны все виды мелких кредитных учрежде-

ний страны: как сословные («старого» и «нового» типа¹¹), так и основанные на кооперативных началах. На губернском уровне управление системой мелкого кредита сосредотачивалось во вновь создаваемом Губернском комитете по делам мелкого кредита (далее – Губкомитет). Это был коллегиальный, периодически действовавший орган под руководством губернаторов. Важное место в новой структуре управления мелким кредитом отводилось местным отделениям (конторам) Государственного банка (далее – Госбанк)¹².

В Олонецкой губернии первое заседание Губкомитета состоялось 9 сентября 1904 года. Помимо председательствовавшего губернатора Н. В. Протасьева, в его состав вошли крупные губернские чиновники из Управления земледелия и государственных имуществ, губернского присутствия, казенной палаты, а также несколько представителей губернского земства¹³. Формально передача Присутствием Губкомитету полномочий по управлению мелким кредитом в губернии завершилась к концу ноября 1904 года¹⁴.

Реформированная система управления мелким сельским кредитом в Олонецкой губернии с самого начала испытывала серьезные организационные трудности, которые ставили под сомнение эффективность ее работы. Министерство финансов, которое курировало выстраивание новой системы, не предоставило дополнительных средств на работу создаваемых губкомитетов. В августе 1904 года губернатор Н. В. Протасьев получил предварительные инструкции по организации деятельности Олонецкого губкомитета, согласно которым все делопроизводство комитета ложилось на губернскую канцелярию без увеличения ее штата. При этом министерство не отказывало губернской канцелярии в выделении дополнительных средств на эти цели в 1905 году, если в этом будет необходимость¹⁵.

В качестве результата реформирования системы мелкого кредита государство ожидало увеличения численности этих заведений. В таких условиях губернатор Н. В. Протасьев справедливо полагал, что перекладывание обязанностей, требующих специфических знаний и опыта, со специального отдела Присутствия на одного из служащих его канцелярии неизбежно приведет к снижению качества управления. В связи с этим на первом же заседании Губкомитета было решено ходатайствовать о выделении на 1905 год для канцелярии губернатора дополнительных 1500 рублей. Эти средства предполагалось заложить на привлечение в штат канцелярии «особого лица, специально знакомого с этим делом и вообще с бухгалтерией по кредитным операциям, так как в канцелярии губернатора такого лица не найдется»¹⁶. В феврале

1905 года из Управления пришел ответ, в котором не только не было положительного решения по поводу представления Н. В. Протасьева, но и ожидаемо содержалась просьба сообщить, каков был по численности состав особого отдела Присутствия, который занимался контролем за сословными кредитными учреждениями в губернии. Более того, Н. В. Протасьеву напомнили, что абсолютное большинство числящихся в Олонецкой губернии учреждений мелкого кредита – «это так называемые мирские капиталы, [которые] едва ли можно считать “учреждениями мелкого кредита”». В связи с этим Управление предложило губернатору простой вариант решения проблемы – не передавать делопроизводство из Присутствия в канцелярию¹⁷.

Ответные разъяснения Н. В. Протасьева в Управление обнаружить в архивном фонде губернатора не удалось, однако можно констатировать, что проблема урегулирована не была. 25 ноября 1906 года в Управление было отправлено повторное представление о дополнительных средствах для увеличения штата канцелярии губернатора в 1907 году. В этот раз авторы документа подошли к его составлению более основательно. В качестве обоснования выделения требуемой суммы дальновидно была упомянута главная цель развития мелкого кредита в стране – поднятие благосостояния местных крестьян. Еще одной заслуживающей внимание деталью стала апелляция в документе к значительному финансовому потенциалу, которым с недавних пор стали обладать крестьяне в Олонецкой губернии. Речь шла о «лесных» деньгах, которыми активно пополнялись крестьянские мирские капиталы после разрешения продавать лес из общинных наделов. По мысли авторов документа, это, во-первых, создавало предпосылки для активизации процесса создания новых учреждений мелкого кредита в губернии, а во-вторых, могло снять нагрузку на государственный бюджет в виде выдачи ссуд в оборотные капиталы создаваемых учреждений¹⁸. На наш взгляд, таким образом губернские власти пытались представить дело так, что искомое дополнительное финансирование губернской администрации – это не пустой расход казенных денег на увеличение бюрократического аппарата, а вложение финансов в обеспеченные собственными средствами организации, деятельность которых имела государственно важное значение.

Наконец, третий важный аргумент, на который справедливо указывало представление 1906 года, был связан с радикально менявшейся общественно-политической обстановкой в стране за два года, прошедших со времени отправки первого представления. В годы Революции

1905–1907 годов в Олонецкую губернию кратно усилился приток политических ссыльных, что сказалось на увеличении объемов документооборота губернской канцелярии.

Таким образом, в поисках необходимого и ранее обещанного финансирования для организации функционирования системы мелкого кредита Олонецкая губернская администрация предложила иную систему аргументации. На этот раз она апеллировала не к неопределенным обещаниям, данным когда-то Министерством финансов, а к локальным социально-экономическим особенностям, сложившимся к этому времени в Олонецкой губернии. Несмотря на аргументацию, Министерство финансов оставило без удовлетворения представление олонецкого губернатора, и в 1907 году специального служащего по делам мелкого кредита в губернской администрации так и не появилось¹⁹. К осени 1910 года ситуация не изменилась. Управление делами Губкомитета к этому времени было возложено на одного из неперемных членов Присутствия, который также входил и в Губкомитет²⁰. Таким образом, формально делопроизводство по мелкому кредиту в Олонецкой губернии было передано из ведения Присутствия в Губернский комитет еще в 1904 году, где им должны были заниматься служащие губернской канцелярии. Однако фактически (это подтверждается анализом «Памятных книжек») делопроизводство осталось в ведении все тех же служащих Присутствия. Таким образом, Н. В. Протасьев последовал упомянутому выше совету Управления и не переводил делопроизводство из ведения Присутствия²¹.

Необходимо рассмотреть основные причины, которые влияли на неэффективность действий Губкомитета и сводили к минимуму результат проведенной в 1904–1906 годах реформы управления мелким кредитом. Создание Управления как профильной постоянно действующей при Государственном банке организации стало продуктивным шагом по формированию руководства системой мелкого кредита в стране. Долгие годы Управление возглавлял Л. С. Биркин – общепризнанный авторитет в области банковской сферы России [3: 68–69]. Создать сеть аналогичных структур на губернском уровне не удалось. Идея ее появления активно лоббировалась Министерством финансов, однако, как справедливо отметил А. П. Корелин, позиция МВД по этому вопросу была непреклонной: ведомство не хотело терять контроль за такой важной частью крестьянского самоуправления, как финансовая самоорганизация [10: 117]. Аппаратный вес МВД был больше Министерства финансов. В результате такого консервативного подхода на губернском уровне были созданы под-

контрольные МВД Губкомитеты. Однако если Управление по делам мелкого кредита было профильной организацией с постоянным штатом, то в Губкомитеты входили губернские чиновники и представители земства, для которых это была дополнительная нагрузка к основным обязанностям, не связанным с банковской сферой.

Первый же полноценный год работы Губкомитетов на местах показал их низкую эффективность, что категорически не устраивало Управление, которое в 1906 году запланировало провести масштабную ревизию действовавших в стране на 1 января 1905 года сословно-общественных заведений мелкого кредита. Управление ожидало при этом от Губкомитетов «самостоятельности и инициативы». В этой связи показательными являются два циркуляра, подготовленные им в феврале и мае 1906 года для рассылки в губернии.

В циркулярах прямо указывалось на негативные явления, которые стали следствием созданного в такой форме Губкомитета, а также на недостаточно подготовленную законодательную базу для его функционирования. Например, обращалось внимание, что губернатор, возглавлявший Губкомитет, был обременен множеством других первоочередных задач, поэтому развитию мелкого кредита уделялось лишь второстепенное внимание. В циркулярах указывалось на проблему отсутствия в штате Губкомитета служащего, который на постоянной основе занимался бы его делопроизводством²², то есть перепиской, подготовкой материалов к заседаниям, составлением сводных отчетов о деятельности организаций мелкого кредита в губернии и т. д.: «...в каждом коллегиальном учреждении необходимо то лицо, которое обыкновенно называется “непременным членом” его». Сочетание этих двух факторов приводило к нерегулярности проводимых заседаний Губкомитета и недостаточно эффективному контролю за развитием мелкого кредита. При наличии повестки Губкомитет должен был собираться не реже раза в месяц, однако в некоторых губерниях перерыв в его заседаниях составлял 3–6 месяцев и даже полтора года²³.

Наиболее важными для развития системы мелкого кредита в Олонецкой губернии являются пояснения, которые содержатся в циркуляре Управления, относительно участия в этих процессах служащих местных отделений Госбанка. В частности, в контексте отсутствия законодательной определенности относительно правильно организованного в Губкомитетах делопроизводства Управление обратило внимание и на отсутствие четко регламентированного разделения обязанностей в этой сфере между канцеляри-

ей губернатора и инспекторами мелкого кредита. Формально делопроизводство Губкомитета находилось в ведении канцелярии губернатора, однако на практике наиболее трудоемкие и специфические задачи решались инспекторами мелкого кредита – особая должность, которая возникла в штате Госбанка в связи с нуждами реформы 1904 года. Среди обязанностей инспекторов были сбор статистических сведений и материалов о деятельности учреждений мелкого кредита в губернии, составление общего годового отчета и др.

На наш взгляд, ключевой проблемой в организации эффективного управления мелким кредитом в Олонецкой губернии после реформы 1904 года было то, что здесь не действовало отделение Государственного банка. В связи с этим местный Губкомитет был лишен возможности делегировать ряд критически важных функций инспектору мелкого кредита. Неэффективная работа самого Губкомитета также была одним из факторов слабого развития системы мелкого кредита в Олонецкой губернии. С 1909 года здесь начинается заметный рост численности кредитных организаций «нового» типа. Если за пять лет (с 1904 по 1908 год) в губернии было создано лишь одно кредитное товарищество, то за один 1909 год их было учреждено три, а в 1910 году – два кредитных товарищества и четыре общественных ссудо-сберегательные кассы²⁴. Постепенное вовлечение олонечкой деревни в товарно-денежные отношения предопределяло дальнейший рост интереса крестьян к организациям мелкого кредита. На этом фоне в Олонецкой губернии требовалось создание более эффективной системы управления в этой области.

СОЗДАНИЕ В ПЕТРОЗАВОДСКЕ ОТДЕЛЕНИЯ ГОСБАНКА И ЗАВЕРШЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ МЕЛКИМ КРЕДИТОМ

3 января 1911 года в Петрозаводске начало работу Отделение Государственного банка (далее – Отделение) [1: 113]. Открытие Отделения создало условия для заметной активизации товарно-денежных отношений в Олонецкой губернии. Это событие стало также важной вехой и для развития системы мелкого кредита в крае. Управляющий Отделением А. Н. Гречачевский еще на этапе подготовки к открытию в октябре 1910 года докладывал в Управление о неудовлетворительном состоянии делопроизводства местного Губкомитета. С открытием в Петрозаводске Отделения все делопроизводство по вопросам мелкого кредита предполагалось передать в инспекцию. Технически работа могла быть возложена на лю-

бого служащего Отделения²⁵. Однако, предполагая масштаб работы, А. Н. Гречачевский ходатайствовал перед Управлением о создании при Отделении специальной штатной должности инспектора мелкого кредита, а также канцелярского служащего для освобождения его от делопроизводственной работы²⁶. На наш взгляд, создание особой должности инспектора помогло избежать повторения прежних ошибок организации системы управления мелким кредитом, когда за эту сложную работу отвечали служащие непрофильных ведомств, обремененные своими основными обязанностями.

Важным изменением, удачно совпавшим с открытием Отделения в Петрозаводске, стало устранение неопределенного положения инспекторов мелкого кредита во взаимоотношениях с Губкомитетами относительно проблемы заведования делопроизводством. 21 июня 1910 года был принят закон, согласно которому инспектора мелкого кредита вводились в состав Губкомитетов²⁷. Тем самым решалась давняя и крайне болезненная проблема делопроизводства этих коллегиальных органов.

11 февраля 1911 года делопроизводство Губкомитета официально было передано в ведение инспекции мелкого кредита при Отделении. Одновременно на должность инспектора мелкого кредита был назначен В. Ф. Кербичский²⁸. До августа 1912 года в штате инспекции существовала лишь одна должность инспектора. Ходатайство управляющего отделением Госбанка А. Н. Гречачевского о создании должности писца не нашло отклика. В связи с этим на В. Ф. Кербичском лежала огромная нагрузка: он вынужден был не только контролировать деятельность учреждений мелкого кредита на большой территории губернии, но и вести делопроизводство. В условиях появления все новых кредитных учреждений такая организация контроля за мелким кредитом повторяла многократные ошибки прошлого и могла оказаться неэффективной. В связи с этим в августе 1912 года на службу в инспекцию в качестве канцелярского служащего был принят М. В. Чехонин, который до этого три года работал в Контрольной палате²⁹.

По подсчетам нового управляющего Петрозаводским отделением Д. М. Позднякова, который сменил на этом посту умершего А. Н. Гречачевского, к концу 1913 года в ведении Отделения должно было находиться уже несколько десятков кредитных товариществ. Кроме того, в Олонецкой губернии весной 1913 года окончательно решился вопрос с надзором за сословными учреждениями мелкого кредита. Семь ссудо-сберегательных и четыре все еще действующих вспомогательно-сбере-

гательных касс по-прежнему подлежали ревизиям земских начальников. Присутствие постановило передать надзор за всеми 11 кассами в ведение инспекции. Постоянный рост количества подотчетных учреждений мелкого кредита заставил Д. М. Позднякова в мае 1913 года ходатайствовать перед Управлением о создании второй штатной должности инспектора мелкого кредита³⁰. 25 июня 1913 года на вновь созданную должность был принят К. П. Рулев³¹. Таким образом, можно констатировать, что к началу лета 1913 года система управления мелким кредитом в Олонецкой губернии окончательно сложилась в оптимальной форме.

ВЫВОДЫ

Трансформация системы управления мелким кредитом в Олонецкой губернии проходила на протяжении почти 70 лет. В это время с разной степенью эффективности осуществлялся поиск наиболее оптимальных форм и методов управления сельскими кредитными организациями в крае. Нами было выделено три этапа этой трансформации в Олонецкой губернии. Первый, дореформенный, охватывал обширный период с середины 1840-х годов, то есть времени появления в губернии первых крестьянских вспомогательно-сберегательных касс, до 1904–1906 годов. Главной особенностью данного периода стало частое изменение подотчетности этих заведений, поскольку государство находилось в поиске оптимальной схемы управления пореформенной деревней. Изученные архивные материалы свидетельствуют о низкой эффективности управления и контроля за деятельностью крестьянских кредитных учреждений в Олонецкой губернии, поскольку все органы власти, которым вменяли руководство этой сферой, были обременены другими многочисленными функциями, а их служащие не обладали необходимыми знаниями в области финансового контроля.

Второй выделенный этап – период между проведенной реформой 1904–1906 годов в области мелкого кредита и концом 1910 года. Необходимо констатировать, что в Олонецкой губернии не удалось в полной мере реализовать все прогрессивные положения реформы и вывести сельский кредит на следующий уровень развития. Во-первых, фактически не был учтен предыдущий отрицательный опыт организации управления этой сферой народной жизни. Созданные Губернские комитеты в форме непостоянно действующих коллегиальных органов не обладали необходимыми возможностями для правильной постановки этого процесса. В их состав входили руководители губернских управлений и органов власти, а не практики, не-

посредственно знакомые с объектом управления. Одновременно отметим настойчивость губернской администрации в попытках получить обещанную, но не оказанную Министерством финансов дополнительную помощь для правильной организации делопроизводства в Губкомитете.

Третий этап – 1911–1913 годы. В этот период были преодолены последствия половинчатости реформы 1904 года, характерные для Оло-

нецкой губернии и влиявшие на организацию эффективного управления мелким кредитом в крае на предыдущем этапе. Речь идет об открытии Петрозаводского отделения Госбанка и инспекции мелкого кредита в его составе. Благодаря созданию инспекции и постепенному развитию ее штата были устранены традиционные причины, сдерживавшие эффективное развитие системы мелкого кредитования в губернии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сборник по мелкому кредиту: (Законоположения, образцовые уставы учреждений мелкого кредита, адм. распоряжения, операц. правила, сенат. решения, практ. советы и указания) / Сост. С. В. Бородаевский. 2-е изд. СПб.: Тип. М. Д. Ломковского, 1909. 492 с.
- ² Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. 132. Оп. 2. Д. 2/26. Л. 6; Ф. 1. Оп. 1. Д. 100/4. Л. 35.
- ³ НАРК. Ф. 132. Оп. 2. Д. 2/26. Л. 6; Ф. 1. Оп. 1. Д. 100/4. Л. 35.
- ⁴ НАРК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 5/43; Оп. 2. Д. 1/3; Д. 6/46.
- ⁵ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 100/4. Л. 35.
- ⁶ Там же. Л. 37.
- ⁷ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97/35. Л. 66.
- ⁸ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97/35. Л. 20.
- ⁹ Подсчитано по: НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 100/4. Л. 51.
- ¹⁰ НАРК. Ф. 74. Оп. 1. Д. 33/550. Л. 14.
- ¹¹ Под «старыми» в общепринятой терминологии того времени подразумевались формы организации сословного мелкого кредита, которые существовали до введения Положения 1906 года. Их деятельность в новых условиях не запрещалась, но открыть вновь учреждение такого типа крестьяне уже не могли.
- ¹² Сборник по мелкому кредиту... С. 10–16.
- ¹³ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97/35. Л. 6.
- ¹⁴ Там же. Л. 19.
- ¹⁵ Там же. Л. 1.
- ¹⁶ Там же. Л. 6 об.–7.
- ¹⁷ Там же. Л. 13 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 25.
- ¹⁹ Там же. Л. 27.
- ²⁰ НАРК. Ф. 74. Оп. 1. Д. 33/561. Л. 1.
- ²¹ См. Памятные книжки Олонецкой губернии за 1905–1910 годы.
- ²² НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 100/5. Л. 2 об.
- ²³ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 100/1. Л. 4; Сборник по мелкому кредиту... С. 14.
- ²⁴ Подсчитано по: НАРК. Ф. 74. Оп. 1. Д. 45/738. Л. 129, 283–288.
- ²⁵ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 100/5. Л. 2 об.
- ²⁶ НАРК. Ф. 74. Оп. 1. Д. 33/561. Л. 1 об.–2.
- ²⁷ ПСЗРИ. 1910. Т. 30. № 33865. С. 829.
- ²⁸ НАРК. Ф. 74. Оп. 1. Д. 33/561. Л. 39 об., 40.
- ²⁹ НАРК. Ф. 74. Оп. 1. Д. 32 а/547. Л. 2.
- ³⁰ НАРК. Ф. 74. Оп. 1. Д. 37/646. Л. 64.
- ³¹ НАРК. Ф. 74. Оп. 1. Д. 32/537. Л. 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бадапов В. Г. Отделение Государственного банка Российской Империи в Петрозаводске 1911–1917 гг. // Актуальные вопросы развития государства и общества. Петрозаводск: Карельский филиал РАНХиГС, 2015. С. 107–127.
2. Васильев Я. А. Дореформенные крестьянские учреждения мелкого кредита Новгородской губернии // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2018. № 3 (15). С. 1–7.
3. Вычужанин А. Л. О зарождении и развитии кредитной кооперации в России // Деньги и кредит. 2011. № 9. С. 67–72.
4. Государственный банк. 100 лет в Карелии: история, имена и судьбы. Петрозаводск: Острова, 2010. 391 с.
5. Зотова А. В. Кредитные кооперативы и общества взаимного кредита в России: тенденции диссертационных исследований // Клио. 2011. № 3. С. 47–49.
6. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
7. История экономики Карелии: В 3 кн. Кн. 1. Петрозаводск: ПетроПресс, 2005. 191 с.

8. Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 390 с.
9. Корелин А. П. Российская кооперация на рубеже веков: переломное десятилетие (1895–1904) // Экономическая история: ежегодник. 2004. М., 2004. С. 183–242.
10. Корелин А. П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1988. 259 с.
11. Неелова М. Е. К истории института мировых посредников (на примере Олонецкой губернии) // Кижский вестник. Вып. 9. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2004. С. 67–75.
12. Петрова Ю. О. Становление и развитие кредитной кооперации во Владимирской губернии в конце XIX – начале XX века. Владимир: Изд-во Владимирского государственного университета, 2011. 184 с.

Поступила в редакцию 07.04.2023; принята к публикации 29.05.2023

Original article

Alexander F. Krivonozenko, Cand. Sc. (History), Research Fellow, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-7152-8070; krivfed@yandex.ru

FUNCTIONING OF THE SMALL CREDIT MANAGEMENT SYSTEM IN THE OLONETS PROVINCE DURING THE POST-REFORM PERIOD

Abstract. The relevance of the research is determined by the importance of studying the state involvement in the organization of the credit system at the grassroots level. This issue has been underrepresented in historiography, so the article provides important insight into it and introduces new documents into scientific circulation. The article is aimed at studying the main features of the small credit system management in the Olonets Province during the post-reform period. Based on the dynamics of its development, one can draw a conclusion about the nature of the penetration of commodity-money relations into peasant communities. Three stages in the development of this system were identified. The first one belongs to the period from the middle of the XIX century to 1904 and is characterized by repeated changes in the government structures to which small credit organizations were accountable. The second stage covers the period from 1904, when the small credit reform was carried out in Russia, until the beginning of 1911. In the Olonets Province, the reform was not fully implemented, since the provincial committee for small loans created here did not have employees who would deal with this issue on a permanent basis. At the third stage, which started with the creation of a branch of the State Bank in Petrozavodsk in 1911, this shortcoming was remedied, as the management of the small credit business in the province was transferred to a special inspection.

Keywords: small credit, credit partnerships, Karelia, Olonets Province, peasantry, post-reform period

Acknowledgements. The study was carried out as part of the RAS Karelian Research Centre project No 121070700117-1. “Karelia in the conditions of social transformations of the XVII–XXI centuries: new approaches and interpretations”.

For citation: Krivonozenko, A. F. Functioning of the small credit management system in the Olonets Province during the post-reform period. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(5):23–31. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.918

REFERENCES

1. Badanov, V. G. Branch of the State Bank of the Russian Empire in Petrozavodsk, 1911–1917. *Current issues of state and society development*. Petrozavodsk, 2015. P. 107–127. (In Russ.)
2. Vasil'ev, Ya. A. Pre-reform peasant institutions of small credit in the Novgorod province. *Memoirs of NovSU*. 2018;3(15):1–7. (In Russ.)
3. Vychugzhanin, A. L. The birth and development of credit cooperation in Russia. *Russian Journal of Money and Finance*. 2011;9:67–72. (In Russ.)
4. State Bank. 100 years in Karelia: history, names and destinies. Petrozavodsk, 2010. 391 p. (In Russ.)
5. Zotova, A. V. Credit co-operatives and mutual loan associations in Russia: trends of the dissertation research (1991–2010). *KLIO*. 2011;3:47–49. (In Russ.)
6. The history of Karelia from ancient times to the present day. Petrozavodsk, 2001. 944 p. (In Russ.)
7. History of the economy of Karelia: In 3 books. Book 1. Petrozavodsk, 2005. 191 p. (In Russ.)
8. Korelin, A. P. Cooperation and the cooperative movement in Russia. 1860–1917. Moscow, 2009. 390 p. (In Russ.)
9. Korelin, A. P. The Russian cooperative system in a crucial decade: 1895–1904. *The economic history yearbook*. Moscow, 2004. P. 183–242. (In Russ.)
10. Korelin, A. P. Agricultural credit in Russia in the late XIX – early XX centuries. Moscow, 1988. 259 p. (In Russ.)
11. Neelova, M. E. On the history of the institution of peace mediators (the case of the Olonets Province). *Kizhi Bulletin*. Issue 9. Petrozavodsk, 2004. P. 67–75. (In Russ.)
12. Petrova, Yu. O. Formation and development of credit cooperation in the Vladimir Province in the late XIX – early XX century. Vladimir, 2011. 184 p. (In Russ.)

Received: 7 April 2023; accepted: 29 May 2023

КСЕНИЯ МИХАЙЛОВНА БОГАЧЕВА

аспирант сектора истории Института языка, литературы
и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение на-
уки Федеральный исследовательский центр «Карельский
научный центр Российской академии наук»

(Петрозаводск, Российская Федерация)

tarasovaksenia30@gmail.com

СТАНОВЛЕНИЕ ПОБРАТИМСКИХ СВЯЗЕЙ КАССР (по материалам республиканских газет)

А н н о т а ц и я . Рассмотрена история зарождения и становления побратимских связей Карелии в 1960–1970-е годы на материале республиканских газет («Ленинская правда» и «Комсомолец»). Обращение к прессе позволяет определить, каким образом контакты между городами-побратимами преподносились населению, а также рассмотреть, как освещалось в газетах отношение граждан к данным связям. В научной литературе, посвященной изучению побратимского движения как в Карелии, так и в других республиках СССР, газетные материалы чаще использовались в качестве вспомогательных источников. В нашем исследовании применены историко-системный, историко-генетический, историко-сравнительный, типологический методы, контент-анализ. Проанализированные статьи, заметки, интервью позволяют проследить становление побратимских связей Петрозаводска и Варкауса, Петрозаводска и Ла-Рошель, а также Карельской АССР и округа Нойбранденбург и сделать вывод о том, что в республиканской прессе в указанный период выстроилась определенная иерархия городов-побратимов, в которой верхнюю ступень занимал Нойбранденбург. Советские газеты отражали официальный дискурс политики побратимства.

К л ю ч е в ы е с л о в а : города-побратимы, КАССР, Петрозаводск, Нойбранденбург, Варкаус, Ла-Рошель, «Ленинская правда», «Комсомолец», породненные города

Б л а г о д а р н о с т и . Выражаю благодарность своему научному руководителю Ольге Павловне Илюха за ценные советы и рекомендации, данные в процессе подготовки статьи. Работа выполнена в рамках госзадания ИЯЛИ КарНЦ РАН (№ 70700117-1 «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII–XXI вв.: новые подходы и интерпретации. 2021–2023 гг.»).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Богачева К. М. Становление побратимских связей КАССР (по материалам республиканских газет) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 5. С. 32–41. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.919

ВВЕДЕНИЕ

Широко известно, что побратимское движение получило развитие в годы Второй мировой войны. На протяжении второй половины XX века тысячи городов по всему миру заключили договоры о дружбе и сотрудничестве. Специалист по культурной географии Вильбур Зелинский справедливо отметил, что побратимство – это прежде всего инструмент укрепления взаимосвязей, а не их налаживания [14: 4]. Побратимские связи между городами не возникали точно и одновременно. На конкретных примерах развертывания этого процесса в Карельской АССР видно, что официальному закреплению побратимских отношений с западноевропейскими городами предшествовал период знакомства и «пробы» сотрудничества не только инстру-

ментами официальной дипломатии, но и путем вовлечения жителей республики в этот процесс. Несмотря на терминологическое разнообразие в вопросе определения заключаемых городами партнерств, а также многообразные факторы, которые приводили к заключению соглашений, единой целью для всех участвующих в побратимском движении сообществ было налаживание прямых контактов между жителями разных стран [9: 31]. Однако для руководства СССР, по словам В. Б. Максимова, сотрудничество на уровне городов и муниципалитетов, помимо прочего, являлось одним из ключевых направлений во внешней политике, поскольку таким образом появлялась возможность вести пропаганду советского образа жизни в зарубежных странах [6: 100].

Инструментом государства, позволявшим формировать представления граждан о международных отношениях, включая побратимские связи, была пресса – как общесоюзные, так и региональные издания. История зарождения и становления побратимских связей Карелии нашла отражение прежде всего на страницах ведущих республиканских газет – «Ленинской правды» (официальный орган печати Карельского обкома РКП(б) / КПСС) и «Комсомольца» (орган Карельского обкома и Петрозаводского горкома ВЛКСМ). Необходимо отметить, что газетные материалы служат ценным источником для реконструкции образа побратимских отношений. Их изучение позволяет определить, каким образом, в какой форме контакты между городами-побратимами преподносились населению, как освещалось в газетах отношение граждан к данным связям. В историографии, посвященной побратимским связям Карелии и других республик СССР, на основании газетных материалов специально рассматривались лишь частные вопросы.

В 1960–1970-е годы газеты освещали в основном международные контакты столицы автономной республики. Это объясняется тем, что районные центры и поселки Карелии включились в движение породнения городов позже, в период перестройки. В статье на материалах периодической печати будут рассмотрены в основном особенности взаимодействия Петрозаводска с Варкаутом, Нойбранденбургом и Ла-Рошель. В обозначенные хронологические рамки попадает и начало сотрудничества Петрозаводска с Умео, однако в газетах о взаимодействии со шведским городом было опубликовано всего несколько заметок, обозначивших заключение договора о дружбе и прибытие шведской делегации в 1976 году¹.

Исследователи называют период с 1960-х до середины 1980-х годов временем обменного энтузиазма, характеризующегося сильным желанием городов установить контакты и изучить друг друга [12: 232]. Действительно, материалы газет подтверждают официальный обмен различными по составу делегациями, проведение и участие городов в совместных Днях дружбы, создание при образовательных учреждениях клубов дружбы, установление символических традиций по называнию и переименованию улиц в честь города-побратима, акции высадки деревьев дружбы и взаимодействие на уровне не наделенных властью граждан. Все перечисленные формы взаимодействия городов СССР с внешним миром, несомненно, стали возможны благодаря политике, проводимой Н. С. Хрущевым [5: 177].

Согласно концепции, предложенной австралийским исследователем Кевином О’Туле, отношения между городами-побратимами проходят несколько стадий развития. Начальная – «ассоциативная» – основывается на идеях о международной дружбе и культурном обмене. На следующем – «реципрокном» – этапе между городами развивается образовательный обмен, исчезает символичность, присущая ассоциативной стадии. На зрелой – «коммерческой» – стадии происходит аккумуляция предшествующего опыта, а также продвижение экономических проектов, зачастую инициированных «снизу» [13: 405]. Далее на примере побратимских связей Карельской АССР будет показано, что отношения с породненными городами развивались неравномерно.

Традиционно в первый день приезда члены делегаций из городов-побратимов возлагали венок на Могилу Неизвестного Солдата, а также приносили цветы к памятнику В. И. Ленину. В Петрозаводске главными учреждениями, «распахивающими двери» для иностранных делегаций, были Финский драматический театр, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводский завод тяжелого бумагоделательного машиностроения имени В. И. Ленина, Карельский филиал Академии наук СССР, Публичная библиотека, Дом физкультурника и др. За пределами Петрозаводска гости из городов-побратимов посещали санаторий «Марциальные воды», о. Кижы и водопад Кивач.

ПЕТРОЗАВОДСК – ВАРКАУС

Первым городом-побратимом Петрозаводска стал Варкаус. В августе 1965 года между двумя городами было подписано соглашение, однако официальный договор о дружбе был заключен лишь спустя десять лет. Создание в 1962 году Карельского отделения Общества дружбы «СССР – Финляндия» стало важной вехой в развитии отношений Карелии и Финляндии, поскольку в значительной мере при его содействии происходил обмен культурными делегациями, распространялась финская литература, ставились спектакли на финском языке [11: 375]. На заседании в клубе профсоюзов, посвященном обсуждению вопроса о создании Карельского отделения Общества дружбы, присутствовали трудящиеся заводов, работники сельского хозяйства, писатели и художники, ученые и студенты, артисты, музыканты, врачи, служащие, а также один из деятелей общества «Финляндия – СССР» – преподаватель из Хельсинки Гарри Паури, «все те, кому дорого дело мира и дружбы между народами». Писатель Антти Тимонен, избранный председателем отделения, подчеркивал:

«Общество «СССР – Финляндия» – не политический орган, 240 тысяч финнов входят в это общество, некоторые из них не разделяют наших взглядов, но все они искренне и честно борются за мир и дружбу между нашими народами»².

В 1963 году в рамках Недели дружбы советской и финляндской молодежи в Варкаус отправилась группа юношей и девушек из Карелии, а через несколько дней в Петрозаводск прибыли представители молодого поколения комиссии при муниципалитете Варкауса. Газета «Комсомолец» сообщала, что в ходе визита делегация посетила вечер советско-финляндской дружбы в Петрозаводском университете, собрание пионерского интернационального клуба, где учащиеся вручили финляндским друзьям в подарок знамя и попросили передать школьникам Варкауса горячий привет³. В 1965 году муниципалитет Варкауса принял предложение Петргорсовета депутатов трудящихся об установлении дружеских связей между городами, и в тот же год Петрозаводск посетила официальная делегация из Варкауса в составе председателя города Вало Килпиё и членов муниципалитета Кюёсти Пуллиайнена и Эйно Антиллы⁴. В нескольких выпусках «Ленинской правды» были опубликованы материалы о практически значимой совместной работе в экономической сфере. Например, в ходе поездки представителей Карельского отделения общества «СССР – Финляндия» в Варкаус с 25 по 30 ноября 1966 года, в дни месячника советско-финской дружбы, была обсуждена возможность изготовления финляндским машиностроительным заводом оборудования для бумагоделательного комбината в Сегеже⁵. Также констатировалось, что укрепившиеся побратимские контакты Петрозаводска и Варкауса предоставляют возможность городам делиться опытом в градостроительстве и организации городского хозяйства⁶. Однако в 1960–1970-е годы других материалов об экономическом сотрудничестве практически не было. Вплоть до 1980-х годов в отношениях между Петрозаводском и Варкаутом доминировали формы культурного взаимодействия, и внимание республиканских газет акцентировалось на нем.

В 1967 году на праздник дружбы Финляндии и СССР в Варкаус выехала большая делегация Карельской АССР во главе с членом исполкома Петргорсовета И. С. Тришкиным. В ее состав вошли рабочий домостроительного комбината, депутат Верховного Совета РСФСР, Герой Социалистического Труда И. М. Хуттунен, директор 17-й школы г. Петрозаводска В. И. Зайцева, представители карельских строительных организаций во главе с депутатом Верховного Совета КАССР А. Н. Шляминым, а также концерт-

ная группа из 10 человек. Через несколько дней в Финляндию отправились футболисты команды «Онежец»⁷. В том же году с ответным визитом Петрозаводск посетила группа «посланцев молодежи Финляндии».

Формировался особый антураж встреч представителей городов-побратимов. При чтении газетных материалов, описывающих приезд финнов для участия в работе лагеря советской и финской молодежи на берегу озера Лососинное, создается ощущение его торжественности и пышности. На фасаде Финского драматического театра развевались государственные флаги СССР и Финляндии, был размещен транспарант «Пусть крепнет дружба городов-побратимов Петрозаводска и Варкауса»⁸.

В июле 1972 года газеты освещали впервые проходившие в Варкаусе Дни Петрозаводска. Делегацию возглавил председатель исполкома Петрозаводского городского Совета депутатов трудящихся П. В. Сепсяков. В составе делегации были артисты ансамбля «Кантеле», петрозаводских театров, филармонии, симфонического оркестра Карельского телевидения и радио, представители музыкального училища имени К. Раутио⁹. Во время визита члены карельской делегации посетили механический завод, трикотажную фабрику, целлюлозно-бумажный комбинат фирмы «Альстрем», а также встретились с ответственностью города в рабочем клубе¹⁰. П. В. Сепсяков вспоминал, что концерт в парке Кунторанта стал «самым массовым мероприятием», было продано около пяти тысячи билетов, а когда билеты закончились, то организаторы вынуждены были продавать программы вместо билетов¹¹.

Накануне проведения Дней Варкауса в Петрозаводске в 1974 году П. В. Сепсяков на страницах «Ленинской правды» подводил итоги девятилетнего опыта дружбы между Петрозаводском и Варкаутом. Он отметил, что большое внимание уделяется обмену профессиональными знаниями между строителями, учителями и преподавателями средних специальных учебных заведений. Кроме того, председатель исполкома Петргорсовета особенно подчеркнул сотрудничество в области спорта (футбол, хоккей, легкая атлетика), а также взаимодействие молодежи во время пребывания в молодежных лагерях Петрозаводска и Варкауса¹². В последующих выпусках газеты детально описывались концертные программы финских друзей, а также прощальный вечер Дней Варкауса, в финале которого побратимы совместно исполнили песни «Я люблю тебя, жизнь» и «Катюша»¹³.

26 сентября 1979 года в Петрозаводске была открыта набережная Варкауса. На фотографии, опубликованной в «Ленинской правде», запе-

чатлены П. В. Сепсяков и Суло Килпио, разрезающие ленту. Фото, сделанное С. Пивоевым, подтверждает слова автора заметки о том, что на мероприятии присутствовало много людей. Руководители делегаций городов-побратимов высадили перед Дворцом культуры две березы¹⁴. Открытие Петрозаводской площади в Варкаусе состоялось ранее – в 1978 году [8: 53].

Заметки о сотрудничестве с Варкаусом не отличались разнообразием. По большей мере газеты сообщали об укреплении дружественных связей с Финляндией в целом. Читателя информировали о проведении научных симпозиумов, гастролях творческих коллективов, спортивных соревнованиях и участии молодежи в лагерях дружбы. К началу 1970-х годов количество заметок о дружественных связях Петрозаводска и Варкауса уменьшилось. В частности, это было вызвано сокращением дружественных встреч, вызванным ограниченностью бюджетов органов власти Петрозаводска [1: 246]. Организацией двусторонних международных контактов занимались централизованно министерства культуры СССР и РСФСР, которые, по мнению Л. И. Вавулинской, не принимали во внимание побратимские связи [2: 73]. Особенно заметным сокращение заметок о взаимодействии с Варкаусом становится на фоне появления и планомерного роста материалов о контактах Карельской АССР и ГДР с конца 60-х годов XX века.

В целом материалы газет позволяют сделать вывод о том, что побратимские контакты между Петрозаводском и Варкаусом развивались планомерно. Большинство заметок было посвящено развитию культурных связей между городами. Однако в большей степени внимание в прессе акцентировалось на развитии советско-финляндских связей в целом.

КАРЕЛЬСКАЯ АССР – ОКРУГ НОЙБРАНДЕНБУРГ

Авторы книги «В дружбе с городами мира» Т. А. Непомнящий и М. М. Песляк обособляют побратимские контакты городов из социалистических стран, подчеркивая прежде всего деловую сторону контактов и «заинтересованность в общих успехах» [7: 76]. Действительно, материалы республиканских газет подтверждают, что побратимское движение было использовано в качестве инструмента укрепления идеи социалистического интернационализма. Договор о дружбе и сотрудничестве между Карельской АССР и округом Нойбранденбург (ГДР) был заключен в 1970 году, а побратимские связи между Петрозаводском и Нойбранденбургом были официально оформлены в 1983 году. Нойбранденбург был единственным побратимом Петрозаводска из социалистического лагеря. Это обстоя-

тельство значительно расширило возможности сотрудничества и обмена. В результате было организовано много двусторонних поездок представителей органов власти, производственных предприятий, школ и культурных учреждений. Подтверждение тому находим в практически ежемесячных заметках в республиканских газетах о пребывании различного рода групп немецких граждан в Петрозаводске. Делегации из Нойбранденбурга были самыми разнородными по составу. Карельскую АССР посещали партийные делегации СЕПГ, профессиональные делегации педагогов¹⁵, журналистов¹⁶, строителей¹⁷, медиков¹⁸, полиграфистов¹⁹, работников торговли²⁰, писателей²¹, пионеры из организации Эрнста Тельмана²².

Ранее упоминалось, что открытие улиц дружбы в городах-побратимах стало своего рода традиционным символическим ритуалом. Однако в случае с Нойбранденбургом редакция газеты «Ленинская правда» не ограничилась упоминанием открытия Петрозаводской улицы в Нойбранденбурге в 1973 году²³ и переименования улицы Ремесленной в Нойбранденбургскую в Петрозаводске²⁴. Примечательно, что в последующие годы на страницах газеты неоднократно публиковались интервью с жителями, которые заселялись в новые дома на Петрозаводской и Нойбранденбургской улицах²⁵. В 1977 году на улице Нойбранденбургской, на сцене средней школы № 39, состоялся праздник, который был приурочен сразу к трем юбилеям: 60-летию Великого Октября, 33-й годовщине со дня освобождения Петрозаводска и 30-летию общества германо-советской дружбы.

Доктор философских наук С. Е. Вершинин обращает внимание, что в СССР в 1950–1960-е годы был распространен образ ГДР как последователя Советского Союза [3: 20–21]. Следствием этого стало распространение материалов, акцентирующих внимание на позиции превосходства, первенства, большей опытности СССР. Пресса акцентировала отечески заботливое отношение Карелии к округу Нойбранденбург путем публикаций выдержек из телеграмм-поздравлений, направляемых немецкими официальными лицами в адрес руководства Карельской АССР. В них звучала благодарность партнеров советскому побратиму за передачу опыта и поддержку в сфере социалистического строительства. Традиционно друзья из Нойбранденбурга поздравляли жителей республики с годовщиной Октябрьской социалистической революции²⁶, Днем «Победы славной Советской Армии над немецким фашизмом»²⁷ и Новым годом²⁸.

Среди газетных материалов о дружественных связях Карелии и округа Нойбранденбург за-

метно выделяются заметки о производственных контактах, которые стали основным направлением побратимских связей [4: 32]. На протяжении 1970-х годов представители немецких делегаций посещали предприятия и совхозы Карелии. В частности, упоминаются поездки на Кондопожский целлюлозно-бумажный комбинат²⁹, Кондопожский зверосовхоз³⁰, Надвоицкий алюминиевый завод, Сегежский целлюлозно-бумажный комбинат³¹, по пути в Олонец гости заезжали в лесопитомник механизированного лесхоза, а также совхоз «Олонецкий», где знакомились с работой передовой Татчелицкой животноводческой бригады³². Отмечалось, что в ходе таких встреч между представителями предприятий побратимских городов велись беседы об опыте лесовосстановления, ведения лесного и сельского хозяйства, а также закладывался фундамент для сотрудничества между отдельными предприятиями. В целях расширения обмена опытом в 1970-е годы шло активное заключение договоров о дружбе и создании предприятий-побратимов. Сотрудничество в рамках таких локальных контактов происходило в виде поездок представителей передовых трудовых коллективов, между сотрудниками завязывалась переписка [10: 30]. В качестве одного из примеров можно привести опубликованные в 1976 году выдержки из переписки между сотрудниками лаборатории автоматизации учетно-вычислительных работ КарНИИЛП и работниками подразделений вычислительного центра ремонтного завода Нойбранденбурга – членами бригады Ханса Арно Эккельмана. Их подготовила и опубликовала заведующая лабораторией КарНИИЛП Р. Патема³³. При знакомстве с опубликованными отрывками можем сделать вывод, что письма носили сухой официальный характер с вкраплениями патетических фраз о «нерушимой дружбе, укрепляющей мир на земле». Из писем становится известно об интересе карельских коллег к конкретным аспектам организации труда и управления (например, в одном из писем немецкая сторона отвечает на вопрос о различии использования ЭВМ как средства рационального управления народным хозяйством в СССР и ГДР), а также к организации отдыха, тесно связанной с частной сферой жизни (в частности, друзья из ГДР рассказывают о своих местах отдыха). На страницах газет появлялись и непосредственные обращения немецких граждан, которые «хотели бы завязать переписку и наладить обмен опытом работы или учебы с коллегами из Карельской АССР». Например, о желании дружить сообщали работники рыбообрабатывающего комбината, члены бригады отдела экономики и планирования, члены бригады районного потребительского

общества, рабочие арматурного завода Нойбранденбурга³⁴.

Организации, причастные к движению побратимства, поддерживали и расширяли его символические акции. Известно, что для поощрения коллективов – победителей социалистического соревнования Карельской АССР в 1978 году в Нойбранденбурге советом свободных немецких профсоюзов было учреждено знамя дружбы. Секретарь совета Хайнц Катингер торжественно вручил награду коллективу Шуйско-Виданского леспромхоза³⁵. Таким образом, в отношениях производственников также вырабатывались свои официальные ритуалы.

Генеральный консул Общества германо-советской дружбы Курт Тиме в интервью «Ленинской правде» отметил, что особо ценит во взаимоотношениях Карельской АССР и округа Нойбранденбург обмен рабочими бригадами³⁶. Материалы газет показывают, что приезды немецких профессиональных делегаций не были номинальными. Бригады строителей во время двусторонних визитов обменивались опытом на местах, проводя совместные строительные мероприятия³⁷. Строители из Нойбранденбурга включались в социалистическое соревнование и добивались перевыполнения планов «благодаря опыту, почерпнутому в Карелии» в сфере изготовления санитарно-технических кабин. Этот опыт, по утверждению рабочих, позволил добиться экономии цемента, стали и трудозатрат³⁸.

Живой интерес к развитию побратимских отношений с Нойбранденбургом и расширению контактов с его жителями проявляли школьники. Участники интернационального клуба из школы № 39 Петрозаводска вели переписку с учениками школы Вилли Бределя³⁹. Публиковались и материалы о поездках школьников по обмену. Так, сообщалось не только о дружеских отношениях девятиклассниц Хайке Хопфнер и Ларисы Колтыгиной, но и возникших во время поездок по обмену приятельских взаимоотношениях между родителями девочек⁴⁰. На страницах, отведенных редакцией газеты «Комсомолец» клубу «Товарищ», не раз публиковались интервью и письма школьников. В 1979 году Л. Ачерот, ученица 8-го класса г. Сегежи, поделилась с редакцией своим желанием изучать немецкий язык. Девочка сообщила, что вдохновилась рассказом петрозаводской школьницы О. Пушкиной о том, что знание немецкого языка помогло ей «по-настоящему подружиться со сверстниками из ГДР»⁴¹.

В 1977 году накопленный опыт сотрудничества нашел отражение в совместной книге «Карелия – Нойбранденбург»⁴², которая рассказывает о «дружбе, выстраданной годами борьбы,

лишений и труда»⁴³. Карельские авторы заметки подчеркивали, что издание в первую очередь повествует «о том, как Карелия передает свой опыт Нойбранденбургу». Книга состоит из двух частей. В первом разделе карельские журналисты рассказали читателям об округе Нойбранденбург, во втором – немецкие журналисты о Карельской АССР. Кроме того, издание, по словам автора заметки в «Комсомольце» А. Иванова, ценно тем, что в нем опубликовано множество интервью с рабочими, тружениками сельского хозяйства, представителями интеллигенции Карелии и Нойбранденбурга⁴⁴. В 1978 году коллективам авторов была присуждена премия Карельского отделения Союза журналистов СССР имени К. С. Еремеева⁴⁵. Интересно отметить, что позднее А. Осипов, автор главы «Дом, где раскрываются сердца», критически высказался в отношении издания. Он писал:

«Как можно было такое писать и тем более читать? Кому предназначались подобные агитки? За такого рода текстами видится немеркнувший образ лектора из лагеря для немецких военнопленных»⁴⁶.

Сотрудничество в культурной сфере подтверждается материалами о взаимодействии между творческими коллективами, союзами художников, проведением Дней культуры и дружбы. Заметно выделяются газетные материалы, опубликованные в июле 1979 года, во время широкого празднования Дней дружбы округа Нойбранденбург в Карельской АССР⁴⁷. Газеты подробно освещали прибытие немецких профессиональных делегаций, печатали интервью с членами творческих коллективов, художниками, учителями и строителями. На страницах прессы публиковались заметки об истории развития взаимоотношений⁴⁸, широко освещались поездки немецких делегаций по районам Карелии. Гости из округа-побратима побывали в Сегежском, Питкярантском, Прионежском районах республики, городе Сортавала. Все материалы подкреплялись десятками фотографий, передающих атмосферу праздника. Размах торжества во многом объясняется тем, что, по словам председателя Нойбранденбургского окружного совета Хайнца Зимковски, окружное партийное руководство считало проведение Дней дружбы округа Нойбранденбург в Карелии «частью смотра достижений социализма на немецкой земле в год 30-летия ГДР»⁴⁹.

В отношениях Карельской АССР и округа Нойбранденбург во главе угла стояли экономические связи, в рамках которых происходил обмен трудовыми коллективами. Газеты акцентировали внимание на плодотворности такого рода сотрудничества, однако более объективные вы-

воды в этом направлении возможно сделать, привлекая дополнительные источники. В целом идеологическая близость значительно расширила возможности сотрудничества и обмена.

ПЕТРОЗАВОДСК – ЛА-РОШЕЛЬ

В 1973 году появились первые сообщения об установлении контактов между Петрозаводском и Ла-Рошель. В «Ленинской правде» было опубликовано фото Жана Тиссандье, президента департаментского комитета общества «Франция – СССР», и его супруги Ами Тиссандье, побывавших с официальным визитом в столице Карелии⁵⁰. В этом же году в Петрозаводск для заключения соглашения об установлении побратимских связей, участия в торжествах, посвященных 56-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, и подписания договора о дружественных связях прибыли мэр города Ла-Рошель Мишель Крепо с супругой Пьерред Крепо, помощник мэра Андре Ренуард, муниципальный советник Клод Буше с супругой Жаклин Буше⁵¹. Первый ответный официальный визит петрозаводской делегации состоялся в 1974 году⁵².

О сотрудничестве Петрозаводска и Ла-Рошель в 1970-е годы в газетах писали меньше, чем о Нойбранденбурге или Варкаусе. Периодически упоминались приезды французских правительственных делегаций. Количество опубликованных материалов скудное и не отличается разнообразием, однако некоторые особенности взаимоотношений с французским побратимом в них были отражены. Например, упоминается об обмене женскими делегациями. В 1977 году французские активисты женсовета прибыли в столицу Карелии для знакомства с опытом участия советских женщин в производственной и общественной жизни⁵³. Ответный визит петрозаводчанок был организован в конце 1978 года ассоциацией породненных городов и обществом дружбы «Франция – СССР»⁵⁴. В ходе поездки женщины Петрозаводска посетили учебные и медицинские заведения, познакомились с достопримечательностями Ла-Рошель, Бордо и Парижа, заслушали доклад заместителя мэра города «О месте женщин в нашем обществе» и выступили с ответным докладом «О роли и месте женщин в социалистическом обществе».

Преимущественно на страницах республиканских газет о взаимодействии побратимов публиковались сухие факты, но среди них изредка встречались и по-настоящему ценные крупницы информации, которые давали читателю понимание того, что сотрудничество в рамках побратимских отношений ведется не номинально. Любопытны детали взаимодействия между жителями

французского и карельского городов. 20 ноября 1976 года в Ла-Рошель состоялось торжественное открытие Петрозаводской площади, в ходе которого П. В. Сепсяков и мэр города Ла-Рошель высадили деревья «в знак братства, солидарности, мира»⁵⁵. Корреспонденты «Ленинской правды» сообщали, что на праздник собрались жители близлежащих кварталов, а часть из них была одета в национальные костюмы⁵⁶. О Днях Петрозаводска в Ла-Рошель председатель исполкома Петрозаводского горсовета В. И. Поршняков вспоминал, что для него особенно памятной стала встреча в коммуне, расположенной неподалеку от этого города, где он вместе с работниками виноградника исполнял знаменитые «Катюшу» и «Подмосковные вечера»⁵⁷.

Таким образом, материалов о сотрудничестве с Ла-Рошель в республиканских газетах в обозначенный период было опубликовано относительно немного. Имеющиеся заметки позволяют сделать вывод о том, что отношения между городами к концу 1970-х годов были наполнены символизмом, свойственным начальной стадии развития побратимских отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом обе республиканские газеты описывали побратимские контакты в схожей приподнято-возвышенной манере. «Ленинская правда» выходила ежедневно, поэтому зачастую информация о событиях дробилась. Нередко на страницах газеты появлялись краткие заметки, в которых в нескольких предложениях сообщалось о приезде или отъезде той или иной делегации. В то же время редакция «Комсомольца», выходявшего три раза в неделю, публиковала более развернутые статьи. Отдельный интерес представляет страница клуба «Товарищ». Здесь печатались интервью и письма школьников, которые непосредственно контактировали с друзьями из породненных городов или выражали желание сделать это в будущем. В целом за период с 1960 по 1980 год на страницах «Ленинской правды» было опубликовано около 450 заметок, освещавших побратимские контакты Карельской АССР, а на страницах «Комсомольца» – около 180.

Несмотря на обилие материалов в республиканских периодических изданиях, обращает внимание доминирующий сухой описательный характер публикаций с употреблением высокопарных выражений о нерушимости и прочности связей. Газеты, разумеется, отражали официальный дискурс политики побратимства. Республиканская пресса в вопросе освещения побратимских отношений воспроизводила советскую идеологию о «братской дружбе». Речевые клише в «Ленинской правде» и «Комсомоль-

це» фигурировали в разнообразных вариациях. О встречах и совместных мероприятиях писали под следующими заголовками: «дружба не знает границ», «искры дружбы», «визит дружбы», «узы дружбы», «дружбе крепнуть», «в гостях у друзей», «лагерь дружбы», «поезд дружбы», «лыжня дружбы», «дороги дружбы», «дружеская переписка».

При том что побратимские отношения развивались, они жестко контролировались партийными и советскими органами, а публикации о них, особенно эмоциональные отклики и впечатления о поездках, тщательно редактировались. На страницах газет выстраивалась определенная иерархия городов-побратимов. Она выразилась, в частности, в особенно широком освещении в 1960–1970-е годы в республиканской прессе Карелии сотрудничества с округом Нойбранденбург, сложившегося благодаря «социалистическому братству». В газетах публиковались объемные заметки о поездках, печатались интервью, а также нередко появлялись ознакомительные материалы об истории, традициях, производственных технологиях немецкого города-побратима. При этом общая тональность публикаций была выстроена в духе субординации на основе патернализма, очевидного идейного «старшинства» советского социалистического города. На фоне публикаций о Нойбранденбурге теряются заметки о взаимодействии Петрозаводска с Варкаузом и Ла-Рошель, расположенными в капиталистических странах. Статьи о связях с финляндским и французским городами чаще носят констатирующий характер и имеют небольшой размер. Если обобщить опыт взаимодействия Петрозаводска с городами-побратимами в 1960–1970-е годы, отраженный в материалах республиканской прессы, пользуясь концепцией, предложенной Кевином О’Туле, можно сказать, что в рассматриваемый период на вторую, реципрокную, стадию перешли отношения Петрозаводска с Нойбранденбургом, взаимодействие с Варкаузом заняло пограничное положение между первой и второй стадиями, а «молодые» побратимские контакты с Ла-Рошель во второй половине 1970-х годов переживали начальный этап становления.

Обращает внимание также то, что редакторы газет уделяли большее внимание публикации материалов о приездах делегаций в Карелию и Петрозаводск, чем об ответных визитах. С одной стороны, такая издательская стратегия приводила к минимизации сведений о Западе, даже дружественном, с другой стороны, давала возможность аргументировать преимущества жизни в СССР со ссылкой на взгляд иностранного гостя.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Гости из Швеции // Ленинская правда. 1976. 4 августа. № 181. С. 1.
- ² Крепнет дружба // Комсомолец. 1962. 5 декабря. № 143. С. 4.
- ³ Петрозаводск-Варкаус // Комсомолец. 1963. 2 апреля. № 40. С. 2; Неделя дружбы советской и финляндской молодежи // Комсомолец. 1963. 4 апреля. № 41. С. 1.
- ⁴ Гости из Варкауса // Ленинская правда. 1965. 19 августа. № 195. С. 1.
- ⁵ В гостях у друзей из города Варкаус // Ленинская правда. 1966. 3 декабря. № 282. С. 1.
- ⁶ Дружба, дружба! // Ленинская правда. 1966. 12 ноября. № 264. С. 1.
- ⁷ В Варкаус на праздник дружбы // Ленинская правда. 1967. 8 июля. № 159. С. 1.
- ⁸ Праздник дружбы // Ленинская правда. 1967. 11 июля. № 161. С. 4.
- ⁹ Дни Петрозаводска в Варкаусе // Ленинская правда. 1972. 4 июля. № 155. С. 1.
- ¹⁰ Дни Петрозаводска в Варкаусе // Ленинская правда. 1972. 26 июля. № 174. С. 3.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Гости из города-побратима // Ленинская правда. 1974. 25 июля. № 172. С. 1.
- ¹³ Дружба крепнуть // Ленинская правда. 1974. 31 июля. № 177. С. 3.
- ¹⁴ Имени города Варкауса // Ленинская правда. 1979. 28 сентября. № 223. С. 1.
- ¹⁵ Педагоги из ГДР в Петрозаводске // Ленинская правда. 1972. 7 октября. № 237. С. 1.
- ¹⁶ Журналисты из Нойбранденбурга – гости Карелии // Ленинская правда. 1972. 17 сентября. № 220. С. 1; Пребывание в Карелии журналистов из Нойбранденбурга // Ленинская правда. 1972. 24 сентября. № 226. С. 1; Гости из Нойбранденбурга // Ленинская правда. 1973. 25 апреля. № 97. С. 1.
- ¹⁷ Стройка дружбы // Ленинская правда. 1975. 10 сентября. № 213. С. 1.
- ¹⁸ Медики Нойбранденбурга – гости Карелии // Ленинская правда. 1974. 17 апреля. № 90. С. 1.
- ¹⁹ Полиграфисты Нойбранденбурга в Петрозаводске // Ленинская правда. 1974. 12 сентября. № 214. С. 1.
- ²⁰ Делегация работников торговли из Нойбранденбурга // Ленинская правда. 1975. 4 июня. № 129. С. 1.
- ²¹ Делегация писателей Нойбранденбурга в Петрозаводске // Ленинская правда. 1976. 21 января. № 16. С. 1.
- ²² Юные тельмановцы в Петрозаводске // Ленинская правда. 1972. 11 июля. № 161. С. 1.
- ²³ Петрозаводская – новая улица Нойбранденбурга // Ленинская правда. 1973. 14 января. № 12. С. 3.
- ²⁴ Улицы дружбы // Ленинская правда. 1973. 27 июня. № 149. С. 1.
- ²⁵ Рольф с улицы Петрозаводской // Ленинская правда. 1975. 2 июля. № 153. С. 3.
- ²⁶ Братское поздравление // Ленинская правда. 1969. 11 ноября. № 263. С. 1.
- ²⁷ Телеграмма из Нойбранденбурга // Ленинская правда. 1973. 9 мая. № 108. С. 1; Телеграмма из Нойбранденбурга // Ленинская правда. 1970. 9 мая. № 108. С. 3.
- ²⁸ Приветствия из Нойбранденбурга // Ленинская правда. 1972. 1 января. № 1. С. 1.
- ²⁹ Дружеские встречи // Ленинская правда. 1969. 17 декабря. № 292. С. 1.
- ³⁰ Немецкие друзья в Кондопоге // Ленинская правда. 1971. 10 июля. № 160. С. 1.
- ³¹ Дружеские встречи // Ленинская правда. 1973. 13 июля. № 163. С. 1.
- ³² Дружеский визит в Олонецкий район // Ленинская правда. 1971. 8 июля. № 158. С. 1.
- ³³ Крепнут дружеские связи // Комсомолец. 1976. 7 октября. № 119. С. 2.
- ³⁴ Адреса побратимов // Ленинская правда. 1974. 4 июня. № 128. С. 3.
- ³⁵ Знамя дружбы // Ленинская правда. 1978. 22 ноября. № 267. С. 1.
- ³⁶ Курт Тиме: «Гордимся достижениями Родины Октября» // Ленинская правда. 1977. 25 мая. № 121. С. 1.
- ³⁷ В гостях у друзей // Ленинская правда. 1979. 16 июня. № 139. С. 3.
- ³⁸ Почерк нойбранденбургских строителей // Ленинская правда. 1977. 19 мая. № 116. С. 2.
- ³⁹ Письма друзей // Ленинская правда. 1975. 27 апреля. № 99. С. 3.
- ⁴⁰ В гостях у друзей // Ленинская правда. 1977. 14 августа. № 191. С. 3.
- ⁴¹ Хочу говорить по-немецки // Комсомолец. 1979. 5 мая. № 53. С. 3.
- ⁴² Карелия – Нойбранденбург. Петрозаводск: Карелия, 1977. 259 с.
- ⁴³ Свидетельство торжества интернационализма // Ленинская правда. 1977. 12 октября. № 241. С. 3.
- ⁴⁴ Книга единомышленников // Комсомолец. 1977. 30 июня. № 77. С. 4.
- ⁴⁵ Премия имени К. С. Еремеева авторам книги «Карелия – Нойбранденбург» // Ленинская правда. 1978. 4 мая. № 102. С. 1.
- ⁴⁶ Как мы дружили с немцами // Карелия. 2005. 2 августа. № 83. С. 5.
- ⁴⁷ Праздник братства // Ленинская правда. 1979. 3 июля. № 153. С. 1.
- ⁴⁸ Вехи десятилетия // Ленинская правда. 1979. 1 июля. № 152. С. 1.
- ⁴⁹ Единство помыслов и чувств // Комсомолец. 1979. 30 июня. № 77. С. 4.
- ⁵⁰ Дружбе крепнуть // Ленинская правда. 1973. 7 ноября. № 263. С. 4.
- ⁵¹ Гости из Франции // Ленинская правда. 1973. 7 ноября. № 263. С. 4.
- ⁵² Дружбе крепнуть // Ленинская правда. 1974. 31 июля. № 177. С. 3.
- ⁵³ Гости из Ла Рошели в Петрозаводске // Ленинская правда. 1977. 17 мая. № 114. С. 1.
- ⁵⁴ Женщины двух стран // Ленинская правда. 1979. 12 января. № 10. С. 3.
- ⁵⁵ Петрозаводская площадь Ла Рошели // Ленинская правда. 1976. 28 ноября. № 281. С. 3.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Визит дружбы // Ленинская правда. 1977. 16 ноября. № 270. С. 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вавулинская Л. И. Межкультурная коммуникация в диалоге Карелии и Финляндии в 1950–1970-е гг. // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2018. Вып. 3. С. 228–249 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nbsr.petsru.ru/journal/article.php?id=1081> (дата обращения 01.01.2023).
2. Вавулинская Л. И. Побратимские связи городов СССР и Финляндии в 1960–1980-е гг. как фактор формирования новых форм сотрудничества на региональном уровне (на примере Петрозаводска и Варкауса) // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Серия: Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2008. С. 65–76.
3. Вершинин С. Е. Образ ГДР в советской периодической печати 1950–1970-х годов: взгляд сверху и снизу // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 6. С. 17–24.
4. Ивашкина Ф., Шорохова И. В. Язык дружбы понятен каждому // Дружба – Freundschaft. Из истории развития побратимских связей Петрозаводска и немецких городов Нойбранденбурга и Тюбингена. Петрозаводск, 2022. С. 18–69.
5. Ковалёв М. В. Приподнимая «Железный занавес»: Саратов и его города-побратимы (Бристоль и Братислава) // Город и городская жизнь в России XVI–XXI веков: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 430-летию Саратова. Саратов, 2020. С. 174–196.
6. Максимов В. Б. Международные контакты городов СССР как часть внешней политики Правительства // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 2. С. 96–102.
7. Непомнящий Т. А., Песляк М. М. В дружбе с городами мира. М.: Юридическая литература, 1987. 368 с.
8. Петров И. А. Добрые соседи: Краткий очерк дружественных советско-финляндских отношений. Петрозаводск: Карелия, 1982. 120 с.
9. Чахор Р. Р. Международное сотрудничество городов Польши: формы, цели, итоги // Побратимство городов: состояние, возможности развития, вызовы, приоритеты: Сб. ст. по результатам Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, Тюмень, 23–24 апреля 2021 г.). Тюмень: ТюмГУ, 2021. С. 31–36.
10. Шеремет А. В. Сотрудничество предприятий Карелии в рамках побратимских связей в 70–80-е годы XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 7 (152). С. 29–32.
11. Шлапек Е. А. Роль городских элит и побратимского движения в формировании трансграничных регионов (на примере развития внешних связей Петрозаводского городского округа, Республика Карелия) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 4 (1). С. 374–380.
12. Lavrushina N., Shlapenko E. Public participation in sister-cities relations: The case of Petrozavodsk // Municipal politics in a comparative perspective. Identity, geopolitics and the welfare state: The cases of Petrozavodsk and Tübingen. Nomos, 2020. P. 229–238.
13. O'Toole K. Kohusaika and Internationalisation: Australia and Japanese sister city type relationships // Australian Journal of International Affairs. 2001. Vol. 55, № 3. P. 403–419.
14. Zelinsky W. The twinning of the world: Sister cities in geographic and historical perspective // Annals of the Association Geographers. 1991. Vol. 81, № 1. P. 1–31.

Поступила в редакцию 25.01.2023; принята к публикации 29.05.2023

Original article

Kseniya M. Bogacheva, Postgraduate Student, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
tarasovaksenia30@gmail.com

FORMATION OF KARELIA'S SISTER-CITIES RELATIONS (analysis of the republican newspapers)

Abstract. The paper addresses the history of origin and formation of Karelian twinning relations in the 1960s–1970s using the materials of republican newspapers (*Leninskaya Pravda* and *Komsomolets*). The reference to the press allows us to define the way the contacts between the twin-cities were presented to the population, as well as to consider the way the newspapers covered the citizens' attitude to these connections. In the scientific literature connected with the study of the twinning movement in Karelia, as well as in other republics of the USSR, newspaper materials were often used as auxiliary sources. In our study we used the historical-systemic, historical-genetic, historical-comparative, typological methods, and content analysis. The analyzed articles, notes, interviews allow us to trace the formation of sister-cities relations between Petrozavodsk and Varkaus, Petrozavodsk and La Rochelle, as well as between the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic (ASSR) and the Neubrandenburg district and to conclude that in the republican press during this period a certain hierarchy of sister-cities was built, in which the top position was occupied by Neubrandenburg. Soviet newspapers reflected the official discourse of the twinning policy.

Keywords: sister-cities, Karelian ASSR, Petrozavodsk, Neubrandenburg, Varkaus, La Rochelle, Leninskaya Pravda, Komsomolets

Acknowledgements. The author expresses deep gratitude to her scientific supervisor Olga Ilyukha for her valuable advice and recommendations given in the process of writing the article. The work was a part of the state project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (No 70700117-1 “Karelia in the conditions of social transformations of the XVII–XXI centuries: new approaches and interpretations. 2021–2023”).

For citation: Bogacheva, K. M. Formation of Karelia’s sister-cities relations (analysis of the republican newspapers). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(5):32–41. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.919

REFERENCES

1. Vavulinskaya, L. I. Intercultural communication in the dialogue between Karelia and Finland, 1950–1970s. *Nordic and Baltic Studies Review*. 2018;3:228–249. Available at: <https://nbsr.petsru.ru/journal/article.php?id=1081> (accessed 01.01.2023). (In Russ.)
2. Vavulinskaya, L. I. Sister-city relations between the cities of the USSR and Finland in the 1960s–1980s as a factor of the formation of new forms of cooperation at the regional level (the cases of Petrozavodsk and Varkaus). *Borders and contact zones in the history and culture of Karelia and adjacent regions. Series “Humanities Studies”*. Petrozavodsk, 2008. P. 65–76. (In Russ.)
3. Vershinin, S. E. The image of the GDR in the Soviet periodical press in the 1950s – the 1970s: the view from above and from below. *Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Research*. 2014;6:17–24. (In Russ.)
4. Ivashkina, F., Shorokhova, I. V. The language of friendship is understood by everyone. *Friendship – Freundschaft. The history of the development of sister city relations between Petrozavodsk and the German cities of Neubrandenburg and Tübingen*. Petrozavodsk, 2022. P. 18–69. (In Russ.)
5. Kovalev, M. V. Raising the Iron Curtain: Saratov and its sister cities (Bristol and Bratislava). *City and urban life in Russia in the XVI–XXI centuries: Proceedings of the all-Russian research conference dedicated to the 430th anniversary of Saratov*. Saratov, 2020. P. 174–196. (In Russ.)
6. Maksimov, V. B. International links of Soviet cities as the part of the external policy of its government. *Science Journal of Volgograd State University. Series 4: History. Area Studies. International Relations*. 2012;2:96–102. (In Russ.)
7. Nepomnyashchiy, T. A., Peslyak, M. M. Friendship with the world’s cities. Moscow, 1987. 368 p. (In Russ.)
8. Petrov, I. A. Good friends: Brief review of friendly Soviet-Finnish relations. Petrozavodsk, 1982. 120 p. (In Russ.)
9. Chakhor, R. R. International cooperation of cities in Poland: forms, goals, results. *Twinning of cities: status, development opportunities, challenges, priorities: Proceedings of the international research and practice conference*. Tyumen, 2021. P. 31–36. (In Russ.)
10. Sheremet, A. V. Cooperation of Karelian enterprises within twinning partnership projects of 1970–80s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2015;7(152):29–32. (In Russ.)
11. Shlapenko, E. A. The role of local communities and the sister city movement in the formation of transborder regions (on the example of external relations of Petrozavodsk city, the Republic of Karelia). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*. 2012;4(1):374–380. (In Russ.)
12. Lavrushina, N., Shlapenko, E. Public participation in sister-cities relations: The case of Petrozavodsk. *Municipal politics in a comparative perspective. Identity, geopolitics and the welfare state: The cases of Petrozavodsk and Tübingen*. Nomos, 2020. P. 229–238.
13. O’Toole, K. Kohusaika and internationalisation: Australia and Japanese sister city type relationships. *Australian Journal of International Affairs*. 2001;55(3):403–419.
14. Zelinsky, W. The twinning of the world: Sister cities in geographic and historical perspective. *Annals of the Association Geographers*. 1991;81(1):1–31.

Received: 25 January 2023; accepted: 29 May 2023

МАДИНА РАСУЛОВНА КАЮМОВА

главный архивист отдела научно-справочного аппарата
Национальный архив Республики Карелия
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-2360-8388; madina.kayumova@gmail.com

РОЛЬ МУЗЕЙНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН

А н н о т а ц и я . На примере Карело-Финской ССР рассматривается проблема формирования идентичности советских граждан на основе музейной репрезентации событий Великой Отечественной войны в первых послевоенных экспозициях Государственного историко-краеведческого музея республики. Источниками исследования стали документы музея, сопровождавшие процесс создания экспозиций, тексты экскурсий, путеводители и книги отзывов посетителей. Музейные показы 1948 и 1952 годов создавались в рамках историографической модели, сложившейся в первые послевоенные годы. Эта модель во многом определяла вектор исторических репрезентаций войны до 1990-х годов. В статье показано, с помощью каких музейных средств и экспонатов реализовывалась историографическая модель репрезентации войны, какие факторы влияли на формирование экспозиций, насколько усваивались основные идеи, заложенные в них, посетителями музея. Сделан вывод, что главным средством политико-воспитательной и просветительской работы и формирования идентичности музея были постоянные исторические экспозиции, представляющие собой связный рассказ о прошлом, своеобразный исторический нарратив. Нарратологический подход к анализу музейной экспозиции позволил раскрыть то, как события Великой Отечественной войны стали одной из основ идентичности советских граждан. Потенциал разделов постоянных экспозиций по истории Великой Отечественной войны в формировании идентичности использовался музейными работниками в деле патриотического воспитания.

К л ю ч е в ы е с л о в а : музей, репрезентация, экспозиция, тематический экспозиционный план, Великая Отечественная война, идентичность, Карелия

Д л я ц и т и р о в а н и я : Каюмова М. Р. Роль музейных репрезентаций Великой Отечественной войны в формировании идентичности советских граждан // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 5. С. 42–52. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.920

ВВЕДЕНИЕ

Для советского экспозиционного жанра было характерно стремление к построению концептуального художественного образа. В центре экспозиции советского музея всегда находилась определенная идея, вокруг которой было организовано визуальное повествование [14: 6]. Особенностью подлинных музейных предметов, составлявших основу экспозиции, являлась их способность вызывать эмоциональный отклик у посетителей. Поэтому посетитель музея, погружавшийся одновременно в предметно-пространственную и эмоционально-образную среду, которые объединялись в определенный сюжетно-концептуальный ряд [13: 10], был окружен музейными образами, сообщавшими ему определенную идею, положенную в основу экспозиции.

Великая Отечественная война была одним из ключевых событий в истории СССР. Наряду

с Октябрьской революцией и Гражданской войной, победа в Великой Отечественной войне стала одной из основ идентичности советского человека и легитимности Советского государства [20: 160–161]. В региональных советских музеях раздел экспозиции, посвященный истории войны, занимал одно из центральных мест и играл большую роль в патриотическом воспитании молодежи.

В научной литературе деятельность центральных и региональных музеев по сохранению памяти о Великой Отечественной войне также в основном рассматривается в контексте патриотического воспитания молодого поколения [7], [8], [19]. Авторы музейведческих исследований в своих работах анализируют построение и предметный ряд экспозиций, делают выводы о том, как музейные экспонаты воздействуют на посетителей, какой воспитательный эффект имеет

их показ [6], [9]. Однако в большинстве случаев объектом исследований становятся современные экспозиции музеев, созданные недавно.

Исторические экспозиции советских музеев нечасто попадают в фокус внимания исследователей. Тем не менее в научных работах современных ученых, обращающихся к тексту советских экспозиций как историческому источнику, раскрываются научный потенциал и перспективы разработки этого источника для исторических и историографических исследований (см., напр., [1]).

Целью данной статьи является рассмотрение проблемы формирования идентичности советских граждан Карело-Финской ССР на основе музейной репрезентации событий Великой Отечественной войны. Основными источниками исследования стали тематико-экспозиционные планы (ТЭП) разделов основной экспозиции Государственного музея Карело-Финской ССР по теме «Великая Отечественная война», путеводители по музею, протоколы методических советов музея, на которых обсуждались вопросы, связанные с репрезентацией Великой Отечественной войны в экспозициях, а также книги отзывов посетителей музея. ТЭП – это документы, в которых закрепляются структура музейных экспозиций, схема и порядок расположения экспонатов, состав пояснительных текстов и этикетажа. Они позволяют представить, как выглядела экспозиция, каково было ее содержание. Книги отзывов посетителей дают представление об эмоциональном отклике на экспозицию, а также степени рецепции основных идей, заложенных в музейном показе.

НАРРАТОЛОГИЯ КАК ОСНОВА ИЗУЧЕНИЯ ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОПЫТА ИСТОРИИ

Историческая музейная экспозиция представляет собой связный рассказ о прошлом, в основе которого лежит предметный ряд и аутентичная историческая концепция, тем самым она может рассматриваться как своеобразный исторический нарратив, что позволяет применить к ее изучению принципы нарратологии. По мнению Й. Рюзена, нарратив обладает способностью фиксировать в современности и передавать в будущее ключевые аспекты идентичности того или иного общества [11: 22]. Опыт прошлого оформляется в осмысленную историю посредством интерпретации и репрезентации событий как непротиворечивого целого [18: 46–47, 50]. Под репрезентацией исторических событий могут пониматься сами исторические труды, где изложены те или иные взгляды на исторический

процесс, произведения искусства, основанные или вдохновленные историческими событиями.

Угрозой для идентичности, по мысли Й. Рюзена, являются «кризисы», понимаемые как события и явления, не вписывающиеся в устоявшиеся представления об истории. Такие события подразделяются им на «нормальные», «критические» и «катастрофические». Первые могут создавать идентичность, обозначать ее происхождение, вторые приводят к изменению идентичности, возникновению ее более сложной версии, а последние разрушают идентичность, препятствуют ее позитивному утверждению. Такие события носят «травмирующий» характер и остаются постоянной угрозой идентичности [18: 55]. Условием для возникновения травмирующего события должно быть наличие коллективной идентичности, угрозу которой человек может осознать [5: 79].

Рассмотрим признаки травмирующего события. Прежде всего такое событие должно быть неожиданным и повлечь за собой быстро происходящие изменения. Травмирующее событие является радикальным по своему характеру и затрагивает все стороны жизни сообщества. Оно воспринимается как экзогенное, то есть не зависит от воли и желания самого индивида. Событие представлено в негативном ключе, воспринимается шокирующим, даже отталкивающим [21: 8]. Всеми этими признаками уже в первых публичных выступлениях советских лидеров была наделена начавшаяся 22 июня 1941 года война. В выступлении по радио наркома иностранных дел В. М. Молотова в этот день, а позднее в обращении И. В. Сталина к советскому народу 3 июля 1941 года нападение Германии было названо «вероломным», «без объявления каких-либо претензий», то есть неожиданным. Война характеризовалась как «навязанная», ее начало не зависело от воли советского правительства, политика которого в выступлениях советских лидеров была определена как миролюбивая, ответственность за начало войны лежала на немецких властях. Адресатом обращений было все население страны, жизнь которого должна была резко поменяться: перейти с нивы «мирного строительства» на «военные рельсы». Тогда же впервые появилось определение начавшегося конфликта как «великой войны всего советского народа против немецко-фашистских войск», победа в войне была представлена как вопрос жизни и смерти Страны Советов¹. Уже с первых дней Великая Отечественная война была показана как грозное, переломное событие, несущее прямую опасность существованию Советского государства. Таким образом, в первых оценках на-

чавшейся войны были заложены определения, несущие угрозу идентичности советских людей, однако в последующем именно вокруг событий войны и победы в ней во многом строилось самоопределение советского народа. Для того чтобы избежать травматизации общества, необходимо было трансформировать изначально заданный вектор восприятия событий, создать новую, более позитивную парадигму их репрезентации [18: 42]. Такая парадигма, основанная на трудах И. В. Сталина, сложилась уже в первые послевоенные годы и была воплощена в жесткой историографической модели репрезентации Великой Отечественной войны.

Неудобные моменты, травматичные эпизоды были вытеснены из этой модели, а военный опыт воспринимался как источник ценностей, проверяющих человека и объединяющих общество [12: 76]. Основными акцентами в репрезентации войны стали героизм и жертвенность во имя Родины, проявленные советскими воинами, трудовые подвиги и самоотверженный труд советских граждан в тылу, умелое руководство партии и военного командования во главе с И. В. Сталиным, которые в конечном итоге и привели к победе.

На примере первых послевоенных экспозиций Государственного историко-краеведческого музея рассмотрим, с помощью каких музейных средств и экспонатов реализовывалась историографическая модель репрезентации войны. Выделим характерные черты, которые она приобрела с учетом специфики событий, происходивших на территории республики в 1941–1944 годах.

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРВОЙ ПОСЛЕВОЕННОЙ МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ

В годы Великой Отечественной войны музеи европейской части России понесли значительные потери, учет и восполнение которых начались сразу после освобождения оккупированных территорий. Руководство музеев стремилось как можно быстрее возобновить работу культурно-просветительных учреждений и начать принимать первых посетителей [15: 156–157].

Государственный историко-краеведческий музей КФСР значительно пострадал во время оккупации г. Петрозаводска в 1941–1944 годах, многие ценные экспонаты и целые коллекции были утрачены. Однако усилиями сотрудников музея был открыт уже в 1945 году, до 1948 года продолжалась работа над формированием постоянной экспозиции музея². Более того, уже к 1948 году была собрана значительная коллекция предметов, связанных

с Великой Отечественной войной, что позволило на основе новой коллекции открыть полноценный отдел музея «Великая Отечественная война и участие в ней народа Карело-Финской ССР».

Созданием разделов экспозиций 1948, 1952 годов по истории войны занимались непосредственные ее участники. Заведующим отделом в 1946 году был назначен Николай Михайлович Минин, который в 1941 году добровольцем вступил в ряды партизан и до освобождения Карелии в 1944 году возглавлял санитарную службу партизанского отряда «Красный Онежец». В 1942 году Н. М. Минин был награжден медалью «За боевые заслуги». Научный сотрудник отдела, Леонид Филиппович Киров, фронтовик, младший лейтенант, радист разведывательного отдела штаба 14-й армии, воевал на Карельском фронте, был награжден орденами Красной Звезды и Красного Знамени. Сотрудники нового отдела, прошедшие практически весь свой боевой путь в Карелии, были хорошо знакомы со спецификой военных действий на ее территории. Кроме собственного опыта у них также был багаж политических занятий, которые в обязательном порядке посещались бойцами партизанских отрядов и солдатами регулярной армии. В 1946 году Н. М. Минин, член партии, окончил одногодичную партийную школу в г. Петрозаводске и после ее окончания был принят на музейную работу. Необходимо отметить, что оба музейных работника не имели профильного исторического образования: Н. М. Минин окончил фельдшерско-акушерскую школу, Л. Ф. Киров имел среднетехническое образование³. Таким образом, представления научных сотрудников, которым поручено было создать экспозицию по истории Великой Отечественной войны, складывались из собственного военного опыта и знаний, полученных на политических занятиях. Они не имели достаточной исторической подготовки и даже музейного опыта, чтобы поместить события Великой Отечественной войны в контекст всей истории Карелии, создать «непрерывное историческое полотно». Это отразилось на структуре музейного показа и всей постоянной экспозиции музея.

Экспозиция отдела по истории Великой Отечественной войны не вписывалась в непрерывный последовательный нарратив, развернутый в пространстве музея, и даже нарушала хронологический принцип, положенный в основу маршрута осмотра. Посетители, самостоятельно осматривавшие экспозицию, начинали свой маршрут с первого этажа, где как раз находились стенды и витрины отдела. Более того, репрезентация сравнительно небольшого пери-

ода времени, пяти военных лет, занимала значительную экспозиционную площадь⁴, сопоставимую с площадями других исторических отделов, охватывавших не одно столетие. Открытие такого объемного музейного показа стало возможным благодаря большой исследовательской работе сотрудников, направленной на поиск экспонатов и документальных материалов. Основным направлением в исследовательской деятельности было изучение боевых действий на Карельском фронте и в тылу противника, сбор документов, материалов и экспонатов, связанных с подвигами Героев Советского Союза. Так, например, в 1947 году в музей был доставлен станковый пулемет «Максим» с пограничной заставы Героя Советского Союза Н. Ф. Кайманова⁵. Этот экспонат занимал одно из ключевых мест во всех экспозициях музея по истории Великой Отечественной войны, начиная с экспозиции 1948 года.

Помимо подлинных исторических памятников музеем изготавливались или заказывались картины и макеты. В экспозиции 1948 года было представлено несколько макетов: «Взрыв воинского эшелона подпольной группой», «Разгром диверсионной группы финнов партизанами в устье р. Водлы»⁶, «Зимний лагерь партизан», «Героическая застава [Кайманова]»⁷ и др. Как и основные экспонаты, макеты призваны были отразить участие «карело-финского народа» в разгроме врагов.

В 1948 году заместителем директора музея по научной части П. П. Вичуриной были подготовлены методические рекомендации к проведению экскурсий по теме «Великая Отечественная война». Методические рекомендации представляли собой путеводитель по отделу и предлагали готовые формулы для проведения экскурсий по каждому из разделов экспозиции по истории войны, которые практически полностью соотносились с тезисами общепринятой схемы репрезентации с некоторыми исключениями. Первый раздел носил название «Вероломное нападение». В нем раскрывались образ врага, изначальный характер войны, причины «временных неудач»⁸ Красной армии, создание под руководством ЦК КП(б) КФССР отрядов народного ополчения, подпольных групп, партизанских отрядов. Подчеркивалось, что СССР не готовился к войне и не желал ее⁹. В следующем разделе экспозиции «“Новый порядок” оккупантов» экскурсоводы, согласно методичке, должны были рассказать о политике финнов на оккупированных территориях Карелии, тяжелом положении гражданского населения. Два раздела были посвящены подпольному и партизанскому движению.

В этих разделах необходимо было на местном материале с учетом особенностей войны в Карелии показать патриотизм советских людей, проявленный «в самоотверженной борьбе» против оккупантов¹⁰. Далее следовало акцентировать внимание на цитате И. В. Сталина о руководящей роли коммунистической партии в деле борьбы против врага и на примере деятельности карельского ЦК ВКП(б) показать роль партии в организации и руководстве подпольным и партизанским движением («карело-финская партийная организация с первых дней Отечественной войны возглавила борьбу народных мстителей против немецко-фашистских разбойников»¹¹).

Поскольку музейная репрезентация помещала локальные события, происходившие в Карелии в военные годы, в общий контекст Великой Отечественной войны, в большинстве случаев для описания врага использовался термин «немецко-фашистские захватчики». Только в разделах, касающихся оккупации Карелии и Петрозаводска, можно было встретить упоминание о финских войсках. В центральной газете КФССР «Ленинское знамя» за 1947–1953 годы в номерах, посвященных годовщинам начала войны или Великой Победы, редкие статьи содержали упоминания о том, что финские войска участвовали в оккупации республики, акцент делался на победе над «фашистской Германией и империалистической Японией»¹². Газетные статьи, связанные с освобождением Карелии и Петрозаводска, отсылали к действиям финнов на оккупированной территории, в то же время события 1944 года нередко именовались освобождением республики от фашистской оккупации. Несмотря на яркий негативный образ финских войск, транслировавшийся как в центральной газете, так и в экспозиции, посетители музея, делаясь впечатлениями от осмотра музея в книгах отзывов, описывали свои чувства именно по отношению к немецко-фашистским захватчикам или фашистам, а не к финским оккупантам. Таким образом, акцент на восприятии немцев или, обобщенно, фашистов как основных врагов, несмотря на то что карельские партизаны и регулярные войска сражались против финнов, был задан именно историографической моделью. Она оказывала влияние на формирование ожиданий посетителей от музейного рассказа.

Следующий раздел носил название «Тыл – фронту». Он знакомил посетителей с результатами работы предприятий республики и всей страны, которая была направлена на оказание помощи фронту и партизанам. Прежде всего экскурсоводам предлагалось рассказать о работе предприятий лесной промышленности («лесорубы

и возчики самоотверженно трудились в лесу»¹³), рыболовецких («большую помощь фронту... оказывали рыбаки и рыбачки КФССР»¹⁴) и сельскохозяйственных колхозов. Раздел «Транспорт» раскрывал тему помощи фронту на примере деятельности Кировской железной дороги¹⁵.

Завершающие разделы экспозиции были посвящены боям на Карельском фронте, освобождению Карелии, а также героическим подвигам уроженцев Карелии, удостоенных звания Героев Советского Союза. Методические рекомендации предлагали начать рассказ о подвигах уроженцев Карелии с указания на преемственность боевых традиций участников Отечественной войны 1812 года и воинов Великой Отечественной войны («...земляки наши не уронили, а во многом приумножили боевую славу своих предков – знаменитых Олонецких стрелков... которые в числе первых вступили в Париж»¹⁶).

В годы Великой Отечественной войны обращение к дореволюционной истории за примерами народного мужества и героизма, проявленного при защите Родины в прошлом, позволяло советским людям расширять рамки идентичности до героев Древней Руси и Российской империи [16: 88], опираться не только на героические традиции Гражданской войны. В то же время нарушалась идеологическая целостность истории Советского государства, изначально противопоставившего себя всему дореволюционному [3: 10]. Однако обращение к истории противостояния Петра I со шведами или М. И. Кутузова с французами играло очень важную роль в поддержании морального духа советских воинов, которые на исторических примерах убеждались в возможности победы над грозным противником. Несмотря на то что надобность в исторических сопоставлениях после 1945 года миновала, они перекочевали со страниц военных газет и из политических занятий в методические пособия, а затем и в тексты экскурсий по музею.

В 1949 году был издан первый послевоенный путеводитель по Государственному историко-краеведческому музею КФССР. В нем была закреплена существующая структура экспозиции, предлагался маршрут осмотра, описывались наиболее значимые экспонаты. Как и в экспозиции по истории войны, в путеводителе большое место было уделено показу республиканского партийного руководства в годы суровых военных испытаний. На страницах издания были представлены фотопортреты и групповые фотографии партийного и комсомольского руководства, особое место занимали фотографии Г. Н. Куприянова, первого секретаря ЦК КП(б) КФССР. Однако уже в следующем году путеводитель был

изъят из продажи и библиотек, а музей начал работу над перестройкой всей экспозиции. Наибольшее число нареканий вызывал как раз отдел по истории Великой Отечественной войны. Он не только нарушал хронологическую последовательность музейного маршрута, но и содержал «идеологические ошибки». Одной из таких ошибок было упоминание имени Г. Н. Куприянова, который в 1950 году был снят со своего поста, а позже арестован, подразумевалось, что его фигура должна была исчезнуть из общественного дискурса. Одной из стратегий изображения реальности в советской историографии было нормативное забвение [16: 87]. К этой стратегии пришлось прибегнуть музейщикам при работе над экспозиционным показом, изымая со стендов материалы, относившиеся к Г. Н. Куприянову. В этой связи показателен текст экскурсии по теме «Боевая деятельность партизан и подпольщиков КФССР в Великой Отечественной войне», подготовленный заведующим отделом Н. М. Мининым в 1949 году. В документе чернилами были зачеркнуты те фрагменты, в которых упоминался Г. Н. Куприянов¹⁷, а фразы о руководящей роли партии приобретали обезличенный характер. В новой экспозиции его имя более не встречалось.

СОЗДАНИЕ ЭКСПОЗИЦИИ 1952 ГОДА

Работа над созданием новой экспозиции по истории войны началась уже в 1951 году. В приказе председателя Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров КФССР от 6 июля 1951 года предписывалось упразднить отдел Отечественной войны, включив все экспозиционные материалы в отдел советской истории на правах раздела¹⁸. Новый раздел получил название «Участие КФССР в Великой Отечественной войне». В основу музейного показа предлагалось положить обобщающий сборник документов «О Великой Отечественной войне Советского Союза», составленный И. В. Сталиным¹⁹. В целом же экспозиция 1952 года сюжетно и структурно повторяла предыдущую и соответствовала устоявшейся историографической схеме репрезентации войны. Однако теперь она была вписана в единое музейное историческое повествование.

Предметный ряд практически не поменялся, сохранив ключевые экспонаты, подлинные предметы участников Великой Отечественной войны. Как и прежде, он характеризовал борьбу с захватчиками на территории Карелии на разных направлениях (граница, фронт, подполье), а также работу советского тыла для нужд фрон-

та. Однако в ТЭПе было довольно много экспозиционных материалов, не относящихся к событиям войны в Карелии. Общие и вводные темы, в которых раскрывались ключевые события войны, и частные сюжеты были представлены плоскостными вспомогательными экспозиционными средствами – фотокопиями документов, монтажами из газет и листовок, иллюстрациями. Если предыдущая экспозиция подвергалась критике, в частности за обилие местного материала и отсутствие связи с общими событиями Великой Отечественной войны²⁰, то новую можно было бы критиковать за обратное. Местный материал, в том числе и экспонатура, терялся на фоне многочисленных фотокопий и текстов, которые отражали ключевые события Великой Отечественной войны, но не коррелировали с событиями в Карелии. Каждый тематический подраздел начинался и заканчивался цитатами из работ, речей, статей И. В. Сталина, которые служили вступлением в тему, настраивая на ее восприятие и подводя своеобразный итог в конце. Цитаты И. В. Сталина были связующим звеном, а его деятельность в годы Великой Отечественной войны – сквозной темой разделов экспозиции.

Как и в экспозиции 1948 года, один из разделов был посвящен оккупационному режиму на территории Карелии. Он был единственным, не начинавшимся с цитаты из речей или работ И. В. Сталина, и самым мрачным по составу визуального ряда. Для описания деятельности захватчиков на оккупированной территории использовались цитаты из книги «Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории КФССР: Сборник материалов и документов»²¹. Экспонаты, связанные с репрезентацией врага, характеризовали его жестокость и бесчеловечное отношение к советским гражданам (например, одежда узников концлагерей, нашивки на одежду – «унизительные знаки рабства» и др.). Визуальный ряд, сопровождавший рассказы о враге, – это фотографии разрушенных и разграбленных памятников культуры и музеев, убитых советских граждан и красноармейцев.

В текстах использовались эмоционально окрашенные прилагательные и существительные-характеристики для обозначения финских оккупационных войск (враг «злейший», «коварный», «палачи», «захватчики», «мерзавцы», «изверги» и др.). В рецензии на ТЭП 1952 года, представленной карельским историком Е. С. Гардиным, предлагалось «освободить аннотации от некоторых выражений военного времени» и заменить все эти определения на более нейтральные «белофинские оккупанты» или «белофинские

захватчики»²². Несмотря на то что большинство замечаний рецензента были приняты во внимание и исправлены, в финальном варианте ТЭПа все критикуемые Е. С. Гардиным эмоционально-окрашенные выражения сохранились²³.

В 1948 году между СССР и Финляндией был заключен Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, нацеленный на «укрепление добрососедских отношений»²⁴. В центральных газетах КФССР был опубликован текст договора, а также речи советского и финского руководства, приветствующих его подписание. В печати также была представлена модель того, как необходимо относиться к заключению договора: «советская общественность единодушно приветствует подписание договора»²⁵. Руководители обоих государств подчеркивали уважительное отношение друг к другу, которое в итоге должно «ликвидировать пережитки недоверия»²⁶. Уважение на политическом уровне может стать одним из путей преодоления взаимной неприязни между государствами и народами [17: 659]. Именно на этот путь, согласно тексту договора, вставали Финляндия и СССР. Это не амнистия, не прощение, а желание преодолеть прошлые разногласия для выгоды обеих сторон. Относиться друг к другу с уважением в понимании советского и финского руководства означало учитывать обоюдные интересы при принятии тех или иных решений. Однако если на уровне дипломатических отношений между СССР и Финляндией установились условно «дружеские» отношения, то народам обеих стран, особенно жителям Карелии, испытавшим на себе финскую оккупацию, нелегко было стереть из памяти пережитые военные годы. Это нашло отражение на страницах центральных республиканских газет конца 1940-х – начала 1950-х годов: авторы многочисленных статей об освобождении республики и Дне Победы не готовы были отказаться от жесткой риторики по отношению к недавнему противнику. Создатели музейной экспозиции, не поменявшие тон в репрезентации финнов, были с ними солидарны.

Особое место занимала репрезентация партизан («народных мстителей»), которые действовали на оккупированной территории Карелии. Интересно, что для описания действий партизан использовались те же «деструктивные» глаголы, что и для описания действий врага: «разрушили», «напали», «разорили», «убили», «захватили» и др. Подчеркивалось, что они обращали против врага его же методы, то есть совершали акт возмездия. Визуальный ряд дополнялся фотографиями разрушенных финских гарнизонов, спущенных под откос вражеских эшелонов. Эти

фотографии представляли своеобразное зеркало визуального ряда, характеризующего деятельность оккупантов.

В подразделе, повествующем о работе подпольных групп на оккупированной территории, экспонировались личные вещи (одежда (платье, спортивные брюки), наручные часы, комсомольский билет) секретаря подпольного Олонцкого райкома ВЛКСМ А. М. Звездиной, которая была расстреляна финнами в 1943 году.

Жертвами оккупационного режима было гражданское население, оставшееся в захваченных районах республики и в Петрозаводске, а также военнопленные. В разделе «Злодеяния немецко-финских захватчиков на оккупированной территории» были представлены предметы одежды и личные вещи М. Ф. Миловидовой и ее детей, содержавшихся в Ильинском концлагере. Большинство предметов одежды были изготовлены самой М. Ф. Миловидовой из подручных материалов. В экспозицию был добавлен интерьер «Камера концлагеря для русских военнопленных», которая реконструировала условия их содержания на территории Олонцкой МТС. Вся обстановка камеры должна была показать тяжелейшие условия быта, приносившие узникам страдания²⁷. Пояснительный текст к интерьеру рассказывал о пытках и издевательствах над военнопленными. Эти и другие экспонаты из раздела красноречиво свидетельствовали о тяжелом положении гражданского населения и военнопленных, но в то же время работали на характеристику врага как безжалостного и бесчеловечного. Однако боевые подвиги и героизм советских воинов на полях сражений, трудовые подвиги народа-победителя в тылу занимали гораздо большее место в экспозиции, чем лишения, потери и материальные тяготы, которые этот народ испытывал. Образ советского народа как «мученика» не получил должного раскрытия ни в советской историографии первого послевоенного десятилетия [10: 308–309], ни на стендах экспозиции, следовавшей вновь установившейся историографической традиции.

Последние подразделы были посвящены победоносному окончанию войны и чествованию победителей, прежде всего И. В. Сталина, а также восстановлению разрушенного хозяйства и успехам на поприще мирного труда. На одном из фото М. И. Калинин вручал И. В. Сталину второй орден «Победа», рядом с фотографией размещалась фотокопия документа о присвоении ему звания генералиссимуса. В завершение осмотра экспозиции вниманию посетителей предлагался большой парадный портрет И. В. Сталина с подписью «Вождь и организатор нашей

победы»²⁸. Он объявлялся главным действующим лицом победы, а также ее историком. Советский народ сможет вернуть ее себе только после XX съезда КПСС, однако значение победы в войне для советских людей было очень велико. Она компенсировала горе и потери, так как вдохнула в них оптимизм и принесла веру в лучшее будущее [3: 10], а кроме того, утверждала победу социализма и доказывала превосходство этого социально-политического строя над всеми прочими.

Таким образом, экспозиции 1948 и 1952 годов транслировали одни и те же тезисы, несмотря на некоторые структурные и содержательные различия. Они основывались на рассматриваемой как единственно верной трактовке событий Великой Отечественной войны, которой были присущи однозначность и нормативность. Между 1948 и 1952 годами произошла некоторая коррекция этой трактовки, особенно это коснулось истории КФССР, так как одна из ключевых исторических фигур стала фигурой умолчания и исчезла из публичного пространства. Соответственно, идентичность посещающих музей советских граждан формировалась на основе нормативной исторической памяти. Музей стал одним из инструментов укоренения этой формы исторической памяти, с помощью которых версия истории войны, предложенная И. В. Сталиным, транслировалась советским людям [16: 84]. По окончании осмотра посетители должны были испытывать гордость за боевые и трудовые подвиги своих земляков и всей страны, ненависть к врагу, сочувствие к жертвам войны и вдохновение от победы.

ВОСПРИЯТИЕ ЭКСПОЗИЦИЙ ПОСЕТИТЕЛЯМИ МУЗЕЯ

Основными посетителями послевоенных экспозиций музея были учащиеся школ и средних учебных заведений, военнослужащие местных воинских частей, организованные группы от предприятий и учреждений Карелии. И молодежь, и люди более старшего возраста так или иначе столкнулись с войной и ее последствиями. Петрозаводск значительно пострадал во время оккупации, на восстановление города ушло немало лет, тысячи горожан принимали участие в субботниках по его восстановлению. То есть большинство посетителей музея не просто имели представление о войне, но и обладали собственным опытом ее переживания.

Нормативность памяти о войне, утверждение единственно верной трактовки событий, политика умолчания неприглядных ее сторон и цены победы можно попытаться объяснить,

вернувшись к понятию «культурной травмы». Как было рассмотрено выше, Великая Отечественная война являлась объективно травмирующим событием, которое потенциально несло угрозу коллективной идентичности советского общества. Однако для того, чтобы историческое событие воспринималось обществом как травмирующее, оно должно быть репрезентировано определенным образом. Согласно Дж. Александру, для успешной коллективной репрезентации травмы должны быть предложены убедительные ответы на следующие вопросы: 1) что именно произошло с сообществом? 2) какая группа испытала на себе эту травмирующую боль? 3) в какой мере аудитория, которой адресована репрезентация травмы, соотносит себя с группой жертв? 4) кто вызвал травму, кто виновник? [2: 21–23]. Как можно увидеть, большинство разделов музейных показов 1948 и 1952 годов эти вопросы не ставит, то есть событие, которое является для общества причиной гордости, остается за рамками дискурса травмы и в какой-то степени не воспринимается как травма [4: 6]. Герои войны и герои труда в тылу, согласно создателям экспозиции, не могли быть жертвами, но были готовы жертвы приносить. Они – активные деятели победы, их жертва – это личный нравственный выбор. На стендах экспозиции был представлен целый пантеон героев, как общесоюзных²⁹, так и уроженцев Карелии³⁰. Их подвиги описывались с помощью действительных глаголов, подчеркивая активность и самостоятельность выбора.

Природа жертвы пассивна, жертвы испытывают на себе злонамеренные действия других людей, не обладают достаточными возможностями изменить свое положение, в результате чего получают травмирующий опыт. В экспозиции дискурс травмы частично раскрывается в подразделах, связанных с установлением оккупационного режима на территории Карелии. Жертвы – мирное население, оставшееся на захваченной территории. Травмирующая боль, которую оно испытывало, это результат действий оккупантов, заключавшихся в притеснениях на национальной почве, лишении свободы (помещении в лагерь), причинении физических страданий. Несомненным виновником страданий были показаны финские войска, оккупировавшие Карелию. Данный раздел экспозиции единственный из всех, связанных с показом Великой Отечественной войны, отвечает критериям репрезентации травмы. Однако в книгах отзывов посетителей музея за 1948–1954 годы нет ни одной записи, которую можно было бы идентифицировать как оставленную бывшими узниками кон-

центрационных лагерей или другими лицами, ассоциирующими себя с жертвами, пострадавшими от оккупационного режима.

Репрезентация травматического опыта оккупированного населения не была самоцелью научных сотрудников, однако она могла бы восприниматься определенной группой, такой как бывшие узники финских лагерей, как репрезентация травмы, но эта группа оставалась безмолвной. Травматический опыт не вписывался в общую концепцию героической борьбы и великой победы и, как следствие, умалчивался.

Впечатления о репрезентации врага, каковым в экспозиции по истории Великой Отечественной войны показаны немецкие захватчики и финские оккупационные войска, посетители подчас выражали с помощью лексики экспозиции: «фашистские полчища варваров», «поработители» и т. д. Интересен отзыв учащихся 7-х классов 9-й железнодорожной школы, побывавших на экскурсии в октябре 1950 года: «Отдел Отечественной войны вызывает большую ненависть к врагам»³¹. По мысли создателей экспозиции, именно эти чувства и должен был вызывать подраздел, в котором была представлена политика финнов на оккупированной территории. Демонстрация в экспозиции тяжелых условий лагерного быта, лишений и страданий мирного населения призвана была подчеркнуть основные характеристики врага.

Чувство гордости за ратные подвиги героев, трудовые подвиги в тылу, за достижение победы должно было утверждать идентичность. Великая Отечественная война как историческое событие создателями музейных экспозиций репрезентировалась как «нормальный кризис», согласно классификации Й. Рюзена [18: 41–42], который не привел к разрушению идентичности, а, напротив, доказывал превосходство советских людей и социалистического строя над антагонистами. Свообразным преодолением этого кризиса на примере музейных экспозиций карельского музея стало включение истории Великой Отечественной войны в общий нарратив истории СССР. Музейный показ 1952 года не заканчивался событиями 1945 года, а продолжался подразделом о восстановлении экономики республики и послевоенных успехах в народном хозяйстве.

Что же чувствовали посетители музея по завершении экскурсии или самостоятельного осмотра? Какую идентичность формировал в них опыт осмотра экспозиций по истории Карелии, в том числе истории Великой Отечественной войны? Обратившись к книгам отзывов, можно увидеть, что большинство установок экспозиционеров усваивалось и присваивалось гостями му-

зея. Прежде всего они испытывали чувство гордости за историю своей родины и своих героев³². Посещение музея побуждало их передавать знания о прошлом следующему поколению, сохранять преемственность между прошлым и будущим³³. Отзывы свидетельствовали о большом вдохновении, которое посетители испытывали по окончании визита в музей, оно побуждало их трудиться на благо страны, например:

«Мы комсомольцы-делегаты съезда... будем еще с большим энтузиазмом работать, учиться и оберегать мирный созидательный труд народа» (Делегаты 4-го съезда комсомола КФССР, 6 июля 1950 года), «Нам это [посещение музея] помогает и вдохновляет на новые победы в строительстве коммунистического общества» (воины-строители, 24 мая 1953 года)³⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, экспозиция 1952 года по истории Великой Отечественной войны представляла собой продукт историографической традиции, сложившейся к началу 1950-х годов. На подлинных памятниках раскрывалась борьба красноармейцев, партизан и подпольщиков с захватчиками, трогательны были экспонаты, связанные

с жертвенностью и героизмом советских граждан, разнообразен и грамотно подобран предметный и визуальный ряд раздела «Тыл – фронту», красноречивы в экспозиции были свидетельства о жестокости врага. Экспозиция должна была вызывать у посетителей чувство гордости за историю своего края, утверждать их в превосходстве социалистического строя, вдохновлять на новые, уже трудовые, подвиги во имя Родины.

Несмотря на то что Великая Отечественная война для советских граждан была трагическим событием, разрушившим привычный уклад жизни, принесшим тысячам советских семей невосполнимые утраты, в историографии и основанных на ней музейных показах репрезентация войны утрачивала свою трагичность. Напротив, она стала кризисом, который не разрушал, а утверждал идентичность советского человека. Репрезентация травматичного опыта не входила в задачи экспозиционеров как в 1950-е годы, так и в последующие десятилетия. Музеи-мемориалы Великой Отечественной войны, в залах которых находили отражение трагические истории военной повседневности, стали появляться в России только в 1990-е годы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Выступление по радио секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина 3 июля 1941 г. // Правда. 3 июля 1941 г. С. 1; Выступление по радио Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Народного Комиссара Иностранных Дел и тов. В. М. Молотова 22 июня 1941 г. // Законодательные и административно-правовые акты военного времени. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1942. С. 34–35.
- ² Государственный историко-краеведческий музей Карело-Финской ССР: Путеводитель по музею. Петрозаводск, 1949. С. 3–4.
- ³ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 1/5. Л. 163.
- ⁴ Там же. Л. 161.
- ⁵ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 1/3. Л. 10.
- ⁶ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 1/9. Л. 13.
- ⁷ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 2. Д. 2/29. Л. 173.
- ⁸ Научный архив Национального музея Республики Карелия (далее – НА НМ РК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. Л. 2.
- ⁹ Там же. Л. 1–2.
- ¹⁰ НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. Л. 12.
- ¹¹ Там же.
- ¹² См., напр.: Ленинское знамя. 1952. 9 мая. № 92. С. 1; Ленинское знамя. 1952. 22 июня. № 123. С. 1.
- ¹³ НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. Л. 32.
- ¹⁴ Там же. Л. 33.
- ¹⁵ Там же. Л. 36–37.
- ¹⁶ Там же. Л. 42.
- ¹⁷ НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 36. Л. 2, 5, 12.
- ¹⁸ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 2/26. Л. 69.
- ¹⁹ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 2/28. Л. 7–8.
- ²⁰ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 2/24. Л. 8.
- ²¹ Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР: Сборник документов и материалов / [Сост.: С. Сулимин, И. Трускинов, Н. Шитов]. [Петрозаводск]: Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1945. 303 с.
- ²² НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 58.
- ²³ НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 119. Л. 15.
- ²⁴ Молодой большевик. 1948. 8 апреля. № 29. С. 1.
- ²⁵ Ленинское знамя. 1948. 9 апреля. № 71. С. 1.
- ²⁶ Молодой большевик. 1948. 15 апреля. № 31. С. 1.
- ²⁷ НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 119. Л. 17.
- ²⁸ НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 49.

²⁹ Там же. Л. 9.

³⁰ Там же. Л. 50–53.

³¹ НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1181. Л. 12.

³² НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 17 об.

³³ Там же. Л. 7; Д. 1181. Л. 26.

³⁴ НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1181. Л. 9 об.; НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 1. Д. 1/4г. Л. 39.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аброськина Е. В. «Свободные женщины Востока»: репрезентация советской политики в области женского вопроса в экспозициях Государственного музея этнографии в 1920–1930-е гг. // Музей. Памятник. Наследие. 2022. № 2 (12). С. 106–119.
2. Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–40.
3. Андреев Д. А., Бордюгов Г. А. Пространство памяти: Великая Победа и власть. М.: АИРО, 2005. 56 с.
4. Аникин Д. А. Коллективные травмы как предмет memory studies: специфика российского дискурса // Studia Humanitatis. 2020. № 4. С. 1–10.
5. Аникин Д. А., Головашина О. В. Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 78–84. DOI: 10.17223/15617793/425/10.
6. Буракова А. С. Отражение истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны в экспозициях музеев Витебской области // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. 2010. Т. 9. С. 100–105.
7. Давыдов С. Г. Музейные комплексы и формирование исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны // Современная научная мысль. 2020. № 4. С. 107–111.
8. Дугинец С. М. Деятельность музеев Ставрополя по сохранению наследия Великой Отечественной войны в 1941–1991 гг. // Военно-исторический журнал. 2019. № 8. С. 58–63.
9. Жидченко А. В. Повседневная жизнь городов тыла в годы Великой Отечественной войны в экспозициях музеев Урала и Сибири // Гороховские чтения: Сборник материалов шестой региональной музейной конференции. Челябинск, 2015. С. 505–508.
10. Кулиш В. М. Советская историография Великой Отечественной войны // Советская историография / Под ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996. С. 274–315.
11. Линченко А. А. Проблема исторического сознания в философии и теории истории Йорна Рюзена // Известия Саратовского университета. 2013. Т. 13. Вып. 4. С. 22–26.
12. Лямзин А. В. Базовые образы Великой Отечественной войны в советском и постсоветском кинематографе как элементы национальной российской идентичности // История и современное мировоззрение. 2019. № 1. С. 73–80.
13. Майстровская М. Т. Музейная экспозиция: тенденции развития // Музейная экспозиция: Теория и практика. Искусство экспозиции. Новые сценарии и концепции. М.: Рос. ин-т культурологии, 1997. С. 7–22.
14. Михайловская А. И. Музейная экспозиция. М.: Сов. Россия, 1964. 518 с.
15. Музейное дело в России / Под ред. М. Е. Каулен, И. М. Колосовой. М.: Изд-во «БК», 2005. 615 с.
16. Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: Коллективная монография / Под общ. ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 464 с.
17. Рикер П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной лит., 2004. 728 с.
18. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // Цепь времен: Проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 38–62.
19. Скворцова Л. Г. История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в экспозициях школьных музеев г. Саранска // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2015. № 3 (31). С. 38–41.
20. Хёслер И. Что значит «проработка прошлого»? Об историографии ВОВ в СССР и России // Память о войне 60 лет спустя: Россия-Германия. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 56–169.
21. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1. С. 6–16.

Поступила в редакцию 21.04.2023; принята к публикации 31.05.2023

Original article

Madina R. Kayumova, Chief Archivist, National Archive of the Republic of Karelia (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-2360-8388; madina.kayumova@gmail.com

THE ROLE OF MUSEUM REPRESENTATIONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN FORMING THE IDENTITY OF SOVIET CITIZENS

Abstract. The article deals with the problem of the formation of the identity of Soviet citizens on the basis of the museum representations of the events of the Great Patriotic War in the first post-war expositions of the State Museum

of the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic. The sources for the study were the documents of the museum that accompanied the process of creating expositions, the texts of excursions, guidebooks and guest reviews books. Museum expositions in 1948 and 1952 were created within the framework of the historiographical model that had developed in the first post-war years. This model largely determined the vector of historical representations of the war until the 1990s. The article shows which museum tools and exhibits were used to implement the historiographical model of the representation of the war, which factors influenced the formation of expositions, and to what extent the main ideas embedded in them were assimilated by museum visitors. The author concludes that the main means of the museum's political and educational work, which at the same time were forming its identity, were permanent historical exhibitions that presented a coherent story about the past, a kind of historical narrative. The narrative analysis of the museum expositions allowed the author to reveal how the events of the Great Patriotic War became one of the foundations of the Soviet citizens' identity. The identity-formation potential of the sections of permanent exhibitions dedicated to the history of the Great Patriotic War was used by the museum workers for patriotic education.

Key words: museum, representation, exposition, thematic expositional plan, Great Patriotic War, identity, Karelia

For citation: Kayumova, M. R. The role of museum representations of the Great Patriotic War in forming the identity of Soviet citizens. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(5):42–52. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.920

REFERENCES

1. Abroskina, E. V. “Free Women of the East”: representation of the Soviet policy in the field of woman question on the exhibitions of the State Museum of Ethnography in the 1920s–1930s. *Museum. Monument. Heritage*. 2022;2(12):106–119. (In Russ.)
2. Alexander, J. Cultural trauma and collective identity. *Sociological Journal*. Vol. 3. Moscow, 2012. P. 6–40. (In Russ.)
3. Andreev, D. A., Bordyugov, G. A. The space of memory: The Great Victory and power. Moscow, 2005. 56 p. (In Russ.)
4. Anikin, D. A. Collective traumas as a subject of memory studies: the specifics of Russian discourse. *Studia Humanitatis*. Vol. 4. Moscow, 2020. P. 1–10. (In Russ.)
5. Anikin, D. A., Golovashina, O. V. Trauma to cultural memory: conceptual analysis and methodological bases of research. *Tomsk State University Journal*. 2017;425:78–84. DOI: 10.17223/15617793/425/10 (In Russ.)
6. Burakova, A. S. Representation of the history of the partisan movement during the Great Patriotic War in expositions of the Vitebsk region's museums. *Scientific Notes UO VSU named after P. M. Masherov*. 2010;9:100–105. (In Russ.)
7. Davydov, S. G. Museum complexes and formation of historical memory about the events of the Great Patriotic War. *Modern Scientific Thought*. 2020;4:107–111. (In Russ.)
8. Duginets, S. M. The work of Stavropol territory museums to preserve the heritage of the Great Patriotic War in 1941–1991. *Journal of Military History*. 2019;8:58–63. (In Russ.)
9. Zhidchenko, A. V. Everyday life of cities of the rear during the Great Patriotic War represented in expositions of Urals and Siberian museums. *Gorokhov Readings: Proceedings of the VI regional museum conference*. Chelyabinsk, 2015. P. 505–508. (In Russ.)
10. Kulish, V. M. Soviet historiography of the Great Patriotic War. *Soviet Historiography*. (Yu. N. Afanasyev, Ed.). Moscow, 1996. P. 274–315. (In Russ.)
11. Linchenko, A. A. The problems of historical consciousness in the Jörn Rusen's philosophy and theory of history. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2013;13(4):22–26. (In Russ.)
12. Lyamzin, A. V. Basic images of Soviet and post-Soviet cinematography about the Great Patriotic War as elements of the national Russian identity. *History and Modern Perspectives*. 2019;1:73–80. (In Russ.)
13. Maystrovskaya, M. T. Museum exposition: trends of development. *Museum exposition: Theory and practice. The art of expositions. New scenarios and concepts*. Moscow, 1997. P. 7–22. (In Russ.)
14. Mikhailovskaya, A. I. Museum exposition. Moscow, 1964. 518 p. (In Russ.)
15. Museum Business in Russia. Moscow, 2005. 615 p. (In Russ.)
16. The past for the present: History as memory, and narratives of national identity. (L. P. Repina, Ed.). Moscow, 2020. 464 p. (In Russ.)
17. Ricoeur, P. Memory, history, oblivion. Moscow, 2004. 728 c. (In Russ.)
18. Rusen, J. Crisis, trauma, identity. *Chains of times: Problems of historical consciousness*. Moscow, 2005. P. 38–62. (In Russ.)
19. Skvortsova, L. G. The history of the Great Patriotic War of 1941–1945 in the school museum expositions of Saransk. *Humanitarian: Actual Problems of the Humanities and Education*. 2015;3(31):38–41. (In Russ.)
20. Höslér, J. What does “working through the past” mean? The historiography of the Great Patriotic War in the USSR and Russia. *The memory of the war 60 years later: Russia-Germany*. Moscow, 2005. P. 56–169. (In Russ.)
21. Szotompka, P. Social change as trauma. *Socis*. 2001;1:6–16. (In Russ.)

Received: 21 April 2023; accepted: 31 May 2023

ЭЛЬВИРА АЛЕКСАНДРОВНА ДЖИОШВИЛИ

младший научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-8933-1740; elvira-260893@yandex.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ И ПРОМЫСЛОВЫЙ КАЛЕНДАРЬ КАРЕЛЬСКОГО ПОМОРЬЯ

А н н о т а ц и я . Представлен обзор годового цикла хозяйственной деятельности поморов Карельского и Поморского берегов Белого моря и связанных с ним представлений, сложившихся к концу XIX – началу XX века. Существует научная литература, посвященная праздничной календарной обрядности поморов данной территории, однако специфика их промыслового календаря еще не была предметом специального изучения. Целью статьи является описание промыслового календаря и выявление его особенностей, обобщение и систематизация сведений по занятиям и промыслам годового цикла поморов Карельского и Поморского берегов. Исследование основано на применении сравнительно-исторического и дескриптивного методов. Источниками послужили материалы И. М. Дурова и А. М. Линевого из архива Карельского научного центра РАН и отчеты исследователей морских промыслов севера России. Представлена промысловая специализация различных местностей Карельского Поморья и распределение видов промыслов по периодам года. Выделены церковные праздники, которые являлись символическими рубежами промысловых сезонов. Рассмотрено влияние промысловой специфики на календарную обрядность данной территории, отмечено существование специфического комплекса праздничных обрядов, связанных с проводами и встречей рыбаков и зверобоев с дальних промыслов, строительством и спуском на воду судов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : поморы, Карельский берег, Поморский берег, промысловый календарь, Белое море

Б л а г о д а р н о с т и . Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (№ 121070700119-5).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Джиошвили Э. А. Традиционные хозяйственные занятия и промысловый календарь Карельского Поморья // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 5. С. 53–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.921

ВВЕДЕНИЕ

Хозяйственные занятия и промыслы жителей Беломорской Карелии, включая поморские поселения, не раз становились предметом изучения исследователей социально-экономической истории [2], [10], [12]. Вместе с тем специфике промыслового календаря поморов, проживающих на данной территории, посвящено не так много работ. В этом отношении наиболее значимыми исследованиями остаются обобщающие труды по этнографии поморов Т. А. Бернштам [3], [4], [5], [6]. Праздничный календарь Карельского берега рассмотрен в работе Ю. И. Ковыршиной [11]. Статьи К. К. Логинова посвящены локальным промысловым традициям сел Гридино (Карельский берег) [14] и Нюхча (Поморский берег) [13]. Более подробно исследованы хозяйственные тра-

диции поморов других берегов – Терского¹ [1] и Зимнего [8], [15]. Таким образом, промысловый календарь территории Карельского и Поморского берегов еще не был предметом специального изучения. Разнообразные сведения по занятиям и промыслам годового цикла поморов Карельского и Поморского берегов Белого моря, сложившегося к концу XIX – началу XX века, нуждаются в обобщении и систематизации.

Целью настоящей статьи является представление промысловой специализации различных местностей Карельского Поморья и распределения видов промыслов по периодам года. Источниками послужили неопубликованные архивные данные, среди которых рукописи И. М. Дурова и материалы экспедиции А. М. Линевого в Гридино и Калгалакшу в 1943 году,

хранящиеся в Научном архиве Карельского научного центра РАН; а также опубликованные научно-исследовательские работы по изучению северных морских промыслов конца XIX – первой половины XX века: труды Ф. Ульриха, Н. М. Книповича, А. Г. Слезкинского, Л. Л. Брейтфуса, А. А. Жилинского; отчеты В. Р. Алеева, В. Е. Розова и Р. П. Якобсона, напечатанные в «Материалах к познанию русского рыболовства»; описание быта и промыслов населения западного побережья Белого моря В. В. Никольского. Исследование основано на применении сравнительно-исторического и дескриптивного методов.

Исторически все побережье Белого моря традиционно делилось на ряд «берегов», представляющих собой части береговой зоны со своими природными и промысловыми особенностями. К территории Карельского берега относилась прибрежная полоса от р. Кереть до р. Кемь, Поморского – от р. Кемь до р. Онега². По данным Списков населенных мест Архангельской губернии, в середине XIX века Поморский берег был наиболее многолюдным среди остальных берегов Белого моря³. В начале XX века территория Поморского и Карельского берегов входила в состав семи волостей Кемского уезда Архангельской губернии: Нюхотской, Колежской, Лапинской, Сорокской, Шуерецкой, Поньгомской, Керетской. По данным за 1905 год, численность сельского населения этих волостей составляла 12 705 человек (включая население Сумского Посада), городского – 2718 человек (г. Кемь), заводского – 1238 человек (рабочие лесопильных заводов)⁴. Крупнейшими поселениями оставались Кемь, Сорока, Сумский Посад и Нюхча.

Основные хозяйственные занятия населения, проживающего на берегу Белого моря, естественным образом были связаны с морскими ресурсами. Морские рыболовные и зверобойные промыслы делились на дальние (отхожие) – промыслы на берегу Северного Ледовитого океана, у о. Шпицберген и Новой Земли, и ближние (беломорские). Важнейшими в экономическом отношении промыслами к концу XIX – началу XX века стали мурманские, в которых участвовала большая часть трудоспособного мужского населения Поморского берега, включая мальчиков и подростков – зуйков.

МУРМАНСКИЕ ПРОМЫСЛЫ

Мурманские промыслы трески и палтуса начинались во второй половине марта и длились всю весну и лето. До начала 1890-х годов первые промышленники – *вёшняки* отправлялись на мурманское побережье Северного Ледовитого океана до открытия навигации в начале мар-

та сухопутным путем через Кемь, Кандалакшу и Колу к становищам на берегу. Весенний промысел начинался в становищах на западном берегу Мурмана, к концу мая – началу июня рыба перемещалась к восточным берегам. В этот период на Мурман морем прибывали на летнюю путину остальные рыбаки-*мурманщики* и вели промысел до середины – конца августа. Лов трески и палтуса осуществлялся во время подхода рыбы к берегу с помощью яруса (крючковой снасти) на наживку (мелкую рыбу или пескожила). По окончании лова рыбу сразу же разделявали и солили, небольшую часть в солнечную погоду сушили. Техника и технология мурманского промысла была довольно примитивная, полностью основанная на ручном труде [12: 24]. Многие исследователи мурманских промыслов середины – конца XIX века описывали тяжелые условия труда, изнуряющий лов ярусом, требовавший значительных усилий по подготовке снасти и наживки, установке и вытягиванию ярусов. Промышленники жили в промысловых избах по 10–20 человек, нередко в антисанитарных условиях, отсутствовало медицинское обслуживание и снабжение свежими продуктами питания⁵. Положение несколько улучшилось в 1890-х годах, когда государство стало обращать внимание на состояние мурманских промыслов. В конце XIX века появились регулярные рейсы Мурманского пароходного общества из Архангельска на Мурман, было налажено почтовое и телеграфное сообщение, открыты больничные пункты.

Мурманские промыслы были основным занятием мужского населения Кеми и поселений Поморского берега. В 1910 году из 520 мужчин, проживающих в Кеми постоянно, на мурманский промысел ушло чуть больше трети – 186 человек, а также 36 женщин. Из оставшихся 24 семьи арендовали тони для семужьего промысла, «преимущественно, вдовы или же семьи с малым количеством мужских рабочих рук»⁶. В селениях Поморского берега, за исключением Сумского Посада, Сороки, Выгоострова и Шижни, число мурманских промышленников насчитывало больше половины мужского населения: в Шуе из 468 мужчин мурманским промыслом занимались 364, в том числе 40 подростков; в Сухом – 160 из 205, в Вирме – 110 из 227, в Колежме – 325 из 553, в Нюхче – 500 из 925, включая около 50 подростков. Промышленники с Поморского берега обычно уходили в становища Гаврилово, Золотая, Рында, Териберка, Малая Оленица, Мотка.

БЕЛОМОРСКИЕ ПРОМЫСЛЫ

Промыслы в Белом море носили название *ближних*. Каждое поморское поселение

в зависимости от географического расположения специализировалось на определенных видах морского промысла. Наиболее значимыми объектами рыболовства были сельдь, семга и навага.

Сельдь ловилась во всех областях Карельского и Поморского берегов, однако сезоны и орудия для лова различались. В Кандалакшской губе самым массовым являлся весенний лов сельди, летний и осенний имели вспомогательное значение. В Керети и Черной Реке лов начинался в апреле, около Егорьева дня (23 апреля / 6 мая⁷). Основным орудием лова был большой *сельдяной невод*, который ставили под лед и использовали на открытой воде, не отъезжая далеко от берега. В зависимости от глубины могли использовать также средние и малые невода, различавшиеся высотой. В Гридино и Калгалакше, а также дальше на юг к Сорокской и Онежской губе основным был осенний и зимний подледный лов. В этой местности сельдь ловили неводами меньшего размера, а также более мелкими снастями – *переметом* (сеть из тонкой пряжи), *сельдяником* (снасть из шести сеток одинакового размера), *мережей* (круглая сетка, насаженная на ряд деревянных ободов, диаметр которых уменьшается к концу; на конце была расположена конусообразная сетка). На время промысла собирались артели из двух карбасов и шести человек, с одним или двумя неводами. Сельдяной промысел в Сорокской губе часто становился предметом изучения и описания⁸, так как отличался массовостью. По сведениям Р. П. Якобсона, который в 1911 году совершил экспедицию для изучения рыбных промыслов Белого моря от Кеми до Онеги, в этот период на побережье Сорокской губы съезжались рыбаки из соседних волостей и ближайших карельских деревень – «до 3000 ловцов обоего пола. Приезжие останавливаются <...> в с. Сальнаволок и, отчасти, в Шуе и Сороке»⁹. Выловленную сельдь в Кандалакшской губе солили в бочонках и продавали скупщикам либо отвозили в Архангельск самостоятельно. Осеннюю и зимнюю сельдь в южных местностях продавали чаще в свежем или мороженом виде скупщикам на месте лова, а также коптили. Заработок распределялся между членами артели – пайщиками, при этом учитывалось владение орудиями, карбасами и лошадьми.

Сезон семужьего лова начинался весной и длился до осени, со вскрытия рек ото льда и до их замерзания. Семгу ловили разнообразными орудиями в зависимости от сезона и места лова – в реке или на морских тонях. Крупными семужьими реками считались Кемь, Выг, Кереть. Главными орудиями лова на реке были *за-*

боры и *заколы*. Распространенным способом лова в Кеми и Сорокской волости было *поездование*, при котором мешкообразную сеть растягивали между двумя лодками и двигались по течению реки, съезжаясь каждый раз, как в сеть попадала семга. Помимо этого, семгу ловили *гáрвами* и *становыми сетями*, били острогой. В море семгу ловили также забором или различного типа гарвами и неводами. Семужий промысел, кроме установки заколов и заборов, не требовал артельного объединения и носил характер семейного. На тони нередко выезжали всей семьей, жили в промысловой избе и следили за сетями. Избы ставились по берегу моря, у проливов или губ на ходе семги из моря в реки. Летом, во время отъезда на дальние промыслы основной части мужского населения, ловлей семги занимались преимущественно женщины, молодые девушки и пожилые мужчины. Выловленную рыбу чаще всего сразу сдавали скупщикам либо потрошили и засаливали.

Навага ловилась повсеместно в небольшом количестве, важное промысловое значение она имела в Шуерецком, Сумском Посаде, Колежме и Нюхче. Ее ловили осенью и зимой мережами в море, преимущественно без объединения в артели, свободно (без распределения участков для лова) в устье реки, на которой стоит селение, и на прилежащих мелководных травянистых берегах. В селениях на Поморском берегу от Вирмы до Нюхчи также был распространен способ лова *убéгами*¹⁰ в мелких заливах с ровным дном и в прибрежной полосе. Распространенным среди женщин и девочек-подростков был подледный лов наваги удочкой. В. Р. Алеев отмечал, что в Нюхче, Колежме и ближайших селах, «где бывает большой промысел наваги и прежде ловили только на удочку», на удочках нет крючков, а наживку привязывают к леске петлей – «жадность наваги достаточно велика, чтобы заставить ее крепко держаться за одну наживку»¹¹. Выловленная навага морозилась на льду, складывалась в возы и сбывалась скупщикам на местах промысла.

В Сорокской волости промысловое значение также имела корюшка, которую ловили весной в устье р. Выг сельдяными неводами и мережами. Корюшку сушили в печах и продавали скупщикам уже в готовом виде, а также оставляли для собственного потребления. Помимо Сорокской волости, корюшку ловили и сушили в Керетской волости. Сиговый промысел был более развит в Калгалакше и Летней Реке в период с середины августа до середины сентября, а также в Кеми весной. Сига ловили неводами,

мережами и специальной снастью – *сиговиком*, представляющим собой комбинацию мережи и гарвы. Помимо этого, в Кеми и Калгалакше на реках для ловли сига также устанавливали заборы из тонкого леса и прутьев.

Время выезда на промысел определялось в соответствии с лунным календарем, погодными приметами, днями недели, направлением ветра. Примечали, что движение рыбы (*рыба в губе трогається*) соотносится с *отжівом* – фазами луны: рождением (*новцево́й отжив*), полнолунием (*четверто́вый*), первой (*ущё́рбной*) и последней (*ветхо́вой*) четвертью. «Никогда не ездили на лов в последнюю четверть луны... рыба не идет в сети, потому что уходит в “заветер” (в ту сторону, откуда... должен подуть ветер)»¹². Наиболее благоприятными выездными днями считались четные дни недели, то есть вторник, четверг или суббота.

Промысел морского зверя (нерпы, морского зайца, белухи) производился по всей Кандалакшской губе и был наиболее развит в Гридино и Калгалакше, меньше – в Керети и Черной Реке, Поньгоме и Летней Реке. Главным продуктом зверобойного промысла было сало и шкуры. Охота на зверя велась весной, в апреле и мае, по льду и с карбасов, и осенью, с конца августа до декабря, при помощи сетей-*про́метов*, но во все сезоны зверя стреляли из винтовок или били *критилом* (*криті́к*, *курі́к*). В июле был возможен промысел нерпы-*каменки* (лежащей на каменных отмелях) у берегов Гридино и Калгалакши и морского зайца у Кузовов (группа островов в районе Кеми). Осенний звериный промысел начинался с прихода домой мурманщиков, которые после привальных уезжали на морские тони: «*как приедешь с Мурмана, давай сразу проверять стамики*»¹³ (подводные отмели, обсыхающие во время отлива). Помимо ближнего зверобойного промысла, зверобойные артели отправлялись на охоту в горло Белого моря за тюленями (с середины февраля до мая) и к берегам Новой Земли за тюленями и моржами (с середины июля до середины октября). По свидетельству В. Р. Алеева, совершившего в 1911 году поездку с целью изучения зверобойного промысла в горле Белого моря на промысловом судне «Николай», из 21 члена промысловой команды судна 15 зверобоев были родом из Гридино¹⁴.

С морскими промыслами были тесно связаны судостроение и торговля. Во второй половине XIX века Карельское Поморье являлось крупнейшим районом судостроения в Архангельской губернии [12: 40]. Мелкое судостроение для собственных нужд было распространено

повсеместно. Основным средством передвижения были карбасы – малые (с одним парусом) и большие (с одним большим или двумя средними парусами); различные небольшие промысловые лодки – осиновки, подъездники. Строились промысловые (шняки, елы, тройники) и транспортные торговые суда (шхуны, лоды, кочмары, клипера). Известными центрами судостроения среди поморских поселений были Кеми, Сумский Посад, Шуерецкое, Сорока, Шижня, Колежда и Нюхча; высоко ценились мастера из карельского села Подужемье. Постройка судна начиналась в январе – феврале, строительством руководил опытный мастер. На строительные работы нанимались местные жители и выходцы из прочих волостей, в том числе и карелы. Окончание строительства судна отмечалось *водоно́ской* – проверкой прочности корпуса судна посредством наполнения его водой и спуском судна на воду.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И БЛИЖНИЕ ОТХОЖИЕ ПРОМЫСЛЫ

Сельское хозяйство на приморских территориях к концу XIX – началу XX века сводилось к скотоводству и огородничеству. Главной огородной культурой являлся картофель, в небольшом количестве выращивали репу. В селениях Поморского берега южнее Сороки сеяли небольшие участки ржи и ячменя. В хозяйствах держали преимущественно овец и крупный рогатый скот, к северу от Кеми зимой для перевозки грузов и в качестве транспорта использовали оленей. В. В. Никольский отмечал, что

«север характеризуется преобладанием овцеводства, в соединении с остатками оленеводства, а юг – разведением преимущественно крупного рогатого скота; переходным между двумя этими районами пунктом является с. Гридино, где оба эти вида скота распространены приблизительно одинаково»¹⁵.

Сенокосные угодья в основном составляли морские пожни, расположенные узкими полосами вдоль моря; помимо этого, сено косили на усадебных полях и расчистках, а также «подкашивали» болота и лесные участки. Стойловый период продолжался около восьми месяцев, и сена зачастую не хватало на весь срок. Согласно исследованию, проведенному В. В. Никольским, исключение составляли только Калгалакша, Поньгома и Летняя Река, жителям которых хватало сена на пожнях; к северу от Кеми недостаток сена восполнялся подкашиванием по лесам, на юге чаще покупали сено в соседних карельских поселениях¹⁶. Сенокосные работы начинались около Петрова дня (29 июня / 12 июля) и продолжались до Успения (15 / 28 августа)

вследствие удаленности и разбросанности покоев. Примечательно, что сенокосом занимались преимущественно женщины, поскольку мужчины были заняты морскими промыслами. Данная особенность отличала поморов от крестьянского населения внутренних районов Карелии, в которых этим трудоемким занятием занималось все население. Сено косили косой-горбушей, сушили в прямоугольных *закольях* и затем вывозили в карбасах по воде или зимой на санях. Помимо сена, скот подкармливали сухим березовым листом и ягелем, смоченным в отваре из сухой рыбы или рыбных голов. Выпас скота длился со второй половины мая – начала июня до середины сентября. Практиковался летний выпас овец и лошадей на островах. Оленей на лето отпускали в лес, где они свободно паслись, ближе к зиме их ловили и возвращали в хозяйство.

Лесные промыслы являлись важным вспомогательным видом заработка в зимнее время, особенно в селениях, расположенных рядом с лесопильными заводами в Кеми, Керети, Соробе. Женщины нанимались на работы, связанные с обработкой древесины, и в летнее время. Местное население не стремилось к постоянной работе на лесных заводах, предпочитая этому сезонный и временный заработок. По сведениям Р. П. Якобсона, в 1911 году на Беляевских заводах в Соробе

«до 50 сорочан находятся постоянно на заводах... в летние месяцы до 100 сорочких женщин занимаются укладкой в штабеля распиловочного леса... Несколько домохозяйств заготавливают до 100 кубов дров для нужд местных учреждений и чиновников»¹⁷.

Среди прочих промыслов населения поморских сел – охота, извоз, работы на строительстве судов, заготовка сена на продажу (в малых количествах). Извозом занимались жители Керети, Сумского Посада, Нюхчи, доставляя местные уловы в Архангельск и Санкт-Петербург.

ВЛИЯНИЕ ПРОМЫСЛОВОЙ СПЕЦИФИКИ НА КАЛЕНДАРНУЮ ОБРЯДНОСТЬ

Т. А. Бернштам, анализируя традиционный праздничный календарь поморов, пришла к выводу, что в его основе лежал упрощенный аграрный календарь, трансформировавшийся в связи с изменением хозяйственной деятельности [3: 369]. Важнейшие даты земледельческого календаря обрели «промысловое» наполнение. Основными церковными праздниками, которые делили промысловые сезоны в Карельском Поморье, были: *Евдокия* (1/14 марта), *Егорьев день* (23 апреля / 6 мая), *Благовещенье* (25 марта / 7 апреля), *Ирина* (5/18 мая), *Никола Вешний* (9/22 мая),

Петров день (29 июня / 12 июля), *Успение* (15/28 августа), *Иван Постный* (29 августа / 11 сентября), *Покров* (1/14 октября), *Никола Зимний* (6/19 декабря). Святитель Николай Чудотворец особенно почитался среди поморов, к нему обращались за помощью от бед на море. *Никола Вешний* и *Никола Зимний* являлись рубежами в промысловых путях, с ними также было связано множество погодных и промысловых примет, к примеру: «...если Микола вёшной с травой, то и зимний будет с навагой и сельдью; на Миколу вёшнего шторм на море – будет осенью сельдей много» [9: 56]. Никола Вешний был первым весенним праздником, с которого начинались гуляния на *полянке* и который вместе с этим являлся прощальным праздником для уходящих на летние мурманские промыслы. Никола Зимний знаменовал окончание осенних промыслов, начало *вечерин* у молодежи; был первым массовым праздником после возвращения мужчин с дальних промыслов.

Приметы прогнозирующего характера, в земледельческом календаре призванные определить предстоящий урожай, у поморов были направлены на успех предстоящих промыслов. Важными в этом отношении были церковные праздники зимне-весеннего периода. Так, в Крещение (6/19 января) предсказывали ход весенних и летних промыслов:

«коли в ночь на Крещение звезды низко у самого моря (по горизонту) шибко горят и играют – на Мурманском берегу будет хороший промысел рыбы; если в Крещенье крепкий северный ветер тянет – надо быть морским промыслам хорошим»¹⁸.

В Благовещенье (25 марта / 7 апреля) старались не работать, не начинать никаких хозяйственных работ. Соблюдался запрет на дневной сон: «...даже нельзя днем удновать (спать) рыбачку, его не будет на лову любить рыба и ему не будет хорошего промысла ни весной, ни летом»¹⁹. Вместе с тем выпряденная до восхода солнца нить, вплетенная позднее в сеть, делала ее *уловистой*. Эти представления отражают связь с земледельческим календарем, где Благовещенье являлось важной датой, связанной с началом нового хозяйственного года, для которой были характерны приметы и запреты, связанные с магией первого дня, определяющей дальнейший ход событий и трудовых процессов (ср. у карелов: «...кто спит, тот не услышит голоса глухаря на току; если в день Марии приляжешь отдохнуть после обеда, то в этом году не отыщешь мест, где щука нерестится» [16: 154]; у вепсов: «...если спишь в Благовещенье, простишь удачу в различных делах» [7: 69]).

Годовой цикл промыслов Карельского и Поморского берегов Белого моря
Annual cycle of household and economic activities on the Karelian and Pomor coasts of the White Sea

Январь – февраль	Повседневные хозяйственные занятия (заготовка дров, починка и изготовление орудий лова) Подготовка к весенним промыслам, найм в покрутчину Начало судостроительных работ Начало зверобойного промысла в горле Белого моря (Гридино и Калгалакша)
Евдокия 1/14 марта	Сборы и отправление на весенние мурманские промыслы и дальние зверобойные промыслы к островам Шпицберген, Новая Земля, Вайгач (после открытия навигации) Строительство судов Заготовка дров
Благовещение 25 марта / 7 апреля	Подготовка к беломорским морским и речным весенним промыслам Зверобойные промыслы в Кандалакшской губе (Гридино, Калгалакша, Кереть, Черная Река) <i>Ледоноска</i> (наполнение ледников льдом) <i>Веснование</i> на озерах, лов озерной рыбы для собственных нужд
Апрель	Зверобойные промыслы в Кандалакшской губе (Гридино, Калгалакша, Кереть, Черная Река)
Егорьев день 23 апреля / 6 мая	Начало работы <i>покрутчиков</i> у хозяина по подготовке к летним отхожим промыслам Весенний лов <i>егорьевской сельди</i> в Кандалакшской губе (Кереть, Черная Река, Поньгома) Лов корюшки в Сорокской губе Начало семузьего промысла
Ирина 5/18 мая	Появление корюшки в реках
Никола Вешний 9/22 мая	Отъезд на летние мурманские промыслы после лова сельди Отъезд на дальние зверобойные промыслы у Шпицбергена, Новой Земли, о. Вайгач Большое избомытье после отъезда рыбаков и зверобоев <i>Водоноска</i> (проверка прочности корпуса судна) и спуск судов на воду
Июнь	Лов <i>Ивановской сельди</i> в Кандалакшском заливе
Июнь – август	Местные беломорские промыслы, в которых участвуют женщины, девушки и оставшиеся в селах мужчины: Лов семги в реках и на морских участках (Кереть, Кемь, Выг) Лов трески на удочку на тонях в <i>Бабьем море</i> (Кереть, Черная Река) Отхожие промыслы на сплаве леса, обработке древесины (Кереть, Черная Река, Кемь, Сорока, Шижня, Выгостров); извоз <i>Горный промысел</i> (рыболовство на озерах) в Сорокском районе (Нюхча, Колежма, Сумпосад) ставными сетями и удочками (преимущественно пожилые люди) Ближний промысел <i>нерпы-каменки</i> у берегов Гридино и Калгалакши
Петров день 29 июня / 12 июля	Начало массовых сенокосных работ
Успение 15/28 августа	Завершение сенокосных работ Подготовка к встрече рыбаков с дальних промыслов, исполнение обрядов <i>прошения на поветерь</i> девушками и молодницами, детьми; <i>моления ветра</i> пожилыми женщинами
Иван Постный 29 августа / 11 сентября – Покров 1/14 октября	Прибытие мурманщиков и зверобоев, стретины, <i>привальные вечерины</i> Начало осенних зверобойных промыслов (Гридино, Калгалакша) Лов сига в Калгалакше и Летней Реке Лов осенней семги в реках и на морских участках Подготовка к местным осенним и зимним промыслам (приготовление снастей, одежды); составление уговоров пайщиков
Октябрь – декабрь	Лов осенней семги до становления льда на реках Лов беломорской сельди (Гридино, Калгалакша, Кемь, Шуерецкое, Сорокская губа: Сорока, Выгостров, Шижня; Сумский Посад) Лов наваги (Шуерецкое, Вирма, Сумпосад, Колежма, Нюхча) Зверобойные промыслы (Кереть, Черная Река, Гридино, Калгалакша, Поньгома, Летняя Река) Подледный лов сельди и наваги с момента установления льда, способного выдержать лошадей <i>Удебный</i> подледный промысел наваги (Поморский берег, занимались преимущественно пожилые женщины и девочки-подростки)
Никола Зимний 6/19 декабря	Подледные промыслы на сельдь и навагу Зверобойные промыслы (Кереть, Черная Река, Гридино, Калгалакша, Поньгома, Летняя Река)

Своеобразием поморского промыслового календаря являлось также существование праздничных обрядов, которые были связаны с проводами и встречей рыбаков и зверобоев, отправлявшихся на дальние промыслы, а также строительством и спуском на воду судна. Т. А. Бернштам отмечала, что новые промысловые праздники оказались наиболее развитыми в тех поморских районах, где главной

отраслью хозяйства к XIX веку стали океанские мурманские промыслы – на большей части Поморского берега (от Нюхчи до Кеми) и юго-восточной части Карельского берега [3: 396]. Проводы *мурманщиков* (*отвально* и *простыны*) начинались с *Евдокии* и продолжались до *Никола Вешнего*; встреча (*стретины*) – с *Ивана Постного* до Покрова. Поморской разновидностью помочей также можно назвать *ледоноску* – напол-

нение ледников льдом для хранения продуктов на лето, и *водоноску* – проверку прочности корпуса судна, которые являлись праздничным действием. В Сумском Посаде, Нюхче и Шуерецком существовал обычай *вести судно* к устью реки, в котором участвовали женщины, молодежь и пожилые мужчины без оплаты за свой труд²⁰.

В общих чертах годовой цикл промыслов и хозяйственных занятий на рассматриваемой территории можно представить в следующем виде (см. таблицу).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Система хозяйства поморов носила комплексный характер, включала основные и вспомогательные промыслы. Длительных перерывов между отдельными видами промыслов не было, их вели практически круглый год, иногда параллельно друг с другом. Основными занятиями жителей селений Карельского и особенно Поморского берега были мурманские промыслы. Из местных беломорских промыслов важное экономическое значение имел промысел сельди (весенней в Кандалакшской губе, осенней и зимней в селениях южнее Поньгомы), семги (реки Кереть, Кемь, Выг) и наваги (в селениях южнее Шуерецкого), морского зверя (Гридино и Калгалакша). Отхожие ближние промыслы, в том числе лесные, были распространены больше в селени-

ях, расположенных рядом с лесопильными заводами, – Кереть, Черная Река, Сорока, Выгостров, Шижня. Население Шуи, Сухого, Вирмы, Сумского Посада, Колежмы и Нюхчи было меньше вовлечено в отхожие промыслы, «считая это позорным»²¹, и почти целиком сосредотачивалось на мурманских промыслах, морских торговых и транспортных перевозках.

Основу промыслового календаря составлял упрощенный аграрный календарь, в котором важнейшие даты обрели «промысловое» наполнение. Большой пласт прогнозирующих примет был призван наметить наиболее выгодные в текущем году виды промысла. Начало того или иного морского промысла старались приурочить к рубежным датам православного календаря, соотносясь с комплексом погодных примет и лунным календарем, однако руководствовались преимущественно реальными наблюдениями за подходами рыбы и появлением зверя. На большей части Поморского берега (от Нюхчи до Кеми) и юго-восточной части Карельского берега, где основная часть мужского населения занималась мурманскими промыслами, широкое распространение получили праздничные обряды, связанные с проводами и встречей рыбаков-мурманщиков и зверобоев, а также строительством и спуском на воду судна.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Филин П. А. Традиции морского рыболовства поморов Терского берега Белого моря в XV–XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 303 с.
- ² Этого деления придерживался М. В. Рейнеке (1801–1859) – гидрограф, исследователь Белого и Баренцева морей. В своем труде «Гидрографическое описание северного берега России» в 1833 году он описал границы и названия берегов Белого моря в соответствии с принятыми у местных «поморцев», выделив Терский, Кандалакшский, Карельский, Поморский, Онежский, Летний и Зимний берега. Он также упоминал о Канинском берегу, который тянулся от Мезенского залива до мыса Канин. Данному делению на берега следовала и Т. А. Бернштам [4: 37–38].
- ³ В 1859 году из 15 поселений на Поморском берегу 9 насчитывали более 100 дворов. Особенно выделялись Нюхча (197) и Сумский Посад (181), менее 50 дворов отмечалось только в Вирме (44) и Сухом Наволоке (39). В Кеми, с 1785 года получившей статус уездного города, насчитывалось свыше 269 дворов. К северу от Кеми на Карельском берегу наиболее крупным поселением была Кереть (91 двор); в Гридино, Калгалакше и Поньгоме насчитывалось от 27 до 50 дворов. Для всего Поморья в этот период времени более характерными были поселения, состоящие из 10–20 дворов. См.: Списки населенных мест Российской империи. СПб., 1861–1885. Вып. 1: Архангельская губерния: ... по сведениям 1859 года / Обработано Е. Огородниковым. СПб., 1861. 131 с.
- ⁴ Список населенных мест Архангельской губернии к 1905 году / Сост. Н. А. Голубцов. Архангельск, 1907. С. 184–189; Обзор Архангельской губернии за 1904 год. Архангельск: Губ. тип., 1905. Ведомость 15 «О числе жителей в Архангельской губернии».
- ⁵ См.: Жилинский А. А. Крайний Север Европейской России: Архангельская губерния. Петроград: Ред. кол. спец. техн. и экон. изд. Нар. ком. путей сообщ., 1919; Слезкинский А. Г. Поездка на Мурман: (путевые заметки) // Исторический вестник. 1898. Т. 71; Ульрих Ф. Кемский уезд и рыбные промыслы на Мурманском берегу во врачебном и экономическом отношениях. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1877.
- ⁶ Якобсон Р. П. Отчет по обследованию рыболовных тоней на реках Кеми и Выг осенью 1911 года // Материалы к познанию русского рыболовства. 1913. Т. II, вып. 9. С. 36.
- ⁷ Даты даются по старому и новому стилю (разница 13 дней).
- ⁸ См.: Максимов С. В. Год на Севере. СПб., 1871; Островский Евг. Из картинок сельдяного промысла в с. Сороке // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1910. № 8. С. 27–31; Алеев В. Р.

- Промысел наваги и сельди по Онежскому и Кемскому берегам Белого моря зимою 1912 г. // Материалы к познанию русского рыболовства. 1914. Т. III, вып. 9. С. 3–22.
- ⁹ Якобсон Р. П. Указ. соч. С. 44.
- ¹⁰ *Убёэг* – приспособление для подледного лова наваги на отмелях около морского берега, имеющее форму забора из еловых или березовых веток и мережи, устанавливаемой в специально вырытую яму на дне.
- ¹¹ Алеев В. Р. Промысел наваги и сельди по Онежскому и Кемскому берегам Белого моря зимою 1912 г. // Материалы к познанию русского рыболовства. 1914. Т. 3, вып. 9. С. 9.
- ¹² Научный архив КарНЦ РАН (НА КарНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 32. Д. 237. Л. 306.
- ¹³ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 37. Д. 787. Л. 13.
- ¹⁴ Алеев В. Р. Отчет о поездке на морской звериный промысел в горле Белого моря в 1911 г. // Материалы к познанию русского рыболовства. 1913. Т. II, вып. 2. С. 27.
- ¹⁵ Никольский В. В. Быт и промыслы населения западного побережья Белого моря. М.: Изд. Научно-технического управления ВСНХ, 1927. С. 61.
- ¹⁶ Там же. С. 65.
- ¹⁷ Якобсон Р. П. Указ. соч. С. 47.
- ¹⁸ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 32. Д. 237. Л. 329.
- ¹⁹ Там же. Л. 340.
- ²⁰ Там же. Л. 352.
- ²¹ Якобсон Р. П. Статистико-экономическое обследование морского побережья и рыболовных угодий на Онежской губе между г. Кемью и Онегой и Онежского закола в 1911 году // Материалы к познанию русского рыболовства. 1913. Т. 2, вып. 5. С. 18.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеевский М. Д., Васкул А. И., Козлова И. В., Комелина Н. Г. Традиции рыбаков и зверобоев Терского берега Белого моря // Живая старина. 2009. № 2. С. 15–19.
2. Баданов В. Г., Жуков А. Ю., Кораблев Н. А. Промыслы и ремесла населения Карело-Кольского региона (XVII – конец XIX в.) // История и традиционная культура народов Карелии и сопредельных областей в свете новых источников, методов и подходов (памяти Р. Ф. Никольской). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017. С. 57–96.
3. Бернштам Т. А. Народная культура Поморья. М.: ОГИ, 2009. 432 с.
4. Бернштам Т. А. Поморы: формирование группы и система хозяйства. Л.: Наука, 1978. 176 с.
5. Бернштам Т. А. Рыболовство на Русском Севере во второй половине XIX – начале XX в. (по коллекциям и архивным материалам этнографических музеев Ленинграда) // Из культурного наследия народов России (Сборник МАЭ. Т. XXVIII) / Под ред. Т. В. Станюкович. Л.: Наука, 1972. С. 62–98.
6. Бернштам Т. А. Традиционный праздничный календарь в Поморье во второй половине XIX – начале XX в. // Этнографические исследования Северо-Запада СССР: традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга: Сб. ст. Л.: Наука, 1977. С. 88–115.
7. Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: Энциклопедия. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 524 с.
8. Дранникова Н. В., Морозова Т. Н. Промысловый календарь Зимнего берега Белого моря // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 5 (142). С. 56–60.
9. Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / Изд. подгот. И. И. Муллонен, В. П. Кузнецова, А. Е. Беликова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 455 с.
10. Капитонова С. А. Основные этапы хозяйственного освоения Западного (Карельского) Поморья // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 4. С. 105–111.
11. Ковыршина Ю. И. Материалы по календарной традиции Карельского берега Белого моря // Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий: исследования, источники, историография. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 154–200.
12. Кораблев Н. А. Социально-экономическая история Карельского Поморья во второй половине XIX века. Петрозаводск: Карелия, 1980. 128 с.
13. Логинов К. К. Рыболовство Поморского села Нюхча // «Уведи меня, дорога»: Сб. науч. ст. памяти Т. А. Бернштам / Под ред. Н. Е. Мазаловой, И. Ю. Винокуровой, В. А. Лапина, О. М. Фишман. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 54–69.
14. Логинов К. К. Историко-этнографические особенности поморского села Гридино: прошлое и современность // Скальные ландшафты Карельского побережья Белого моря: природные особенности, хозяйственное освоение, меры по сохранению. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. С. 168–190.
15. Морозова Т. Н. Современное состояние промыслового фольклора Зимнего берега Белого моря // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 7 (152). С. 81–84.
16. Огнева О., Конкка А. Праздники и будни = Ruhät da arret: карельский народный календарь. Изд. 2-е, испр., доп. Петрозаводск: Verso, 2013. 336 с.

Original article

Elvira A. Dzhioshvili, Junior Researcher, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-8933-1740; elvira-260893@yandex.ru

TRADITIONAL LIVELIHOOD PRACTICES AND HOUSEHOLD CALENDAR OF KARELIAN POMORIE

Abstract. The article provides an overview of the annual cycle of household activities on the Karelian and Pomor coasts of the White Sea and related beliefs which had emerged by the late XIX – the early XX centuries. Scholarly literature has addressed the festive calendar rituals of the Pomors of this territory, but the specificity of their fishing calendar has not been specifically studied yet. The purpose of this article is to describe the fishing calendar and identify its features, summarize and systematize the information on the occupations and household activities of the Pomors' annual cycle on the Karelian and Pomor coasts. The study is based on the use of comparative-historical and descriptive methods. The sources for the article include research materials of I. M. Durov and A. M. Linevskiy from the archive of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, as well as reports of the researchers of marine fisheries and sea-hunting of the Russian North. The article identifies the economic specialization of various areas of the Karelian Pomorie, the division of household activities by seasons of the year, and the church holidays that symbolized the division of the year into economic seasons. The author studies the influence of the fishing specifics on the calendar rituals of the said territory, noting the existence of a specific complex of festive rites associated with seeing-off and meeting fishermen and sea-hunters, as well as with building and launching ships.

Keywords: Pomors, Karelian coast, Pomor coast, traditional calendar, White Sea

Acknowledgements. The research was financed from the federal budget as part of the state project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (No 121070700119-5).

For citation: Dzhioshvili, E. A. Traditional livelihood practices and household calendar of Karelian Pomorie. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(5):53–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.921

REFERENCES

1. Alekseevskiy, M. D., Vaskul, A. I., Kozlova, I. V., Komelina, N. G. Traditions of the fishermen and sea-hunters of the White Sea Tersk Shore. *Zhivaya starina*. 2009;2:15–19. (In Russ.)
2. Bernshtam, T. A. Folk culture of Pomorie. Moscow, 2009. 432 p. (In Russ.)
3. Bernshtam, T. A. The Pomors: group formation of household system. Leningrad, 1978. 176 p. (In Russ.)
4. Bernshtam, T. A. Fishery in the Russian North during the second half of the XIX – the early XX centuries (based on the collections and archive materials of Leningrad ethnographic museums). *Cultural heritage of the Russian peoples (Proceedings of the Museum of Anthropology and Ethnography. Vol. XXVIII)*. Leningrad, 1972. P. 62–98. (In Russ.)
5. Bernshtam, T. A. Traditional holiday calendar in Pomorie during the second half of the XIX – the early XX century. *Ethnographic studies of the north-west of the USSR: Traditions and culture of the rural population. Ethnography of St. Petersburg: Collection of articles*. Leningrad, 1977. P. 88–115. (In Russ.)
6. Vinokurova, I. Yu. Mythology of the Veps: Encyclopedia. Petrozavodsk, 2015. 524 p. (In Russ.)
7. Drannikova, N. V., Morozova, T. N. Pomor calendar of White Sea Winter coast. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2014;5(142):56–60. (In Russ.)
8. Durov, I. M. Dictionary of the living Pomor language in its everyday and ethnographic usage. (I. I. Mullonen, V. P. Kuznetsova, A. E. Belikova, Eds.). Petrozavodsk, 2011. 455 p. (In Russ.)
9. Zhukov, A. Yu., Badanov, V. G., Korablev, N. A. Traditional economic activities and handicrafts of Karelian-Kola region population (XVII – late XIX centuries). *History and traditional culture of the peoples of Karelia and adjacent regions in the light of new sources, methods and approaches (in memory of R. F. Nikolskaya)*. Petrozavodsk, 2017. P. 57–96. (In Russ.)
10. Kapitonova, S. A. Main stages of household and economic development of Western (Karelian) Pomorie. *Society. Environment. Development*. 2018;4:105–111. (In Russ.)
11. Kovyrshina, Yu. I. Materials on calendar tradition of the White Sea Karelian coast. *Festive traditions and innovations of the peoples of Karelia and adjacent territories: research, sources, historiography*. Petrozavodsk, 2010. P. 154–200. (In Russ.)
12. Korablev, N. A. Social and economical history of Karelian Pomorie in the second half of the XIX century. Petrozavodsk, 1980. 128 p. (In Russ.)
13. Loginov, K. K. Fishery of the Pomor village Nyukhcha. “Road, take me away”: *Collection of papers in memory of T. A. Bernshtam*. (N. E. Mazalova, I. Yu. Vinokurova, V. A. Lapina, O. M. Fishman, Eds.). St. Petersburg, 2010. P. 54–69. (In Russ.)
14. Loginov, K. K. Historical and ethnographic characteristics of the Pomor village of Gridino: past and present. *Rupestrian landscapes of the White Sea Karelian Coast: natural characteristics, economic utilization, conservation*. Petrozavodsk, 2008. P. 168–190. (In Russ.)
15. Morozova, T. N. Current state of the fishery folklore of the White Sea Winter shore. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2015;7(152):81–84. (In Russ.)
16. Ogneva, O., Konkka, A. Holidays and weekdays: Karelian folk calendar. Petrozavodsk, 2013. 336 p. (In Russ.)

Received: 27 March 2023; accepted: 29 May 2023

ЛЕНИЗА ГАЗИНУРОВА ХАБИБУЛЛИНА

доктор филологических наук, старший научный сотрудник
отдела лексикологии и диалектологии Института языка,
литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академия наук Республики Татарстан
(Казань, Российская Федерация)
valievalg@mail.ru

АТРИБУТИВНОСТЬ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

А н н о т а ц и я . Семантическая сторона языковых фактов, более развернуто представленная в синтаксическом строе, является актуальным вопросом современной лингвистической науки. Определение структурно-семантических особенностей смысловых связей значимо не только в лингвистическом, но и когнитивном плане. Данная статья посвящена изучению атрибутивных отношений, выражаемых синтаксическими единицами. Изучение синтаксического строя тюркских языков началось лишь с середины 50-х годов XX века и остается актуальной областью современной лингвистики. Несмотря на наличие трудов, в которых прямо или косвенно затрагиваются вопросы смысловых связей, синтаксические единицы с синкретичными значениями еще требуют детального анализа. Цель исследования – выявить семантические особенности атрибутивных конструкций на материале тюркских языков. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: описать способы формальной репрезентации атрибутивных отношений, определить их сущность, установить характер синкретизма семантических отношений. В ходе работы были применены метод лингвистического описания, сравнительно-сопоставительный, структурно-семантический методы. Материал для анализа привлекался из текстов художественной литературы, малых жанров фольклора. Проведенное исследование позволило определить, что основным выразителем понятия атрибутивности является грамматическая категория прилагательного. Было установлено, что система атрибутивных конструкций в тюркских языках характеризуется разветвленностью.

К л ю ч е в ы е с л о в а : атрибутивные конструкции, атрибутивная семантика, система атрибутивных отношений, тюркские языки

Д л я ц и т и р о в а н и я : Хабибуллина Л. Г. Атрибутивность как семантическая категория // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 5. С. 62–66. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.922

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистической науке уделяется большое внимание семантическому анализу языковых явлений. Благодаря обращению к семантике раскрываются многие языковые факты, что позволяет объяснить закономерности мыслительной деятельности.

С древних времен философов волновал вопрос выражения действительности в языке. Еще в период существования теории универсальной логической грамматики был выделен атрибут предмета как член, указывающий на признак. Атрибутивность занимает большое место в мыслительной деятельности человека. Сложность лингвистического изучения атрибутивности, которая является семантическим понятием, объясняется разнообразием моделей атрибутивных конструкций.

АТРИБУТИВНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ СЕМАНТИКИ

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» отмечается, что атрибутивность как семантическая категория основывается на отношениях, при которых признак мыслится в единстве со своим носителем¹. Некоторые исследователи условно разделяют сочетания с атрибутивной семантикой на следующие виды: с выделением признаков типичного, глубинного, интенсивного и длительного.

«Интенсивные находятся на крайнем полюсе системы. Коренные признаки качества – типичные признаки – от прочих отличаются тем, что способны образовывать именные синонимы. Типичные от глубинных отличаются тем, что типичный признак исходит из самой предметности, тогда как глубинный привходит извне, хотя оба признака роднит их постоянство при определяемом слове» [4: 20].

Основным выразителем категории атрибутивности в языке выступает грамматическая категория прилагательного. Дифференциация прилагательных от существительных началась еще в текстах памятников древнетюркской письменности [6: 58]. Как показало исследование таких текстов, сочетания, выражающие атрибутивность, встречаются в языке рунических памятников. В орхонских памятниках содержится ряд слов, указывающих на качества и свойства предметов: *ақ адгыр* 'белый жеребец', *өрүң күмүс* 'белое серебро' [1: 121]. Изучение прилагательного в тюркологии началось в XIX веке. Информация о прилагательном дается в первых тюрко-татарских грамматиках И. Гиганова («Грамматика татарского языка», 1801), А. К. Казем-Бека («Общая грамматика турецко-татарского языка», 1846), А. Троянского («Краткая татарская грамматика», 1860), К. Насыри («Әнмүзәж», 1895) и др.

Атрибутивная семантика устанавливается между главным и придаточным определительным предложением, которое как тип придаточных предложений в татарском языке выделяется в грамматиках начиная с XX века, а в грамматиках XIX века встречаются лишь некоторые истоки его изучения. Например, в грамматике К. Насыри «Әнмүзәж» этот вид придаточного предложения называется *жәмләи васфья*, что означает 'прилагательное предложение' (*сыйфат жәмлә*). В грамматиках XX века атрибутивность рассматривается в связи с изучением второстепенных членов предложения и придаточных определительных предложений, которые начинают выделяться как тип придаточных предложений в грамматиках татарского языка этого периода.

Атрибутивность формируется на базе конкретизирующей связи, средства выражения которой впервые в тюркологии исследовал М. З. Закиев [8]. Р. К. Сагдиева описала средства выражения конкретизирующего отношения [5]. Атрибут и его виды представлены в академической «Татарской грамматике» [9: 180]. В тюркологии атрибутивные отношения исследуются в связи с изучением определительных словосочетаний, определений и определительных предложений. Наиболее частотным способом выражения атрибутивной семантики выступает синтаксическая модель «прилагательное + существительное». Одной из типологических особенностей тюркских языков является выражение признака по отношению к лицу или предмету с помощью изафета.

«Изафет – это такая определительная группа, в которой определяемое, будучи всегда выраженным именем существительным, выявляется с точки зрения его принадлежности к другому предмету или различных форм отношения к нему. Изафет служит для выражения особого вида словосочетания – сочетания имен существительных, а также субстантивированных прилагательных, числительных и некоторых местоимений» [7: 2].

По мнению некоторых исследователей, в таких конструкциях определения образуются путем

«синтаксического соположения субстантивов. Данный способ выражения атрибутивных отношений имеет непосредственное отношение к конверсии» [3: 443].

Атрибутивная семантика между компонентами синтаксической конструкции служит для обозначения многочисленных внешних и внутренних признаков: цвета, вкуса, размера, формы, весовой, пространственной характеристики, материала, возраста, профессии, национальности, наличия или отсутствия чего-либо, качества, свойства и др.

Система атрибутивных отношений включает в себя следующие значения: атрибутивно-определительные, атрибутивно-субстантивные и атрибутивно-обстоятельственные.

В состав атрибутивно-определительных конструкций входят определение, указывающее на признак признака, и определяемое, выражающее признак предмета. Атрибутивно-определительные сочетания используются самостоятельно и входят в атрибутивно-субстантивные конструкции. Определение, указывающее на признак предмета, и определяемое, выражающее предмет, репрезентируют конкретизированное понятие и составляют атрибутивно-субстантивную конструкцию. Например: тат. *караңгы кич* 'темная ночь'.

В состав атрибутивно-обстоятельственных конструкций входят определяемое и определяющее слово, которое указывает на дополнительные признаки признака предмета.

Между компонентами сочетаний, которые выражают атрибутивность, складываются отношения определяемого и определения, которое указывает на различные признаки первого. Предметные определительные конструкции выражают многочисленные признаки: материал, форму предмета, возраст, национальность, пол человека и т. д. В таких примерах и определение, и определяемое выражаются существительными: тат. *агац капка* 'деревянные ворота'.

В качественных определительных сочетаниях определение, как правило, выражается при-

лагательным, указательным местоимением, порядковым числительным и др. Например: азерб. *jaşыл бағлар* ‘зеленые сады’, каз. *оныншы үй* ‘десятый дом’, кум. *бу китап* ‘эта книга’.

В количественных определительных сочетаниях определение выражается количественным числительным. Например: к.-калп. *бес киси* ‘пять человек’, тат. *ун көн* ‘десять дней’.

В притяжательных определительных сочетаниях определение и определяемое и грамматически, и по смыслу взаимозависимы, между ними складываются отношения принадлежности. Например: карач.-балк. *институтну студентни* ‘студент института’.

Сложные определительные сочетания содержат различное количество определений.

«Простые определения (предметные, качественные, количественные) находятся непосредственно перед определяемым, следующую (по отдаленности от определяемого) позицию занимают причастные определения (вместе с управляемыми словами, если такое определение является развернутым) и, наконец, в третьей по отдаленности позиции помещаются притяжательные определения, которые могут иметь свою систему определений» [2: 87].

Рядом с определяемым, как правило, находится предметное определение, далее располагается качественное определение, затем следуют количественное и притяжательное определения.

В тюркских языках, в том числе и в современном татарском, атрибутивные отношения могут передаваться прилагательными на *-лы*, которые выражают обладание предметом, свойством, качеством. Данная семантика формы *-лы* является самой древней и продуктивной, она употребляется и в словаре Махмуда Кашгарского.

В грамматике М. Эрдаля отмечается, что причастная форма на *-ган* активно употребляется в современных тюркских языках [10: 290]. Интересно отметить, что причастие на *-ган*, которое является одним из способов выражения определяющего слова в атрибутивных конструкциях, изначально было общетюркским, однако в огузских языках оказалось вытесненным причастием на *-мыш*. Например: тур. *gitmiş kişi* ‘ушедший человек’.

Предложение, содержащее семантику атрибутивности, в зависимости от контекста может передавать и дополнительные значения. При этом образуются атрибутивно-выделительные, атрибутивно-временные и атрибутивно-пространственные значения.

1. Атрибутивно-выделительные.

В подобных предложениях придаточное распространяет именное сочетание с указательными местоимениями. Например: узб. *Дунёда шундай кишилар булади: қандайдир сирли кучга ишонади*. ‘Бывают такие люди на свете: верят в какие-то таинственные силы’.

2. Атрибутивно-временные.

В этом случае в атрибутивной семантике содержится информация об определенном промежутке времени. Например: тат. *Кышкы суыклар керде* (Г. Исхакий). ‘Начались зимние холода’; тур. *Bugünkü işini yarına bırakma*. ‘Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня’ (Пословица).

3. Атрибутивно-пространственные.

В таких конструкциях содержится указание на место, присутствует дополнительная пространственная семантика. Например: тат. *Күл буендагы ялтыраган утлар әле берсе, әле берсе сунә башлады* (Г. Исхакий). ‘Мерцающие огни на берегу озера то один, то другой начали гаснуть’; *Бүлмәдәге хатыннар да, түрдәге кияү алучылар да тезелделәр, тезләнделәр* (Г. Исхакий). ‘И женщины в комнате, и женихи в гостиной построились, встали на колени’; кирг. *Үйдөгү ойду базардагы нарк бузат*. (букв. ‘То, что задумано дома, нарушает цена на базаре’). ‘Домашняя дума дорогой не годится’ (Пословица).

Таким образом, в рассмотренных примерах наблюдается совмещение, синкретизм семантических отношений. Было выявлено, что атрибутивно-временные и атрибутивно-пространственные значения являются более частотными типами атрибутивных конструкций. Это объясняется тем, что большинство текстов начинается с конкретизации времени и места действий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях антропоцентризма нынешнего языкознания исследование смысловых отношений представляет особый научный интерес. Атрибутивные сочетания сформировались еще в древнетюркском языке в связи с потребностью выделить один предмет, указав на его признаки. Изучение их структурно-семантической организации в тюркологии показало, что система атрибутивных отношений характеризуется разнообразием моделей атрибутивных конструкций. Осложнение одних семантико-синтаксических отношений другими – частое явление, среди атрибутивных конструкций самыми активно употребляемыми являются атрибутивно-временные и атрибутивно-пространственные значения.

СОКРАЩЕНИЯ

азерб. – азербайджанский
к.-калп. – каракалпакский
каз. – казахский
карач.-балк. – карачаево-балкарский
кирг. – киргизский
кум. – кумыкский
тат. – татарский
тур. – турецкий
узб. – узбекский

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата: Наука, 1971. 380 с.
2. Баскаков Н. А. Типы атрибутивных словосочетаний в каракалпакском языке // Вопросы языкознания. 1956. № 6. С. 79–91.
3. Гусейнова М. М. Репрезентация атрибутивных отношений (на материале даргинского языка) // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4 (77). С. 443–445.
4. Колесов В. В. Концептуальный анализ текста // Мир языковых форм: Сборник научных статей: к 95-летию проф. Г. П. Цыганенко. СПб.: ВИ ЖДВ и ВОСО, 2015. С. 18–20.
5. Сагдиева Р. К. Формы деепричастия как средство выражения конкретизирующего отношения в татарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 10 (64): В 3 ч. Ч. 2. С. 143–145.
6. Севортян Э. В. Из истории прилагательных в тюркских языках // Тюркологические исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 58–68.
7. Шарафутдинова Р. Т. Изафетные конструкции в татарском языке // Современный мусульманский мир: Электрон. журнал. 2018. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://islamjournal.ru/wp-content/uploads/2018/03/ID27.pdf> (дата обращения 12.04.2022).
8. Зәкиев М. З. Хәзерге татар әдәби теле. Синтаксис. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1958. 242 б.
9. Татар грамматикасы: өч томда / Проект жит. һәм автор М. З. Зәкиев. Тулыландырылган 2 нче басма. Казан: ТӘҺСИ, 2017. Т. III. 536 б.
10. Erdal M. A grammar of Old Turkic. Leiden; Boston; Brill, 2004. XII. 575 с.

Поступила в редакцию 12.05.2022; принята к публикации 28.04.2023

Original article

Leniza G. Habibullina, Dr. Sc. (Philology), Senior Researcher,
Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)
valievalg@mail.ru

ATTRIBUTION AS A SEMANTIC CATEGORY

Abstract. The semantic side of linguistic facts, which is more fully represented in the syntactic structure, is an urgent issue of modern linguistic science. The definition of structural and semantic features of semantic connections is significant not only linguistically, but also cognitively. This article studies the attributive relations expressed by syntactic units. The study of the syntactic structure of Turkic languages began only in the mid-1950s and remains an urgent area of modern linguistics. Despite the existence of works that directly or indirectly address the issues of semantic connections, syntactic units with syncretic meanings still require detailed analysis. The purpose of the study is to identify semantic features of attributive constructions based on the material of Turkic languages. To achieve this goal, the following tasks are to be solved: to describe the ways of formal representation of attributive relations, to determine their essence, and to establish the nature of syncretism of semantic relations. During the study, the method of linguistic description, as well as the comparative and the structural semantic methods were applied. The material for the analysis was drawn from the texts of fiction and small folklore genres. The conducted research made it possible to determine that

the main expression of the concept of attribution is the grammatical category of the adjective. It was also found that the system of attributive constructions in Turkic languages is characterized by branching.

Key words: attributive constructions, attributive semantics, attributive relations system, Turkic languages

For citation: Habibullina, L. G. Attribution as a semantic category. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(5):62–66. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.922

REFERENCES

1. Ajdarov, G. The language of the Orkhon monuments of ancient Turkic writing of the VIII century. Alma-Ata, 1971. 380 p. (In Russ.)
2. Baskakov, N. A. Types of attributive phrases in the Karakalpak language. *Topics in the Study of Language*. 1956;6:79–91. (In Russ.)
3. Huseynova, M. M. Representation of attributive links revisited (as exemplified in the Dargin language). *The World of Science, Culture and Education*. 2019;4(77):443–445. (In Russ.)
4. Kolesov, V. V. Conceptual analysis of the text. *World of language forms: Collection of articles commemorating the 95th anniversary of Prof. G. P. Tsyganenko*. St. Petersburg, 2015. P. 18–20. (In Russ.)
5. Sagdieva, R. K. Adverbial participle forms as a means to express concretizing attitude in the Tatar language. *Philology. Theory & Practice*. 2016;10(64);3-h ch.:143–145. (In Russ.)
6. Sevortyan, E. V. From the history of adjectives in Turkic languages. *Turkology studies*. Moscow, Leningrad, 1963. P. 58–68. (In Russ.)
7. Sharafutdinova, R. T. Izafet-constructions in the Tatar language. *Modern Muslim World*. 2018;1. Available at: <https://islamjournal.ru/wp-content/uploads/2018/03/ID27.pdf> (accessed 12.04.2022). (In Russ.)
8. Zekiev, M. Z. Modern Tatar literary language. Syntax. Kazan, 1958. 242 p.
9. Tatar Grammar: In 3 vols. (M. Z. Zekiev, Ed.). Kazan, 2017. T. III. 536 p.
10. Erdal, M. A grammar of Old Turkic. Leiden; Boston; Brill. 2004. XII. 575 p.

Received: 12 May 2022; accepted: 28 April 2023

ЮЛИЯ ЛЕОНИДОВНА ДМИТРИЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры общего
языкознания и славянских языков

Горловский институт иностранных языков
(Горловка, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-8018-8650; Juls88Dmutrieva@yandex.ru

ОБРАЗ САДА В ГОРИЗОНТАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОДЕЛИ МИРА ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. ЕСЕНИНА

А н н о т а ц и я . Исследования особенностей моделирования и вербализации пространства в произведениях носителей русской лингвокультуры актуальны в современной науке о языке. Однако пространство не представляется как некая протяженность, оно конституируется объектами, образы которых формируются в сознании человека. Одним из ключевых образов горизонтально ориентированной пространственной модели мира в произведениях С. Есенина является образ сада. Образ сада рассматривается как участок земли (выраженный лексемой *сад*) и совокупность окультуренных растений (объективированных в анализируемых текстах номинациями *рябина* и *вишни*). Обращается внимание на то, что образ сада репрезентирован в произведениях С. Есенина рядом метафорических моделей. В их числе модели «дерево → объект материальной культуры», «сад → человек» и др. Цель статьи – описание средств экспликации данного образа в творчестве поэта. В результате исследования выявлены индивидуально-авторские особенности моделирования пространства в лирике С. Есенина, в которой образ сада тесно связан с человеком, его домом, а также выступает средством связи поколений. Результаты исследования могут найти применение в вузовских курсах по лексической семантике, теории образа, лингвокультурологии и этнолингвистике.

К л ю ч е в ы е с л о в а : лингвокультура, пространственная модель мира, локус, дефиниционная модель, образ, земное пространство

Д л я ц и т и р о в а н и я : Дмитриева Ю. Л. Образ сада в горизонтально ориентированной пространственной модели мира произведений С. Есенина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 5. С. 67–73. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.926

ВВЕДЕНИЕ

Пространство неоднократно становилось объектом исследовательского интереса филологов. Его изучение, как и «анализ и описание средств вербализации пространства, – по словам авторов коллективной монографии “Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте”, – предстает как одна из вечных тем языкознания, филологии, философии» [4: 5]. Сегодня нет единой дефиниционной модели для определения рассматриваемого феномена. Его трактуют как фрагмент языковой картины мира этноса (Е. С. Яковлева, О. А. Рачук, З. А. Мельничук, М. В. Осыка, Т. С. Медведева, Л. К. Хертек и др.), текстообразующую категорию (Н. С. Болотнова, Т. В. Матвеева, Н. А. Николина, Л. Г. Бабенко, О. А. Корда, П. Ю. Повалко и др.), отражательную семантическую категорию (Л. Н. Федосеева, Т. Е. Алексеева и др.) и как категорию функциональной грамматики (А. В. Бон-

дарко, В. Г. Гак, Е. В. Рахилина, Ф. И. Панков и др.).

Так, в грамматике пространственные отношения связывают, в первую очередь, с предложным падежом, поскольку одним из его значений является указание на местонахождение объекта (см. работы В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой, В. Н. Ярцевой, Е. В. Падучевой, А. В. Бондарко и др.).

В стилистике и лингвистике текста пространство трактуется как одна из базовых текстообразующих категорий, которая, согласно работам Н. С. Болотновой, Н. С. Валгиной, Н. А. Николиной, И. Р. Гальперина и др., тесно связана с категорией времени. Лирический субъект воспринимает действительность, определяя местонахождение как свое, так и других членов социума, выделяя культурно ассимилированные и чуждые зоны. Он также измеряет мир во временных единицах. Однако время труднее под-

дается непосредственному восприятию. Для его осознания, согласно концепции А. В. Бондарко, человеку нужно либо пережить, либо отметить в объекте, за которым он имеет возможность наблюдать, ряд состояний, «что, разумеется, сложнее» [6: 7]. Соответственно, ход времени часто заметен по тем изменениям, которые происходят с определенным местом (локусом). Так, в примере *Я вернусь, когда раскинет ветви / По-весеннему наш белый сад*¹ пространство объективировано лексемой *сад*. А время эксплицировано именем прилагательным *белый*, указывающим на окраску цветков растений, произрастающих на данном участке, и наречием *по-весеннему*, выражающим представление о конкретном времени года. В другом примере *Облетает под ржанье бурь / Черепов златохвойный сад*² ход времени выражен с помощью метафорической модели «живое существо → явление природы». Область источника данной модели эксплицирована предложно-падежной формой *под ржанье*, указывающей на звуки, которые издает конь. Область цели объективирована лексемой *буря*, которая также вербализует представление о времени года – осень. Кроме того, на этот временной период указывает и композит *златохвойный*, образованный в соответствии с метафорической моделью «дерево → объект материальной культуры». Отметим, что данная языковая единица характеризует также и локус сада, а именно: выражает представление о деревьях (компонент *хвойный*), которые произрастают в этом месте.

Тесная связь текстовых категорий времени и пространства подчеркивается и в работах Н. А. Николиной и Л. Н. Федосеевой. Кроме того, пространство понимается как отражательная категория: автор при моделировании мира художественного произведения переносит в него хорошо известные параметры описания пространства физического мира. Так, в поэзии С. Есенина представлена традиционная для русской лингвокультуры пространственная модель мира, объективированная лексемами *дом, изба, хата, мельница, сад, двор, огород, дорога, околица, опушка, межа, деревня, село, поле, равнина, луг, поляна, пашня, нива, степь, церковь (церквушка), часовня, колокольня, монастырь, гора, лес, роцца, чаща, пуца, сосняк, бор, дубрава (дуброва), город* и т. д. (см. подробнее [2], [3]).

Данная модель мира объективирована и в произведении «Край ты мой заброшенный...», которое построено на описании нескольких ключевых образов пространственной модели мира. Автор изображает сначала образный ландшафт родного

края с постепенным сужением культурно ассимилированного пространства. Ср.:

*Край ты мой заброшенный, / Край ты мой, пустырь.
/ Сенокос некошенный, / Лес да монастырь. / Избы забоченились... / Крыши их запенились / В заревую гать. / Под соломой-ризою / Выступуги стропил*³.

Кроме того, в конце произведения пространство воспринимается лирическим субъектом фрагментарно: это некие яркие, запоминающиеся объекты, которые ассоциируются со «своим», родным. Так, в стихотворении образ дома объективирован не только вербальным знаком *изба*, но и номинациями элементов морфологии строения (лексемы *крыша, окно*). Отметим, что использование приложения *риза*, то есть названия элемента церковного одеяния, квалифицируем в качестве указания на особую роль образа дома, который соотносится с зоной пересечения земного и сакрального пространства. Например, в фольклорной пространственной модели мира крыша дома считалась границей земного и сакрального пространства (*Крыши их запенились / В заревую гать*), поскольку она отграничивала «свое», родное, связанное с семьей и привычными реалиями, от «чужого», небесного. Кроме того, согласно представлениям славян, именно на небе располагались как рай, так и ад.

Гипоним *черемуха* в произведении «Край ты мой заброшенный...» объективирует представления как о дереве, произрастающем рядом с домом, так и о времени года. Ср.: *Как метель, черемуха / Машет рукавом*⁴. С. Н. Пяткин, рассматривая феномен А. С. Пушкина в художественном сознании С. Есенина, указывает на ключевую роль образа метели в произведениях обоих поэтов. В творчестве С. Есенина образ метели, согласно концепции исследователя, это и природная зимняя стихия, которая часто характеризуется как губительная для лирического героя, и маркер весны. Данный образ также связан «с образом родного дома и Родины в целом» [5: 157].

Кроме того, в тексте «Край ты мой заброшенный...» противопоставляется внутреннее (вербализованное словами *изба, крыша, стропила* и предложно-падежной конструкцией *под соломой-ризою*) и внешнее (выраженное языковыми знаками *край, пустырь, сенокос, лес, монастырь*) пространство.

В лингвокультурологических исследованиях пространство рассматривается как ряд культурно ассимилированных зон и противопоставленных им локаций (см. труды Н. Н. Болдырева, В. В. Красных, И. В. Захаренко и др.).

Аксиоматичен тезис об измеримости пространства, точкой отсчета развертывания которого является воспринимающий субъект. Например, в работе Е. С. Яковлевой пространство классифицируется в соответствии с несколькими критериями, одним из которых является «наличие / отсутствие непосредственного восприятия (наблюдения)». В проанализированных исследователем текстах рассматриваемый феномен выражается преимущественно наречиями с пространственным значением. Так, адъективы *вблизи, вдали, вдалеке, поблизости, близко, далеко, рядом* и др. объективируют представление говорящего о расположении того или иного объекта или о дистанции между ними.

Анализируя только наречия, Е. С. Яковлева подчеркивает особенность восприятия пространства человеком:

«Картина пространства в русском языковом сознании не сводима ни к какому физико-геометрическому образу: пространство не является простымместищем объектов, а скорее наоборот – конституируется ими и в этом смысле оно вторично по отношению к объектам» [8: 20–21].

Ученый апеллирует к трудам В. Н. Топорова, в которых изложено описание пространства в архаической модели мира: человек постепенно «собирает» пространство, обживает и осваивает его. Аналогичный тезис приведен в коллективной монографии «Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте», авторы которой отмечают «переживаемость» человеком пространства, что обуславливает его репрезентацию в сознании индивидуума как совокупность визуальных, тактильных образов [4]. Именно необходимостью системного описания средств вербализации данных образов в текстах С. Есенина определяется актуальность данной работы.

Кроме того, в современной лингвистике актуальным остается и изучение языка художественных произведений определенного автора. Исследователи не только пишут научные труды, но и создают словари, энциклопедии, электронные издания. Так, в работах Е. В. Михайловой, А. И. Лазовской, В. Б. Тюрина, Е. Н. Суворкиной, С. А. Кривошапка и др., выполненных в рамках современного есениноведения, становление научного фундамента которого пришлось на 50–80-е годы XX века, исследуется система концептов в текстах С. Есенина (в их числе и концепт *пространство*). Е. С. Хило, М. Ю. Меньшикова, И. Макарем, Т. И. Колесник, М. Сордини и др. описывают особенности перевода стихотворений и поэм «последнего поэта деревни». Кро-

ме того, рассматриваются интертекстуальные и интермедальные связи творчества С. Есенина с текстами авторов из Китая, Великобритании, Германии, США, с произведениями русских литераторов различных периодов (см. работы О. Е. Вороновой, С. Н. Пяткина, И. Н. Коржовой, Д. О. Котомцева, А. А. Корниловой, А. А. Сорокина и др.). Г. И. Шипулиной подготовлена серия идеографических «Словарей языка Сергея Есенина», в которых зафиксированы вербальные знаки, используемые поэтом в своих произведениях, к каждой семеме даны примеры из соответствующих художественных текстов. В статьях А. В. Самодуровой описана специфика функционирования образа города в идиостиле С. Есенина. В работах современных филологов детально проанализированы образы дома и/или избы (В. А. Доманский, Р. П. Дронсейка, Ю. Л. Дмитриева и др.), поля (В. А. Доманский, Ван Синьтун и др.), дерева (Ю. Л. Дмитриева, В. А. Доманский и др.), неба и небесного града (М. М. Медведева, Н. В. Михаленко, Е. П. Гребенская и др.), а также образы Востока, топонимика произведений поэта, особенности репрезентации художественных времени и пространства в цикле «Персидские мотивы» (Л. Ф. Алексева, Л. В. Вахрушева, Г. И. Шипулина, Е. А. Самоделова и др.).

Лингвистами и литературоведами запущен проект создания «Есенинской энциклопедии», статьи которой появляются на страницах научно-методического журнала «Современное есениноведение». В марте 2021 года к 125-летию со дня рождения поэта вышел первый выпуск энциклопедии «Памятные места и литературная география», включающий 357 статей о 442 топонимах. Н. И. Шубникова-Гусева отмечает во введении «О Есенинской энциклопедии», что в издание включены сведения как о топонимах, так и поэтонимах (термин В. М. Калинкина). Соответственно, в данном выпуске зафиксировано представление о дифференциации в пространственной модели мира произведений С. Есенина земного и сакрального пространств.

Актуальность данного исследования состоит также в необходимости системного описания особенностей языка произведений С. Есенина, фиксирующих представления поэта как носителя русской лингвокультуры о пространстве, его организации и ключевых образах мест. Цель исследования – анализ языковых единиц, эксплицирующих образ сада как одного из ключевых в пространственной модели мира произведений С. Есенина.

ДЕФИНИЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ТЕРМИНА ОБРАЗ

В современной лингвистике образ определяется по нескольким дефиниционным моделям в зависимости от направления изучения. В их числе «образ – компонент структуры концепта / лингвокультуры», «образ – единица лингвокультуры», «образ – элемент семантической структуры слова». Н. Ф. Алефиренко и Ю. Н. Караулов понимают под образом единицу сознания, которая принимает участие в процессах категоризации и концептуализации онтологического мира. В работах Е. Г. Беляевской образ трактуется и как один из этапов познания человеком действительности, и как ментальный конструкт, формируемый на базе исходного объекта восприятия и служащий его репрезентантом.

Модель «образ – компонент структуры концепта / лингвокультуры» репрезентирована в трудах С. Г. Воркачева, В. В. Воробьева, В. И. Карасика, В. В. Колесова, И. А. Стернина, З. Д. Поповой. В них образ рассматривается как первичный источник информации о реалиях онтологического мира, с которыми взаимодействует человек.

В исследованиях Н. А. Илюхиной, М. Я. Розенфельд, Е. А. Юриной образ определяется как компонент семантической структуры слова. Соответственно, он фиксируется как в словарной дефиниции, так и в примерах использования данного вербального знака. Образ лингвисты рассматривают как «конкретно-чувственное представление о называемом предмете посредством ассоциативного сближения с другим предметом» [7: 29].

Мы под образом понимаем одну из базовых единиц лингвокультуры, содержащую вербализированное отображение предметного мира, фиксирующее фактуру, объем, пространственное положение познаваемого предмета. Кроме того, образ способен выполнять функции эталона и вносить в структуру слова культуросную информацию, а также обладает способностью приобщать человека к единой для этноса картине мира.

СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА САДА ГОРИЗОНТАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОДЕЛИ МИРА ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. ЕСЕНИНА

В языковом опыте носителей русской лингвокультуры вербальный знак *сад* используется для номинирования «участка земли для выращивания садовых растений (цветов, фруктовых деревьев и кустарников), произрастающих на та-

ком участке»⁵. В данной дефиниции репрезентированы следующие когнитивные признаки образа сада: «участок пространства», «совокупность растений, занимающих отведенное человеком место». Кроме того, в рассматриваемом определении зафиксировано отнесение образа сада к земному пространству (или включение его в горизонтально ориентированную пространственную модель мира). Так, в примере *Я хотел, чтоб сердце глуше / Вспоминало сад и лето*⁶ образ сада, выраженный соответствующей лексемой, тесно связан с конкретным временным промежутком. Это воспоминание, картинка, которая возникает в сознании лирического субъекта. Однако нельзя однозначно отнести образ сада в данном тексте к «своему». Скорее это конкретное место земного (горизонтально ориентированного в восприятии человека) пространства, с которым связаны определенные события, пережитые чувства и эмоции.

Во фрагменте текста *А в саду разбрехались собаки, / Словно чуя воров на гумне*⁷ образ сада выражен словом *сад*, которое называет соответствующее место, наблюдаемое лирическим субъектом в горизонтальной плоскости. Отметим, что в стихотворении описывается процесс хождения на богомолье. По свидетельству О. Е. Вороновой, данное произведение автобиографично.

«На наш взгляд, можно с полным основанием утверждать, что именно Иоанно-Богословский монастырь с его характерными реалиями поэтически воссоздан в стихотворении Есенина “По дороге идут богомолки” (1914)» [1: 55].

Автор не раз бывал там с бабушкой и воссоздал особенности зданий обители и ее подворья, в которое входил и сад как культурно ассимилированное человеком пространство, расположенное в непосредственной близости от жилья монахов.

На традиционную связь образов дома и сада указывает не только моделирование горизонтально ориентированной пространственной модели мира автором, но и то, что данный образ относится к «своему», безопасному пространству, в которое легко проникнуть через границу. Так, в примере *Все равно калитка есть в саду...*⁸ акцентировано внимание на возможности проникновения в данный локус с помощью материального артефакта, который служит границей между данным локусом и иным, удаленным от человека. В других строках также репрезентировано данное представление, однако образ сада характеризуется через соотнесение с человеком (метафорическая модель «человек → сад»).

Ср.: *За калиткою смолкшего сада / Прозвонит и замрет бубенец*⁹. Так, причастие *смолкший*, то есть прекративший процессы говорения, характерные для индивидуума, квалифицируем как область источника, а лексему сад как репрезентант области цели. Кроме того, использование данной модели также указывает на отнесение образа сада к «своему», культурно ассимилированному и, соответственно, безопасному для человека пространству.

В строках *В саду горит костер рябины красной, / Но никого не может он согреть*¹⁰ образ сада вербализован как лексемой *сад*, так и номинацией *рябина*, которая называет дерево, произрастающее на данном участке. В примере анализируемый образ репрезентирует земное пространство, воспринимаемое лирическим субъектом в горизонтальной плоскости. В произведении трансформации, происходящие с садом и деревьями, отождествляются с состоянием того, кто взаимодействует с онтологическим миром. Ср.: *Не обгорят рябиновые кисти, / От желтизны не пропадет трава. / Как дерево роняет тихо листья, / Так я роняю грустные слова*¹¹.

В восприятии лирического субъекта описываемый образ статичен, чтобы подчеркнуть его вневременность в тексте используется отрицание (*не обгорят, не пропадет*). Кроме того, лирический субъект сравнивает себя с одним из деревьев сада, на что указывает параллелизм построения главной и придаточной частей предложения: *Как дерево роняет тихо листья, / Так я роняю грустные слова: как N1 + Vf + N4, так N1 + Vf + N4*.

Отметим, что автором использован полисемант *ронять*, который в придаточной части выражает представление об опадении в определенный временной промежуток, как правило, осенью, лиственного покрова с деревьев. А в главной предикативной части данный глагол выражает представление о процессах говорения. Ср.: «Ронять – лишаться чего-л., терять (листья, перья и т. п.); медленно, небрежно, с паузами произносить»¹².

В поэзии С. Есенина образ сада репрезентирован также метафорической моделью «сад → человек». Так, в примере *Был я весь как запущенный сад*¹³ область цели рассматриваемой модели выражена местоимением *я*, называющим лирического субъекта, а область источника – вербальным знаком *сад*. Кроме того, образ сада характеризуется в тексте лексемой *запущенный*, то есть «неухаживаемый, заброшенный, оставленный без присмотра»¹⁴, которая одновременно

характеризует как место, так и человека. Соответственно, описываемый образ отнесен к пограничной зоне: это еще «свое» пространство, но отсутствие человека обуславливает его отчуждение, то есть отнесение к «чужому».

Напротив, образ сада как «своего» репрезентирован в тексте «Письма к сестре». В произведении описываемый образ вербализован лексемой *сад*, а также названием вида деревьев, произрастающих в нем, – *вишни*. Кроме того, образ сада характеризуется при использовании лексемы *цветущий*, указывающей как на оценку сада (то есть «успешно развивающийся, процветающий»¹⁵), так и на то, что в нем произрастают плодовые деревья, которые весной цветут. Образ сада является также символом принадлежности к роду: это та константа, которая объединяет несколько поколений в представлении лирического субъекта. Ср.: *Но сад наш!.. / Сад... / Ведь и по нем весной / Пройдут твои / Заласканные дети. // О! / Пусть они / Помянут невпопад, / Что жили... // Чудаки на свете*¹⁶.

Наконец, в строках *Как кладбище, усеян сад / В берез изглоданные кости*¹⁷ образ сада сравнивается с кладбищем – «местом, предназначенным для погребения умерших»¹⁸. В данном примере актуализировано восприятие сада как сакрального пространства, которое находится в горизонтальной плоскости восприятия человеком. Оно доступно для непосредственного взаимодействия, однако с данным локусом в русской лингвокультуре связаны представления о пребывании душ умерших и демонов. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» отмечено, что кладбище рассматривается как «святое» место, где необходимо соблюдать определенный ритуальный этикет. Кроме того, по данным указанного лексикографического издания, образ сада в русской лингвокультуре также ассоциируется с представлениями о смерти, которые актуализированы в примере *Вот так же отцветем и мы / И отшумим, как гости сада...*¹⁹ Автор использует лексему *гость*, которая в русской лингвокультуре указывает на отнесенность к «чужому». Ср.: «Принадлежностью к сфере 'чужого' определяется в народной традиции особый статус **гостя**, **нищего** (странника), **священника**, **колдуна**, что проявляется в 'ритуализованном' отношении к ним»²⁰. Представления о смерти в анализируемых поэтических строках выражены предикатами *отцветети* и *отшуметь*, в которых приставка *от-* выражает значение «завершения и прекращения названного действия»²¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образ сада в произведениях С. Есенина является одним из образов горизонтально ориентированной модели мира. Это культурно ассимилированный человеком участок земли или совокупность растений, произрастающих на таком участке. Однако в творчестве русского поэта образ сада актуализирует также представление о родном доме и семье, символизирует преемственность поколений. В проанализированных произведениях С. Есенина образ сада выражен вербальным знаком *сад*, а также номинациями произрастающих в нем растений *рябины*, *вишни*. В стихотворениях поэта рассматриваемый об-

раз характеризуется местоимением *наш*, именами прилагательными *белый*, *златохвойный* и причастиями *запущенный*, *цветущий*, *смолкший*. Кроме того, рассматриваемый образ в лирике С. Есенина репрезентирует традиционные для русской лингвокультуры представления о смерти и ассоциируется с кладбищем, то есть с сакральным пространством. Однако данное описание не является исчерпывающим. Перспективу дальнейших исследований составляет анализ средств вербализации образа сада в произведениях С. Есенина как одного из образов сакрального (или вертикально ориентированного) пространства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. М.: Наука – Голос, 1995. С. 180.
- ² Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 2. М.: Наука – Голос, 1997. С. 77.
- ³ Есенин С. А. Полное собрание сочинений. В 7 т. Т. 1... С. 60.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения 28.01.2023).
- ⁶ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 1... С. 193.
- ⁷ Там же. С. 58.
- ⁸ Там же. С. 249.
- ⁹ Там же. С. 147.
- ¹⁰ Там же. С. 209.
- ¹¹ Там же. С. 210.
- ¹² Большой толковый словарь русского языка...
- ¹³ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 1... С. 187.
- ¹⁴ Большой толковый словарь русского языка...
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 2... С. 158.
- ¹⁷ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 1... С. 196.
- ¹⁸ Большой толковый словарь русского языка...
- ¹⁹ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 1... С. 196.
- ²⁰ Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 4 / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. С. 582.
- ²¹ Цыганенко Г. П. Словарь служебных морфем русского языка. Киев: Рад. школа, 1982. С. 184.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронова О. Е. Сергей Есенин и русская духовная культура. Рязань: Узорочье, 2002. 520 с.
2. Дмитриева Ю. Л. Параметры пространственной модели мира (на материале поэзии С. Есенина) // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2021. № 1. С. 33–38.
3. Дмитриева Ю. Л. Пространственная модель мира в произведениях С. А. Есенина // Современное есениноведение: Научно-методический журнал. 2020. № 4 (55). С. 63–70.
4. Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р. Н. Порядина, Л. Г. Гынгазова, Ю. А. Эмер и др.; Отв. ред. проф. З. И. Резанова. Томск: UFO-Plus, 2007. 384 с.
5. Пяткин С. Н. Пушкин в художественном сознании Есенина: Монография. Саров: Интерконтакт, 2017. 405 с.
6. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / А. В. Бондарко, М. Д. Воейкова, В. Г. Гак и др.; Редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) и др. СПб.: Наука: С.-Петерб. изд. фирма, 1996. 230 с.
7. Юрина Е. А. Образный строй языка. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. 156 с.
8. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.

Original article

Julia L. Dmitrieva, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor,
Gorlovka Institute of Foreign Languages (Gorlovka, Russian
Federation)
ORCID 0000-0002-8018-8650; Jul88Dmitrieva@yandex.ru

THE GARDEN IMAGE IN THE HORIZONTALLY ORIENTED SPATIAL MODEL OF THE WORLD IN SERGEY YESENIN'S WORKS

Abstract. In modern science of language, it is important to study the peculiarities of modeling and verbalization of space in the works of the carriers of Russian linguoculture. However, space is not presented as a certain extension, it is constituted by the objects the images of which are formed in the human consciousness. One of the key images of the horizontally oriented spatial model of the world in the works by Sergey Yesenin is the image of the garden. In this paper, the garden image is considered as a plot of land (expressed by the *sad* (garden) lexeme), and a set of cultivated plants (objectified in the analyzed texts by the *ryabina* (rowan) and *vishnya* (cherry) nominations). Attention is drawn to the fact that the garden as an image is represented in Yesenin's works by a number of metaphorical models, including such models as "tree → object of material culture", "garden → man", etc. The purpose of the article is to describe the means of explication of this image in Yesenin's poems. The study resulted in identifying the individual author's features of modeling space in his lyric poetry, in which the image of the garden is closely connected with a person and their house, and also acts as a link between generations. The results of the study can be used in university courses on lexical semantics, image theory, linguocultural studies, and ethnolinguistics.

Keywords: linguoculture, spatial model of the world, locus, definition model, image, terrestrial space

For citation: Dmitrieva, J. L. The garden image in the horizontally oriented spatial model of the world in Sergey Yesenin's works. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(5):67–73. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.926

REFERENCES

1. Voronova, O. E. Sergey Yesenin and Russian spiritual culture. Ryazan, 2002. 520 p. (In Russ.).
2. Dmitrieva, Ju. L. Parameters of spatial model of the world (on the material of poems by S. Eсенин). *Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology*. 2021;1:33–38. (In Russ.).
3. Dmitrieva, Ju. L. Spatial model of the world in the works of S. A. Yesenin. *Modern Yesenin Studies: Journal of Research and Methodology*. 2020;4(55):63–70. (In Russ.).
4. Porjadina, R. N., Gyngazova, L. G., Jemer, Ju. A. et al. Pictures of the Russian world: spatial models in language and text. (Z. I. Rezanova, Ed.). Tomsk, 2007. 384 p. (In Russ.)
5. Pjatkin, S. N. Pushkin in the artistic consciousness of Yesenin. Sarov, 2017. 405 p. (In Russ.)
6. Bondarko, A. V., Voejkova, M. D., Gak, V. G. et al. The theory of functional grammar: Locativity. Beingness. Possessivity. (A. V. Bondarko, Ed.). St. Petersburg, 1996. 230 p. (In Russ.).
7. Jurina, E. A. Figurative structure of language. Tomsk, 2005. 156 p. (In Russ.).
8. Jakovleva, E. S. Fragments of Russian language picture of the world (models of space, time, and perception). Moscow, 1994. 344 p. (In Russ.).

Received: 17 February 2022; accepted: 28 April 2023

ВИТТОРИО СПРИНГФИЛД ТОМЕЛЛЕРИ

доктор филологических наук, профессор славянской филологии

Туринский университет (Турин, Италия)

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID ID 0000-0001-7513-7587; Springfield66@hotmail.com

**ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ Н. Ф. ЯКОВЛЕВА
И ЕЕ ВОСПРИЯТИЕ В ЗАПАДНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ¹**

А н н о т а ц и я . Рассматривается вопрос о том, почему имя Николая Феофановича Яковлева почти не встречается в западной лингвистической литературе в главах по истории фонологических исследований. К этому неприятному обстоятельству привел, по-видимому, целый ряд факторов, которые здесь кратко обсуждаются. Наряду с языковым барьером к ним следует отнести разбросанность высказанных автором мыслей, прикладной характер его теоретических размышлений, использованных прежде всего при создании алфавитов для бесписьменных и младописьменных народов (не только Кавказа в рамках советского языкового строительства, и, наконец, его умеренное увлечение марровской теорией. Не менее важным, однако, является тот факт, что позиции Пражского лингвистического кружка, как они изложены в известных «Основах фонологии» Николая Сергеевича Трубецкого, возможно, повлияли отрицательно на восприятие Н. Ф. Яковлева на Западе.

К л ю ч е в ы е с л о в а : история русского и советского языкознания, фонология, Н. Ф. Яковлев, западная лингвистика, Пражский лингвистический кружок

Б л а г о д а р н о с т и . За ценные замечания и предложения как содержательного, так и формального характера автор приносит глубочайшую благодарность своему коллеге и другу Алексею Викторовичу Андронову (Санкт-Петербург).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Томеллери В. С. Фонологическая теория Н. Ф. Яковлева и ее восприятие в западной лингвистике // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 5. С. 74–88. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.923

ВВЕДЕНИЕ

В этом году исполняется сто лет первому подробнейшему фонетическому (а также фонологическому) описанию кабардинского языка, составленному выдающимся советским лингвистом, кавказоведом и языковым строителем Николаем Феофановичем Яковлевым (1892–1974). С одной стороны, имя Н. Ф. Яковлева занимает почетное место в созвездии крупных исследователей по кавказскому языкознанию как на родине, так и за рубежом, с другой стороны, его не менее важный вклад в теоретическое языкознание, особенно в области фонологии, мало кем признается в западноевропейской и американской лингвистике. Настоящая статья ставит целью выявление причин такого разногласия в восприятии Н. Ф. Яковлева, или, правильнее, почти полного отсутствия западных голосов о нем.

«Жуткое чувство испытывает тот, кому приходится заниматься историей науки в России: смелые начинания, глубокие мысли, редкие таланты, блестящие умы,

даже кропотливый и упорный труд, все это встречается с избытком; и тут же приходится отмечать, как все обрывается: длинные ряды “первых” томов, “первых” выпусков, которые никогда не имели преемников; широкие замыслы, застывшие как бы на полуслове, груды ненапечатанных, полузаконченных рукописей. Громадное кладбище неосуществленных начинаний, несбывшихся мечтаний»².

Вышеприведенные слова, написанные академиком Сергеем Федоровичем Ольденбургом (1863–1934) в смутное послереволюционное время, хорошо характеризуют яркую личность главного героя настоящей статьи – Н. Ф. Яковлева. Трагическая судьба талантливого ученого заключается прежде всего в прекращении его научной деятельности после выступления И. В. Сталина летом 1950 года, во время «свободной» дискуссии по вопросам советского языкознания в связи с пресловутым Новым учением о языке академика Николая Яковлевича Марра (1865–1934). В предисловии к «Таблицам фонетики кабардин-

ского языка» (1923), о которых пойдет речь ниже, Н. Ф. Яковлев, подчеркивая исключительно важное значение своего учителя и покровителя, академика Алексея Александровича Шахматова (1864–1920), при выборе предмета своих лингвистических занятий, то есть северокавказских языков, не скрывал свою искреннюю благодарность академикам-ориенталистам (в том числе Н. Я. Марру) за их щедрую помощь:

«Первым, кто натолкнул меня на мысль заняться живыми яфетическими языками Северного Кавказа, был незабвенный ак. А. А. Шахматов. В дальнейших научных предприятиях своих я пользовался всегдашним исключительным вниманием и поддержкой ак. Н. Я. Марра и ак. С. Ф. Ольденбурга, которым всецело обязан своими достижениями в данной области»³.

Не являясь, однако, правоверным приверженцем Н. Я. Марра, а лишь частично соприкасаясь с его теорией [10: 557], Н. Ф. Яковлев под натиском «аракчеевского режима» в языкознании начал незадолго до дискуссии в газете «Правда» выпускать работы, в которых все чаще развивались некоторые марровские положения, как, например, острая и односторонняя критика традиционного историко-сравнительного языкознания⁴, отрицание понятия праязыка, стадийный характер развития языков и единство глоттогонического процесса. Наряду с обычными в то время пустословными дифирамбами в сторону создателя «мнимой» марксистской лингвистической теории⁵, Н. Ф. Яковлев действительно принял некоторые идеи Н. Я. Марра, которые, правда, находились достаточно далеко от его прямых лингвистических интересов⁶. Итак, с середины 1940-х годов появились не бесспорные работы обобщающе-типологического толка о неслучайном характере целого ряда структурных аналогий между северокавказскими, чукотско-камчатскими и некоторыми северо-американскими языками [21] на примере эргативной конструкции предложения и других сходных явлений⁷, а также научно-популярные книги о возникновении человеческой речи [11], [12], из которых работа 1945 года пользовалась огромнейшим успехом в стране и за рубежом, выйдя в переводах на разные языки Советского Союза и Восточной Европы, а также на немецкий [47]. В целом пик исследований Н. Ф. Яковлева приходился на 1920-е годы – разгар того социолингвистического направления в советской лингвистике, которое вошло в историю под названием «языкового строительства» [4: 7]; публикации же последующих лет, в том числе и кавказоведческие, намного уступали предыдущим⁸. Беда автора в том, что он в начале

1930-х годов подвергался проработке со стороны марристов, не считавших его своим человеком, тогда как в начале дискуссии о советском языкознании, открывшейся статьей профессора Тбилисского университета им. Сталина Арнольда Степановича Чикобава (1898–1985) [20], Н. Ф. Яковлев занял промарровскую позицию, отправив редакции газеты письмо в защиту Нового учения о языке, которое, однако, не было опубликовано [1: 154]. После неожиданного переворота из-за вмешательства Сталина в дискуссию уже нечем было защищать теорию покойного академика, и Н. Ф. Яковлев был вынужден публично признать свои прежние ошибки [24]. Придерживаясь мудрости латинского изречения – «Всякому человеку свойственно ошибаться, но только глупому – упорствовать в своей ошибке» (*Cuiusvis hominis est errare, nullius nisi insipientis perseverare in errore*), он осознал лженаучные положения Н. Я. Марра и свои некритические ссылки на его грубейшие ошибки и, следовательно, отрекся от некоторых своих работ, собственных и в соавторстве [11], [22], [23], [26].

В новой обстановке, сложившейся после разгрома марризма, принципиальная и упрямая природа Н. Ф. Яковлева, чуждая всякому лицемерию и притворству, оказалась роковой для ученого [10: 559]. Смело сопротивляясь очередной перестройке института и выявляя упорную самостоятельность, он по обвинению в верности попавшей в опалу теории (то есть как «неразоружившийся маррист») был уволен с работы и лишен права преподавания; вследствие этого он сошел с ума и перестал заниматься наукой, прожив до своей кончины в постоянном состоянии психической болезни [2: 775]. Итак, многие его работы не были доведены до конца: они либо оставались до сегодняшнего дня в рукописном виде, либо бесследно исчезли и, возможно, навсегда утрачены. Но даже опубликованные или доступные в архивах его работы все еще ждут своего упорядочения, описания и (пере)издания. Более пятидесяти лет тому назад Лев Рафаилович Концевич (род. 1930), выделяя существенное значение вклада Н. Ф. Яковлева в науку, писал:

«Его перу принадлежит более 80 печатных трудов, в том числе 15 книг. Однако судьба около двух десятков рукописей до сих пор неясна. Лучшей наградой ученому будут правильная, справедливая оценка его взглядов и издание его избранных работ, куда должны войти и рукописи, ценность которых бесспорна для общего и кавказского языкознания» [10: 559].

Несмотря на то что личность и научная деятельность Н. Ф. Яковлева в последние десятилетия все больше и больше привлекали внима-

ние российских и зарубежных исследователей (см., например, [1], [2], [28], [48], [50]), до сих пор, к сожалению, отсутствует надежный библиографический указатель его работ. В приложении к своей юбилейной статье Л. Р. Концевич ограничился «списком основных печатных работ» ученого, включающим лишь 38 позиций. В библиографии, вышедшей в качестве приложения к сборнику научных статей под редакцией Юнуса Дешериевича Дешериева (1918–2005), приводятся всего 68 опубликованных и 7 неопубликованных работ [8]. Следует при этом отметить, что первый список Л. Р. Концевича остался неизвестным Ю. Д. Дешериеву или сознательно не был учтен им, так как библиография, которой заканчивается сборник, основывается исключительно на архивном материале (Архив Академии наук СССР, ф. 411, оп. 39, ед. хр. 2061, л. 21–23 – составитель Г. А. Калимова)⁹. Наряду с этим двойная трагедия крупного исследователя, дважды умершего (по удачной формулировке [1]), становится тройной, если учесть тот на первый взгляд непонятный и даже возмущающий факт, что на Западе, за пределами кавказоведения, его мало кто знает и уважает. Если трудно оспаривать мнение о том, что фонология, хотя бы в зачаточном виде¹⁰, зародилась в России [4: 183], [32: 7], именно в 1920-е и 1930-е годы «международный характер обмена идеями и научными достижениями» [38: 91] между молодым Советским Союзом и Западной Европой принимал идеологическую подоплеку непримиримого противопоставления, постепенно создававшую труднопреодолимые преграды. Таким образом, не так уж удивительно, что на Н. Ф. Яковлева, чьи работы, по оценке Александра Александровича Реформатского (1970–1978), сыграли «большую роль для укрепления взглядов Московской фонологической школы» [17: 16]¹¹, не указывают давние и более современные труды по истории фонологических учений (ср., например, [27: 86–109], [34], [46]). В международной энциклопедии по лингвистике к тому же основой почти всех фонологических разысканий считается возникновение американского и европейского структурализма, связанное с именами Леонарда Блумфилда (1887–1949) и Эдуарда Сепира (1884–1939) в США, Романа Осиповича Якобсона (1896–1982) и князя Николая Сергеевича Трубецкого (1890–1939) (бывших членов, вместе с Н. Ф. Яковлевым, Московского лингвистического кружка [1: 143]) в Европе:

«During the first half of the 20th century, the most significant intellectual developments in the field were the emergence of American and European *structuralism* as the basis

for nearly all phonological research. Particularly influential figures of this period were Bloomfield and Edward Sapir in the United States, and Roman Jakobson and Nikolai S. Trubetzkoy in Europe» [44: 328].

Исключением¹² является энциклопедическая статья Ольги Тихоновны Молчановой (род. в 1938), в которой выделяются два важных аспекта научной деятельности Н. Ф. Яковлева. Это, во-первых, лингвистически последовательная теория фонемы и, во-вторых, математическая формула, применявшаяся к созданию алфавитов для бесписьменных языков Кавказа:

«Since 1920 Jakovlev has organized and led fieldwork trips to the Caucasus to study Caucasian languages that did not have written tradition and were used only for oral communication. In 1923, on the basis of a linguistically consistent theory of a phoneme worked out by him, Jakovlev devised a mathematical formula for inventing systems of characters with which Caucasian languages could be written. It opened up new horizons for 70 Caucasian peoples for whom a new alphabet was first introduced on the basis of Latin and later Cyrillic» [45: 88].

Удивительным образом, однако, первая его работа, процитированная в ее библиографии, это «капитальный» [1: 142], «прекрасный» [6: 3] и «весьма содержательный» [5: 10] этнографический очерк об ингушах¹³, который был удостоен перевода на ингушский язык¹⁴. В списке литературы отсутствуют именно те работы, в которых Н. Ф. Яковлев изложил свои теоретически и практически важные положения: монография под «скромным названием» [1: 142] «Таблицы фонетики кабардинского языка»¹⁵ и не менее известная статья «общетеоретического и прикладного характера» [5: 9] «Математическая формула построения алфавита»¹⁶, которая определила

«программу его активной деятельности во ВЦК НА (Всероссийский центральный комитет нового алфавита) по созданию латинизированных алфавитов для бесписьменных языков и по совершенствованию уже существовавших систем письма» [9: 362]¹⁷.

«Таблицы фонетики кабардинского языка» представляют собой основательное описание восточно-черкесского языка¹⁸, которое было встречено с положительными отзывами со стороны кавказоведов в Советском Союзе и за рубежом. Н. С. Трубецкой, узнав о «Таблицах» из рецензии Льва Ивановича Жиркова (1885–1963)¹⁹, опубликованной в журнале «Новый Восток»²⁰, в письме Р. О. Якобсону от 6 ноября 1924 года спрашивал коллегу об адресе Н. Ф. Яковлева, так как хотел «просить его прислать мне ту его книгу, о которой имеется рецензия в том же № “Нового Востока”, а, кстати, еще раз попытаться оттащить его от Марра» [37: 75]. Через год

он выпустил свой отзыв во французском Бюллетене Парижского лингвистического общества²¹: по его мнению, особой похвалы заслуживали «светящаяся точность, исключительная наблюдательность и безупречная строгость метода» рецензируемой работы – «*précision lumineuse, observation exceptionnel, grande sévérité de méthode*»²². Оба русских рецензента указывали на то, что «Таблицы» содержали очень ценные сведения не только для кавказоведения, но также для общей фонетики:

«Впервые этот язык получает научно-изложенное учение о его звуках, которые сами по себе представляют много интересного и для фонетики общей, благодаря известному богатству северо-кавказских языков в звуковом отношении, [так!] Вот почему вышедшие два выпуска, несомненно, будут встречены с интересом в кругах языковедов и за-границей»²³.

Такой оптимистический прогноз Л. И. Жиркова, увы, не сбывся, несмотря на то немало-важное обстоятельство, что в работе, по словам Н. С. Трубецкого, имелись интересные наблюдения фон<ем>ологического²⁴ характера:

«On trouvera aussi dans cet ouvrage des idées intéressantes sur la théorie générale de la “phonémologie”: en principe M. Jakovlev se déclare partisan des théories de MM. Baudouin de Courtenay et Ščerba, tout en les complétant par quelques idées nouvelles et fécondes (p. 64–76)»²⁵ – В этой работе можно также найти интересные мысли об общей теории «фонемологии»: в принципе г. Яковлев объявляет себя сторонником теорий г-н Бодуэна де Куртенэ и г-н Щербы, дополнив их некоторыми новыми и плодотворными идеями.

Какими новыми и плодотворными идеями сторонник Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ (1845–1929) и Льва Владимировича Щербы (1880–1944) дополнял их теории, Н. С. Трубецкой не считал нужным сообщить. Кроме этого, оба «западноевропейских» кавказоведа упрекали Н. Ф. Яковлева в употреблении чрезвычайно сложной и неудобной для чтения транскрипционной системы, восходящей к известной яфетидологической (аналитической) транскрипции Н. Я. Марра²⁶:

«Le plus grand défaut de l’ouvrage de M. Jakovlev est la transcription choisie par son auteur pour rendre les phonèmes du qabardi. C’est la fameuse transcription “yaphétidologique” inventée par M. Marr. Une transcription est toujours affaire de convention. Mais pour être bonne une transcription doit répondre à certaines exigences. Celle de M. Marr est franchement mauvaise sous tous les rapports: compliquée, très incommode au point de vue typographique, difficile à lire, difficile à retenir dans la mémoire à cause du sens inusité attribué à certaines lettres, et très laide au point de vue esthétique. Il est bien dommage que dans son bel ouvrage M. Jakovlev se soit servi de cette transcription incommode pour l’imprimeur et déconcertante

pour le lecteur»²⁷ – Самым большим недостатком работы г-на Яковлева является транскрипция, выбранная ее автором для передачи кабардинских фонем. Это знаменитая «яфетидологическая» транскрипция, придуманная г-ном Марром. Транскрипция всегда является делом конвенции. Но чтобы быть хорошей, транскрипция должна соответствовать определенным требованиям. У г-на Марра, правда, она плоха во всех отношениях: сложна, очень неудобна типографически, трудна для чтения, трудна для запоминания из-за необычного значения, приписываемого некоторым буквам, и очень безобразна с эстетической точки зрения. Жаль, что в своей прекрасной работе г-н Яковлев использовал эту транскрипцию, неудобную для типографа и сбивающую с толку читателя.

Гораздо более сдержанна, но не менее принципиальна и сурова оценка немецкого кавказоведа Адольфа Дирра (1867–1930):

«Nicht recht einzusehen ist, warum Verfasser für diese Arbeit das Marrsche “japhetidische” Alphabet gewählt hat»²⁸ – Не совсем понятно, почему автор выбрал для этой работы «яфетидологический» алфавит Марра.

Восприятию яковлевского вклада в фонологическую теорию не могла способствовать и статья о черкесских диалектах, появившаяся в журнале «Caucasica» в немецком переводе главного редактора журнала А. Дирра²⁹; гораздо большую роль, чем языковой барьер (*rossica non leguntur*), сыграли в данном случае узкая кавказоведческая тематика и описательный характер работы.

Фонологическая концепция Н. Ф. Яковлева, таким образом,

«была отражена в опубликованных трудах далеко не полностью и не получила большой известности за рубежом, тогда как более разработанные теории Н. Трубецкого и Р. Якобсона стали значительно более популярными» [2: 776].

Этот тезис нуждается лишь в совсем маленькой поправке, скорее переформулировке. Эту концепцию за рубежом хорошо знали, ее даже восприняли и развивали русские «эмигранты»-лингвисты, но уже в новом духе Пражской фонологической школы, для которой Московский лингвистический кружок послужил отчасти прообразом [9: 362].

В «Основах фонологии» Н. С. Трубецкой, определяя фонемы как «фонологические единицы, которые с точки зрения данного языка невозможно разложить на более краткие следующие друг за другом фонологические единицы» [19: 42]³⁰, ссылается на Л. В. Щербу, Н. Ф. Яковлева и Р. О. Якобсона. В этой хронологической последовательности понятие фонемы получает свое все более точное определение, как будто достигая полного и окончательного совершенствования в дефиниции, предложенной в Пражском

лингвистическом кружке. Через несколько страниц автор «Основ фонологии» кается и просит прощения за свой прежний психологический подход, выражавшийся в употреблении термина «звукопредставление» (*Lautvorstellung*), явно восходящего к учению И. А. Бодуэна де Куртенэ и его учеников. На его взгляд, избавлением от элементов психологизма понятие фонемы обязано именно Н. Ф. Яковлеву. Таким образом, в его понимании фонема, первоначально определявшаяся в работах И. А. Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Щербы, у Н. Ф. Яковлева, исходившего из «позиций социальной обусловленности языка» [5: 10], освобождается от субъективно-психологического элемента, доходя в этой очищенной форме до конечной точки развития в рамках Пражского лингвистического кружка в 1930-х годах, а затем Московской фонологической школы [14: 212]. Схематически упрощая ход развития в интерпретации Н. С. Трубецкого, можно нарисовать прямую (или кривую?) линию следующим обобщающим образом:

- Фонемы как звукопредставления – И. А. Бодуэн де Куртенэ, Николай Вячеславович Крушевский (1851–1887), Л. В. Щерба.

- Преодоление психологизма, выявление социального статуса фонемы и приобретение теорией последовательно синхронно-функционального вида при поиске лучшего способа для письменной передачи фонем – Н. Ф. Яковлев (фонемология).

- Чисто теоретическая фонология – Р. О. Якобсон, Н. С. Трубецкой.

Раскаяние Н. С. Трубецкого, который в своих работах до конца 1920-х годов неоднократно прибегал к выражению «звукопредставление» (*Lautvorstellung*) [50: 1364], явно выглядит терминологическим и теоретическим переворотом, который, возможно, произошел у него под влиянием Н. Ф. Яковлева, прямым или опосредованным (через Р. О. Якобсона)³¹.

Развернутое определение фонемы встречается уже в хорошо известных Н. С. Трубецкому «Таблицах»:

«Таким образом, индивидуальное сознание говорящего едва ли может служить особенно надежным базисом фонемологических³² изысканий, да фактически не оно и является этим базисом в работах последователь теории фонем. Таким базисом является место и роль отдельных звуковых моментов в системе “смысловых”, т. е. морфологических и лексических элементов языка, а собственно психофонетические наблюдения в области различения отдельных звуковых моментов доставляют сюда лишь вспомогательный материал»³³.

Н. С. Трубецкой, однако, предпочел сослаться на другую, более позднюю статью Н. Ф. Яковлева³⁴, в которой вводится в научный оборот математическая формула для построения алфавита:

«...eine von psychologistischen Elementen bereits gereinigte Definition (определение фонемы, уже очищенное от элементов психологизма): unter Phonemen verstehen wir jene Schalleigenschaften, die sich als kürzeste zur Differenzierung von Bedeutungseinheiten dienende Elemente des Redeflusses aus diesem herauslösen lassen»³⁵ – Точнее говоря, мы должны признать фонемами те звуковые отличия, которые выделяются в речи как ее кратчайшие звуковые моменты в отношении к различению значимых элементов языка³⁶.

Такой выбор, по мнению Ю. Д. Дешериева, не был случаен, а как будто объясняется тем, что в «Таблицах» Н. Ф. Яковлев «еще полностью не освободился от влияния психологизма И. А. Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Щербы в разработке теории фонемы» [5: 15].

Математическая формула должна была послужить точкой отсчета при составлении новых алфавитов для бесписьменных или младописьменных языков СССР. Благодаря переносу обозначения фонологического признака мягкости, то есть противопоставления твердых и мягких согласных в русской кириллице, на гласные буквы [па vs. п^я, ба vs. б^я и т. п.] допускается «дальнейшее упрощение алфавита путем уменьшения количества букв в нем»³⁷. Соблюдение экономического принципа при соотношении числа букв и фонем возможно при том условии, что в данном языке имеется «многочисленная группа парно различаемых согласных фонем и сравнительно немного гласных фонем, варианты которых могут сочетаться с вышеуказанными парными согласными»³⁸. Абхазско-адыгские языки, к которым относится и кабардинский, отличаются бедным набором гласных при весьма богатой системе согласных фонем. Нельзя не заметить преимущественно прикладной характер глубоких фонологических соображений Н. Ф. Яковлева:

«Вопрос, поставленный нами выше, носит настоящий прикладной характер. Его отношение к теоретической лингвистике должно быть таким же, как отношение теоретической механики к задачам прикладной механики. Когда инженер составляет проект и расчет какого-либо механического сооружения, он может составить его только основываясь на законах и формулах, которые предоставляет в его распоряжение теоретическая механика. Поэтому его проект может быть назван, в полном смысле этого слова, научно обоснованным. В этом случае, как и во всяком другом примере научно обоснованного строительства, мы, составляя проект и расчет, еще до фактического приведения его в исполнение, заранее знаем размеры, прочность и т. д.

проектируемого сооружения. Поэтому научно обоснованное строительство есть в то же время осмысленное, расчетливое и планомерное строительство. В этом и заключается его отличие от всякого другого творчества, по своим результатам хотя бы и удачного, но бессознательного, интуитивного, а потому всегда случайного»³⁹.

Эти соображения освещали насущные вопросы языкового строительства, находясь в основе их конкретного решения [4: 181]. Иными словами, в научных размышлениях Н. Ф. Яковлева наблюдается тесное и органическое сочетание научной теории и общественной практики [6: 3]:

«В Союзе впервые установился непосредственный контакт между науками о культуре и практикой культурного строительства. В результате должны были возникнуть и возникают новые отрасли гуманитарных наук, которые с полным правом могут быть названы прикладными гуманитарными науками. К числу последних и относится начатая разработкой в Москве прикладная лингвистика»⁴⁰.

Именно практическая востребованность теории сказалась отрицательно на восприятии идей Н. Ф. Яковлева за рамками поставленных конкретных задач, особенно когда в 1930-е и 1940-е годы вопросы о создании письменных систем, основанных на латинице, больше не стояли на повестке дня.

С другой стороны, нет никаких сомнений в том, что именно необходимость составления новых алфавитов для бесписьменных языков благоприятствовала развитию теории фонемы и возникновению прикладной лингвистики [7: 19]. Наряду с этим разнообразие кавказских языков и внушительное богатство их консонантизма предоставляли лингвистам непаханое поле для практической и теоретической деятельности:

«Кавказские языки, в частности северо-кавказские, различны в своей системе. Состав звуков, особенно согласных, здесь особенно разнообразен. И это касается в первую очередь языков адыгейской группы (адыгейский, черкесский, кабардинский). Однако, это разнообразие не бесконечно, и при более внимательном изучении этих языков намечаются определенные линии и в развитии их грамматической системы и, в частности, в системе их звуков. Эти-то линии и необходимо было уловить, чтобы определить количество так называемых фонем, т. е. типов звуков, различающих слова и формы языков, и обозначить их достаточно четкими и ясными буквами. Все разнообразие звуков неуловимо. Потребовалось бы громадное количество букв для выражения их различных оттенков, и алфавит принял бы такие размеры, что самое изучение его, чтение и письмо были бы очень затруднительными. Поэтому не по звукам стали потом разрабатывать алфавиты, а по так называемым фонемам, типам звуков, различающим слова и формы. Таких фонем оказалось меньше, и открылась возможность согласования алфавитов при всем разнообразии звуковых выражений»⁴¹.

Как мы уже упоминали, в отзыве о «Таблицах» Н. С. Трубецкой указывал на то, что эта работа, на стр. 64–76, представляет интерес для общей фонологической теории, дополняя теории И. А. Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Щербы некоторыми новыми и плодотворными идеями. Поскольку он не перечисляет и не обсуждает достижения своего друга и коллеги, стоит заглянуть в те места посмертно изданных «Основ фонологии» (1939), в которых встречаются имя Н. Ф. Яковлева и «Таблицы». Не все случаи, как увидим ниже, относятся прямо к кабардинскому языку.

В разделе, посвященном факультативным и стилистически несущественным вариантам, которые «вообще не несут никакой функции, они заменяют друг друга совершенно произвольно, не изменяя при этом экспрессивной или апеллятивной функции речи» [19: 54]⁴², Н. С. Трубецкой приводит конкретный пример из кабардинского языка: произношение палатальных смычных, реализуемых то как *k*-образные, то как *ç*-образные звуки. В подстрочном примечании ссылка на «Таблицы» дается без указания страницы⁴³. В соответствующем месте автор «Таблиц», приводя примеры разных артикуляций, не выполняющих фонологической функции («фонемологически в языке действительно неразличаемых»), указывал на интересный факт, а именно на «факультативность чередования в речи мгновенных типа средне-твердонебного *ç* и шипящих аффрикат типа *ç*, частью имеющего, по-видимому, диалектическое значение». Произнося в речи «постоянно (независимо от положения) шипящие аффрикаты», его информанты с уверенностью утверждали, что они «произносят соответственные мгновенные *ç*, *g*, *q*»⁴⁴, см. также [40: 21, 26]. Из этого Н. Ф. Яковлев сделал важный теоретический вывод «об относительности в каждом отдельном языке порога фонеморазличения и используемых для этого различения средств»⁴⁵.

В кабардинском языке имеются три члена градуальной оппозиции в ряду сибилантов, включающих зубные /s/, /z/, альвеопалатальные /ç/, /z/ и постальвеолярные /ʃ/, /ʒ/; и в данном случае работа Н. Ф. Яковлева цитируется без указания страницы, которую мне любезно подсказал А. В. Андронов:

«Особо следует отметить артикуляцию узкощелинного дорсального передне-твердонебного шипящего спиранта. Кончик языка при его образовании свободно опущен до уровня десен передних нижних зубов, а расширенная, дугообразно выгнутая кверху спинка передней части языка, прижимаясь боковыми краями

к жевательной поверхности верхних зубов (в области малых коренных), образует на переднем твердом небе довольно узкую (сравнительно со щелеобразованием “ш”) щель значительной длины (относительно большей, чем при образовании “s”). Акустически спирант этот производит на русского впечатление шепелявого звука, среднего между “ш” и “s”. Чисто дорсальный тип шипящего спиранта “ш” нередко звучит полумягким для русского уха. Почти одного с ним места образования (несколько ближе вперед) тоже дорсальный тип шипящей аффрикаты č (č)»⁴⁶.

Кроме этого, Н. С. Трубецкой выражал свое неудовольствие по поводу термина «согласные с надгортанной экспирацией» в применении к так называемым абруптивным согласным⁴⁷, считая его тяжеловесным и недостаточно точным; ему казалось предпочтительным называть их «эйективными», как это принято было у английских фонетиков, особенно в традиции африканистики⁴⁸.

«Таблицы» упоминаются также по поводу существования двух модальных корреляций второй степени в ряде фрикативных, причем опять отсутствует страница и, кроме этого, неверно указан год издания (1932 вместо 1923) как в немецком оригинале, так и во французском, русском, английском и итальянском переводах. Речь здесь идет о тех фонемах, «образованных модификацией основной артикуляции одновременно по признаку звонкости ↔ глухости и надгортанности ↔ подгортанности (тройки соотносительных фонем надгортанной ↔ звонкой ↔ глухой...»⁴⁹. Предложенное Н. С. Трубецким определение комбинаторных вариантов фонем и нейтрализации фонологической оппозиции также основывается на *Таблицах*:

«In bestimmten Lautstellungen werden mehrere phonologische Oppositionen aufgehoben, während in gewissen anderen alle phonologischen Oppositionen unverändert bleiben. So entstehen in derselben Sprache Lautstellungen mit minimaler und Lautstellungen mit maximaler Phonemunterscheidung»⁵⁰ – «В определенных позициях многие фонологические оппозиции нейтрализуются, тогда как в других положениях все оппозиции сохраняются. Так появляются позиции с минимальным фонеморазличением и позиции с максимальным фонеморазличением» [19: 271].

В соответствующем месте «Таблиц» Н. Ф. Яковлев заявляет, что он за символы фонемных рядов принял более представительные комбинаторные варианты согласных, встречающиеся в положении наибольшего различия⁵¹. Для гласных русского языка это

«междугласное положение в середине слова перед веллярными гласными, где различаются ряды глухих, звонких, велляризованных (“твердых”) и палатализованных

согласных фонем, тогда как аналогичное положение в исходе слова характеризуется совпадением звонких фонемных рядов с глухими»⁵².

Русского языка касается также определение разграничительной функции фонем⁵³. В процитированном Н. С. Трубецким месте, однако, Н. Ф. Яковлев ссылается на работу Р. О. Якобсона о чешском стихе в связи со способами объективного выделения границы слов⁵⁴. Н. С. Трубецкой приводит один пример из русского языка: *zvùkabruïvã(j)icãràzãm*, то есть *zvuk äbruvã jïcã ràzãm* (фонологически *zvuk äbrïvajïcã razãm* – звук обрывается разом). Здесь аллофон *ä* выполняет ограничительную функцию, «образуя по отношению к ударному слогу часть группового сигнала границы слова».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги сказанному, можно сделать вывод о том, что причин мало- или неизвестности Н. Ф. Яковлева в западной лингвистике целый ряд:

- 1) языковая проблема (*rossica non leguntur*);
- 2) предмет изучения (кавказские языки);
- 3) изложение фонологических основ по большей части в работах прикладного характера, в которых теоретические соображения служили преимущественно решению практических задач, ускользая, когда эти проблемы утратили актуальность, от внимания чистых теоретиков и историков фонологии;
- 4) разбросанность имеющихся в его работах положений, которые не составляют единой и цельной системы мыслей⁵⁵;
- 5) тенденция к теоретическому изоляционизму самого автора (отчасти под влиянием марризма).

К этому списку возможных факторов можно добавить еще один немаловажный момент, тесно связанный с «Основами фонологии». Их автор в некотором смысле невольно виноват. Общеизвестно, что этот капитальный труд завершил подготовительный период десятилетних разысканий Н. С. Трубецкого, доведя до окончательной трактовки принципы и цели нового лингвистического направления на основе обширного документального материала [43: XI]. Как отмечал французский лингвист Андре Мартине (1908–1999), стечение таких трагических обстоятельств, как кончина автора, включение Чехословакии в состав Третьего рейха, расовые и политические преследования и войны, сделали «Основы фонологии» вершиной решающего периода в истории языкознания, придавая ему непреходящую ценность [42: IX]. И в редакторском предисловии к русскому переводу «Основ фонологии»

указывается на то, что фундаментальный труд Н. С. Трубецкого

«завершил длительный этап теоретической подготовки фонологии. Это – первое развернутое и систематическое изложение новой лингвистической дисциплины, сыгравшее исключительную роль в оформлении и закреплении ее в науке» [19: 5].

«Основы фонологии» представляют собой своего рода *summa phonologiae à la Trubetzkoy*, итог его десятилетних размышлений в этой области – “the last statement of his theoretical work” [30: 345], куда вошли мысли и идеи целого поколения русских и зарубежных лингвистов; в них Н. С. Трубецкой выступает в качестве фонологического Баха. В истории музыки немецкий композитор Иоганн Себастьян Бах (1685–1750) по праву считается вершиной развития музыкального искусства эпохи барокко. Как известно, он переписывал для себя произведения многих французских и итальянских композиторов, чтобы лучше и глубже освоить их музыкальный стиль и обучиться ему; позже он даже переложил несколько скрипичных концертов Антонио Вивальди для органа. Н. С. Трубецкой тоже продолжал линию фонологических интуиций Бодуэновской школы, как писал сам в ответ на полученную критику (черновик от 27 октября 1931 года):

«Ich entferne mich mehr und mehr von dem System Baudouins. Das ist selbstverständlich unvermeidlich. Es scheint mir jedoch, wenn man die späten von Baudouin und Ščerba vorgebrachten Definitionen, die nach meiner Meinung oft ungenügend und ungenau sind, beiseite ließe, und wenn man nur das Wesentliche ihrer Systeme nähme, d. h. wie sie diese Systeme in die Praxis umgesetzt haben, so sähe man,

daß unsere heutigen Auffassungen (die von Jakobson und mir) die betreffenden Systeme eher weiter entwickeln als sie widerlegen» [36: 286]; см. также [39: 268, прим. 120]⁵⁶ – «Я все более удаляюсь от системы Бодуэна. [Это конечно неизбежно]. Мне кажется все-таки, что если обойти определения, предложенные Бодуэном и Щербой, [которые, на мой взгляд, часто недостаточны и неточны,] и если брать только «существенное» из их систем [т. е. как они применяли эти системы на практике,] будет видно, что наша сегодняшняя точка зрения (Якобсона и моя) продолжает развивать эти системы, не отменяя их» (цит. по [16: 330] с восполнениями).

Следует учесть то неизбежное обстоятельство, что в науке, как и в искусстве, заслуга предшественников очень часто оценивается исходя из собственной точки зрения, субъективно воспринимающей, интерпретирующей и нередко искажающей истинное положение дел. Глядя с вершины Пражской фонологической теории, нельзя не испытывать ощущение, что видные ученые, как, например, Н. Ф. Яковлев и его современники, занимают лишь предварительное (подготовительное) положение; в данной перспективе их значение существенно и незаслуженно снижается. Следовательно, в глазах западной лингвистики эти личности превращаются, в лучшем случае, во второстепенные фигуры на шахматной доске научных открытий, тогда как в российской традиции они по праву считаются героями отечественной лингвистики⁵⁷. Главная задача историков языкознания и заключается как раз в том, чтобы вернуть их на подобающее им место, вознеся их важные исследования и открытия на высокий пьедестал мировой науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Статья представляет собой расширенный и дополненный вариант доклада, прочитанного на пленарном заседании Международной конференции «Категории языка и мышления: аспекты современной интерпретации» (Петрозаводск, 8–10 сентября 2022 года).
- ² Ольденбург С. Ф. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму. 1818–1918 // Азиатский сборник. Из Известий Российской Академии Наук. Новая серия. Пг., 1918. С. 531 [Известия Российской Академии Наук. Серия VI. 1918. Т. XII, № 7] [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/journals/Melanges_Asiatiques_NS_1_1918_09_oldenburg.pdf (дата обращения 27.09.2022).
- ³ Яковлев Н. Ф. Таблицы фонетики кабардинского языка. М., 1923. С. 1.
- ⁴ Если Антуан Мейе (1866–1936) в отзыве о книге Н. Ф. Яковлева (Материалы для кабардинского словаря, выпуск I: Словарь односложных коренных слов и корней типа открытого слога. М., 1927) бегло отмечал, что ее автор не увлекается проблемами сравнительного языкознания – «il ne s'intéresse guère à la comparaison» (Bulletin de la Société linguistique de Paris. 1929. Т. 29. С. 239), по мнению учеников и последователей Н. Ф. Яковлева, «яркий дух историзма» пронизывает его синхронные описания [9: 363–364], так как он хорошо понимал, что «синхрония – источник исследования диахронического» [14: 214].
- ⁵ См., например, следующие похвальные высказывания о корифее советского языкознания: «Основанное на учении Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина, новое учение о языке Н. Я. Марра и его продолжателей является мощным оружием в борьбе за марксизм-ленинизм, за диалектический и исторический материализм, против идеалистической лженауки в области языкознания» [12: 285]; «Знаменитый советский ученый академик Николай Яковлевич Марр, на основе учения Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина, установил, что развитие речи у людей началось с того, что в древнейшие времена человек употреблял звуки в соеди-

- нении с ручной речью. Этим советский языковед положил начало всем нынешним научным объяснениям происхождения языка» [13: 10–11].
- ⁶ Эта теневая сторона в жизни и деятельности Н. Ф. Яковлева подробно описана в статье [1: 147–154].
- ⁷ Положительно оценивается «системный подход» автора при осмыслении соотношения между языковыми фактами в работе [9: 363].
- ⁸ Так высказывался голландский лингвист Аерт Х. Койперс (1919–2012) по поводу его грамматик адыгейского [26] и кабардино-черкесского языков [22]: «These books contain interesting ideas besides many Marrist aberrations, but they are not on a level with Jakovlev's brilliant work of the twenties» [41: 320].
- ⁹ Выборочную библиографию, состоящую из 23 позиций, составил Патрик Серио и выложил на странице Научно-исследовательского центра по истории и сравнительной эпистемологии языкознания Центральной и Восточной Европы (Centre de recherches en histoire et épistémologie comparée de la linguistique d'Europe centrale et orientale (CRECLECO), <http://crecleco.seriot.ch/recherche/ENCYCL%20LING%20RU/JAKOVLEV/Jakovlev.html>, 26.10.2022). Более полный список трудов Н. Ф. Яковлева готовится теперь Алексеем Викторовичем Андроновым, Вячеславом Андреевичем Чириковой и Витторио Спрингфилдом Томеллери (предварительную версию см.: http://genling.spbu.ru/lf/persons/Jakovlev_bibl.doc, 26.10.2022).
- ¹⁰ Если отождествлять фонологию с Пражским лингвистическим кружком, то условным годом ее рождения можно считать, вслед за мнением голландского лингвиста Николааса ван Вейка (1880–1941), 1928, когда на 1-м Международном конгрессе лингвистов были представлены ее принципы в пяти тезисах [7: 17].
- ¹¹ Это же мнение повторяла в своей монографии по истории фонологических теорий Эли Фишер-Йергенсен, которая таким образом, в отличие от многих своих западных коллег, упоминала Н. Ф. Яковлева, хотя лишь мимоходом и в связи с Московской фонологической школой: «In the start the Moscow group was strongly influenced by the works of N. F. JAKOVLEV (born 1892) who had developed a purely functional phoneme concept for the purpose of transcribing Caucasian dialects, and described this concept in articles published in 1923 and 1928. Jakovlev was influenced by Baudouin de Courtenay, but rejected the psychological approach» [29: 331].
- ¹² О Н. Ф. Яковлеве подробнее говорится в статье [35], ставшей мне доступной лишь во время корректуры.
- ¹³ Яковлев Н. Ф. Ингуши. Популярный очерк. М.; Л., 1925.
- ¹⁴ Яковлев Н. Ф. ГаллГай: популярни очерк. Владикавказ, 1930. Приношу искреннюю благодарность А. В. Андронову, указавшему мне на наличие этой публикации.
- ¹⁵ Яковлев Н. Ф. Таблицы фонетики кабардинского языка. М., 1923.
- ¹⁶ Яковлев Н. Ф. Математическая формула построения алфавита (Опыт практического приложения лингвистической теории) // Культура и письменность Востока: Сборник Всесоюзного Центрального Комитета Нового Тюркского Алфавита. Книга 1. М., 1928. С. 41–64.
- ¹⁷ Эта работа подвергается подробнейшему анализу в статье [33].
- ¹⁸ «Sehr gründliche Arbeit über die Phonetik des Hauptdialektes des Tscherkessischen» (Dirr A. Bücherbesprechungen // Caucasia. 1930. Т. 6, № 1. P. 71) – «Очень тщательная работа над фонетикой основного диалекта черкесского языка».
- ¹⁹ Лингвист, кавказовед и советский деятель, Л. И. Жирков в 1924 году стал сотрудником Н. Ф. Яковлева, возглавившего созданный в том же году Комитет по изучению языков и этнических культур Северного Кавказа [1: 141].
- ²⁰ Жирков Л. И. Труды подразряда исследования северокавказских языков при Институте Востоковедения в Москве. Вып. 1. Н. Яковлев. – Таблицы фонетики кабардинского языка. Москва. 1923, Стр. IV–112–5 табл. Вып. 2. Он же. – Словарь примеров к таблицам фонетики кабардинского языка. Москва. 1924. Стр. 104 // Новый Восток. Журнал Научной Ассоциации Востоковедения СССР. 1924. № 5. С. 441–442.
- ²¹ Trubetzkoy N. Trudy Podrazrjada issledovanija severno-kavkazskich jazykov pri Institute Vostokovedenija v Moskve. – (Travaux de la Section des langues du Caucase septentrional de l'Institut Oriental à Moscou). – № 1: N. Jakovlev, Tablicy fonetiki kabardinskogo jazyka (Tables phonétiques de la langue cabarde), Moscou, 1923. № 2: M. [sic!] Jakovlev, Slovarj primerov k tablicam fonetiki kabardinskogo jazyka (Glossaire des exemples aux tables phonétiques de la langue cabarde), Moscou, 1923. – № 3: L. Žirkov, Grammatika avarskogo jazyka (Grammaire de la langue awar), Moscou, 1924 // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. 1925. Т. 26, № 1–2. P. 277–286, <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k32167m/f455.item.r=trubetzkoy> (03.10.2022).
- ²² Trubetzkoy N. Trudy Podrazrjada issledovanija severno-kavkazskich jazykov pri Institute Vostokovedenija v Moskve. – (Travaux de la Section des langues du Caucase septentrional de l'Institut Oriental à Moscou). – № 1: N. Jakovlev, Tablicy fonetiki kabardinskogo jazyka (Tables phonétiques de la langue cabarde), Moscou, 1923. № 2: M. [sic!] Jakovlev, Slovarj primerov k tablicam fonetiki kabardinskogo jazyka (Glossaire des exemples aux tables phonétiques de la langue cabarde), Moscou, 1923. – № 3: L. Žirkov, Grammatika avarskogo jazyka (Grammaire de la langue awar), Moscou, 1924 // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. 1925. Т. 26, № 1–2. P. 278.
- ²³ Жирков Л. И. Труды подразряда исследования северокавказских языков при Институте Востоковедения в Москве. Вып. 1. Н. Яковлев. – Таблицы фонетики кабардинского языка. Москва. 1923, Стр. IV–112–5 табл. Вып. 2. Он же. – Словарь примеров к таблицам фонетики кабардинского языка. Москва. 1924. Стр. 104 // Новый Восток. Журнал Научной Ассоциации Востоковедения Союза ССР. 1924. № 5. С. 442.
- ²⁴ Н. Ф. Яковлев пользовался созданным им самим термином «фонемология». Именно как «Принципы фонемологии» и была переиздана теоретическая часть «Таблиц» в журнале «Вопросы языкознания» [25].

- ²⁵ Trubetzkoy N. Trudy Podrazrjada issledovanija severno-kavkazskich jazykov pri Institute Vostokovedenija v Moskve. – (Travaux de la Section des langues du Caucase septentrional de l’Institut Oriental à Moscou). – № 1: N. Jakovlev, Tablicy fonetiki kabardinskogo jazyka (Tables phonétiques de la langue cabarde), Moscou, 1923. № 2: M. [sic!] Jakovlev, Slovarj primerov k tablicam fonetiki kabardinskogo jazyka (Glossaire des exemples aux tables phonétiques de la langue cabarde), Moscou, 1923. – № 3: L. Žirkov, Grammatika avarskogo jazyka (Grammaire de la langue awar), Moscou, 1924 // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. 1925. T. 26, № 1–2. P. 278.
- ²⁶ Следует отметить, что спустя несколько лет Н. Ф. Яковлев, при защите нового алфавита, положенного в основу письменностей восточных народов СССР, выступил с ответом на заметку С. А. Врубеля (Врубель С. А. Унификация и латинизация // Культура и письменность Востока. Книга VII–VIII. М., 1931. С. 125–130), ясно выражая свои возражения против аналитического алфавита (Яковлев Н. Ф. «Аналитический» или «новый» алфавит? // Культура и письменность Востока. Кн. X. М., 1931. С. 43–60); см. об этом [14: 219–220], [7: 19] и, особенно, [49]. Практическую непригодность марровской транскрипции, неудобной уже для лингвистов, отмечал также А. Мейе в своей рецензии на «Материалы для кабардинского словаря» (1927): «Celle qu’emploie M. Marr n’est déjà pas commode pour les linguistes; pour la pratique, elle est en tout cas inutilisable» (Bulletin de la Société linguistique de Paris. 1929. T. 29. P. 239–241. С. 240). Об истории этой графической системы, которая впоследствии стала «абхазским аналитическим алфавитом», см. [18]; разгромная критика яфетидологической транскрипции Н. Я. Марра со стороны Евгения Дмитриевича Поливанова (1891–1938) была недавно издана по архивным материалам [3].
- ²⁷ Trubetzkoy N. Trudy Podrazrjada issledovanija severno-kavkazskich jazykov pri Institute Vostokovedenija v Moskve. – (Travaux de la Section des langues du Caucase septentrional de l’Institut Oriental à Moscou). – № 1: N. Jakovlev, Tablicy fonetiki kabardinskogo jazyka (Tables phonétiques de la langue cabarde), Moscou, 1923. № 2: M. [sic!] Jakovlev, Slovarj primerov k tablicam fonetiki kabardinskogo jazyka (Glossaire des exemples aux tables phonétiques de la langue cabarde), Moscou, 1923. – № 3: L. Žirkov, Grammatika avarskogo jazyka (Grammaire de la langue awar), Moscou, 1924 // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. 1925. T. 26, № 1–2. P. 280–281.
- ²⁸ Durr A. Bücherbesprechungen // Caucasia. 1930. T. 6, № 1. P. 72.
- ²⁹ Jakovlev N. Kurze Übersicht über die tscherkessischen (adygeischen) Dialekte und Sprachen // Caucasia. 1930. T. 6, № 1. P. 1–19 (перевод Адольфа Дирра).
- ³⁰ Немецкоязычный оригинал: «Phonologische Einheiten, die sich vom Standpunkt der betreffenden Sprache nicht in noch kürzere aufeinanderfolgende phonologische Einheiten zerlegen lassen, nennen wir Phoneme» (Trubetzkoy N. Grundzüge der Phonologie. Prague, 1939. С. 34). Важность понятия оппозиции при определении фонемы отмечалась им и раньше: «Le phonème est le terme d’une opposition phonologique non susceptible d’être dissociée en unités phonologiques plus petites et plus simples» (Trubetzkoy N. Essai d’une théorie des oppositions phonologiques // Journal de psychologie normale et pathologique. 1936. T. 33. P. 5–18, <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k9657226r.texteImage> (05.10.2022). С. 6–7) – «фонема – это член фонологической оппозиции, неспособный быть разложенным на более простые фонологические единицы» (русский перевод по: [16: 336]).
- ³¹ Trubetzkoy N. Grundzüge der Phonologie. Prague, 1939. С. 37 = [19: 47]. Отделяя фонетику от фонологии, Н. С. Трубецкой установил предмет последней в терминах ассоциативной психологии: «Im Gegensatz zur Phonetik, die eine Naturwissenschaft ist und sich mit den Lauten der menschlichen Rede befaßt, hat die Phonologie die Phoneme oder Lautvorstellungen der menschlichen Sprache zum Gegenstand und ist demnach ein Teil der Sprachwissenschaft. Phonologie gehört zur Grammatik ebenso wie Morphologie und Syntax» (Trubetzkoy N. Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme // Mélanges linguistiques dédiées au Premier congrès des philologues slaves. Prague, 1929. P. 39, <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k92445c.image> (05.10.2022)) – «В отличие от фонетики, которая является естественной наукой и занимается звуками человеческой речи, фонология изучает фонемы или звукопредставления человеческой речи и, следовательно, является частью лингвистики. Фонология принадлежит к грамматике, как и морфология и синтаксис».
- ³² Следует здесь обратить внимание на досадную ошибку в переиздании 1983 года, где вместо теоретически и терминологически центрального имени прилагательного «фонемологических» напечатано «фонетических» [25: 128].
- ³³ Яковлев Н. Ф. Таблицы фонетики кабардинского языка. М., 1923. С. 66. См. также [14: 212]; в данном пассаже намечается «системно-функциональный подход к явлениям языка» [7: 22].
- ³⁴ Яковлев Н. Ф. Математическая формула построения алфавита (Опыт практического приложения лингвистической теории) // Культура и письменность Востока. Сборник Всесоюзного Центрального Комитета Нового Тюркского Алфавита, книга 1. М., 1928. С. 41–64. Эта работа стала классикой отечественной фонологии, войдя в хрестоматию, подготовленную А. А. Реформатским, которая ею и открывается [17: 123–148].
- ³⁵ Trubetzkoy N. Grundzüge der Phonologie. Prague, 1939. С. 34, прим. 2 = [19: 43, прим. 1].
- ³⁶ Яковлев Н. Ф. Математическая формула построения алфавита (Опыт практического приложения лингвистической теории) // Культура и письменность Востока: Сборник Всесоюзного Центрального Комитета Нового Тюркского Алфавита. Книга 1. М., 1928. С. 46.
- ³⁷ Яковлев Н. Ф. Материалы для кабардинского словаря, выпуск I: Словарь односложных коренных слов и корней типа открытого слога. М., 1927. С. XXXIX.
- ³⁸ Яковлев Н. Ф. Материалы для кабардинского словаря, выпуск I: Словарь односложных коренных слов и корней типа открытого слога. М., 1927. С. XLII.

- ³⁹ Яковлев Н. Ф. Математическая формула построения алфавита (Опыт практического приложения лингвистической теории) // Культура и письменность Востока. Сборник Всесоюзного Центрального Комитета Нового Тюркского Алфавита, книга 1. М., 1928. С. 44; см. также [14: 217].
- ⁴⁰ Яковлев Н. Ф. Математическая формула построения алфавита (Опыт практического приложения лингвистической теории) // Культура и письменность Востока. Сборник Всесоюзного Центрального Комитета Нового Тюркского Алфавита, книга 1. М., 1928. С. 44. Как отмечалось в научной литературе, «концентрация внимания на той стороне теории фонем, которая необходима для создания письма, – характерная черта его фонологической концепции» [9: 366].
- ⁴¹ Хаджиев А. Об унификации горских алфавитов // Революция и горец. 1930. Т. 4 (18). С. 49.
- ⁴² Немецкоязычный оригинал: «...kommt überhaupt gar keine Funktion zu; sie ersetzen einander ganz willkürlich, ohne daß dabei die Kundgabenfunktion oder die Auslösefunktion der Rede irgendwie geändert würde» (Trubeckoj N. Grundzüge der Phonologie. Prague, 1939. С. 43).
- ⁴³ Подобные недочеты «Основ» объясняются тем, что из-за преждевременной смерти автора текст не был окончательно отредактирован. Посмертное издание текста на немецком языке осуществилось спустя один год после кончины автора (1939).
- ⁴⁴ Яковлев Н. Ф. Таблицы фонетики кабардинского языка. М., 1923. С. 82, прим. 1.
- ⁴⁵ Яковлев Н. Ф. Таблицы фонетики кабардинского языка. М., 1923. С. 83; см. также [14: 213].
- ⁴⁶ Яковлев Н. Ф. Таблицы фонетики кабардинского языка. М., 1923. С. 21; Trubetzkoy N. Grundzüge der Phonologie. Prague, 1939. С. 121 = [19: 150].
- ⁴⁷ «Надгортанная экспирация имеет своим источником запас воздуха в полостях рта, зева и верхней части гортани (от голосовой щели до верхнего выходного отверстия), а роль органа, производящего выдыхание, играет сомкнутая наглухо и в междухрящевой, и в междувязочной своей части гортанная щель (“glottis” Sievers’a) более или менее энергичным подъемом кверху, как поршнем, компрессирующая воздух в выше лежащих полостях и дающая, таким образом, возможность акустически использовать созданную компрессию (эта экспираторная работа гортани правильно описана на основании фактов грузинской и армянской фонетики Sievers’ом, см. § 365)» (Яковлев Н. Ф. Таблицы фонетики кабардинского языка. М., 1923: 23–24, со ссылкой на пятое издание работы Sievers E. Grundzüge der Phonetik zur Einführung in das Studium der Lautlehre der indogermanischen Sprachen, fünfte verbesserte Auflage (Bibliothek indogermanischer Grammatiken 1). Leipzig, 1901. С. 141).
- ⁴⁸ Trubetzkoy N. Grundzüge der Phonologie. Prague, 1939. С. 140 = [19: 174].
- ⁴⁹ Trubetzkoy N. Grundzüge der Phonologie. Prague, 1939. С. 146 = [19: 182]; Яковлев Н. Ф. Таблицы фонетики кабардинского языка. М., 1923. С. 89.
- ⁵⁰ Trubetzkoy N. Grundzüge der Phonologie. Prague, 1939. С. 217.
- ⁵¹ Яковлев Н. Ф. Таблицы фонетики кабардинского языка. М., 1923. С. 80.
- ⁵² Яковлев Н. Ф. Таблицы фонетики кабардинского языка. М., 1923. С. 70.
- ⁵³ Trubetzkoy N. Grundzüge der Phonologie. Prague, 1939. С. 250 = [19: 311].
- ⁵⁴ Якобсон Р. О. О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским (Сборники по теории поэтического языка 5, 1). Берлин, 1923. С. 29.
- ⁵⁵ Единственным обобщающим изложением являлась, по всей видимости, его работа «Теория фонем», принятая к изданию в 1928–1929 годах, но по каким-то причинам не увидевшая света [1: 143]. Трудно, однако, согласиться с тем, что, «...если бы она была своевременно издана, она могла бы иметь для науки не меньшее значение, чем всемирно известные “Основы фонологии” Трубецкого, появившиеся позже» [1: 143]; см. также в таком же духе [7: 30].
- ⁵⁶ Ошибки И. А. Бодуэна и его школы Н. С. Трубецкой возводил к чрезмерному влиянию историзма и фонетическому восприятию фонемы [36: 286].
- ⁵⁷ «Николай Феофанович Яковлев вошел в историю отечественной науки и культуры не только как кавказовед, но и как специалист по теоретической и прикладной лингвистике» [4: 179].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов В. М. Дважды умерший // Алпатов В. М. Языковеды, востоковеды, историки. М., 2012. С. 137–157.
- Алпатов В. М. Николай Феофанович Яковлев // Отечественные лингвисты XX века / Отв. ред. В. В. Потапов. М., 2016. С. 773–779.
- Андронов А. В., Симонато Е. И., Томеллери В. С. Евгений Дмитриевич Поливанов, Абхазский аналитический алфавит. Издание текста с переводом на английский язык // Studi Slavistici. 2017. Т. 14. С. 191–252 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://oaj.fupress.net/index.php/ss/article/view/2405> (дата обращения 03.10.2022).
- Габуниа З. М. Очерки по истории кавказского языкознания. Книга вторая. Нальчик, 2020. 592 с.
- Дешериев Ю. Д. Н. Ф. Яковлев и развитие советского языкознания в 20–40-х годах XX в. // Н. Ф. Яковлев и советское языкознание: Сборник научных трудов / Отв. ред. Ю. Д. Дешериев. М., 1988. С. 7–16.

6. Дешериев Ю. Д., Климов Г. А. Предисловие // Н. Ф. Яковлев и советское языкознание: Сборник научных трудов / Отв. ред. Ю. Д. Дешериев. М., 1988. С. 3–6.
7. Журавлев В. К. Н. Ф. Яковлев и фонология // Н. Ф. Яковлев и советское языкознание: Сборник научных трудов / Отв. ред. Ю. Д. Дешериев. М., 1988. С. 16–31.
8. Калимова Г. А. Библиография работ Н. Ф. Яковлева // Н. Ф. Яковлев и советское языкознание: Сборник научных трудов / Отв. ред. Ю. Д. Дешериев. М., 1988. С. 48–52.
9. Климов Г. А., Панов М. В., Реформатский А. А. Из истории отечественного языкознания 20–40-х годов. Н. Ф. Яковлев (1892–1974) // Известия Академии Наук СССР. Серия литературы и языка. 1975. Т. 34, № 4. С. 362–367 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1975/04/754-362.htm> (дата обращения 03.11.2022). (Перепечатано в кн. [15: 707–714]).
10. Концевич Л. Р. Николай Феофанович Яковлев (К 75-летию со дня рождения) // Известия Академии Наук СССР. Серия литературы и языка. 1967. Т. 26, № 6. С. 557–560 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1967/06/676-557.htm> (дата обращения 04.11.2022).
11. Никольский В. К., Яковлев Н. Ф. Как люди научились говорить. М., 1945. 39 с.
12. Никольский В. К., Яковлев Н. Ф. Основные положения материалистического учения Н. Я. Марра о языке // Вопросы философии. 1949. Т. 1 (6). С. 265–285.
13. Никольский В. К., Яковлев Н. Ф. Как возникла человеческая речь. М., 1949. 62 с.
14. Панов М. В. Теория фонем Н. Ф. Яковлева и создание новых письменностей в СССР // Народы Азии и Африки. 1974. № 4. С. 210–223.
15. Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. М., 2007. 842 с.
16. Реформатский А. А. Н. С. Трубецкой и его «Основы фонологии» // Трубецкой Н. С. Основы фонологии / Пер. с нем. А. А. Холодовича, ред. С. Д. Кацнельсона, послесл. А. А. Реформатского. М., 1960. С. 326–361.
17. Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. Очерк: Хрестоматия. М., 1970. 527 с.
18. Томелери В. С. Абхазский аналитический алфавит академика Н. Я. Марра. Эволюция, революция и языковое строительство // *Revue des Études Slaves*. 2017. Т. 88, № 1–2. С. 69–95 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://journals.openedition.org/res/940> (дата обращения 03.10.2022).
19. Трубецкой Н. С. Основы фонологии / Пер. с нем. А. А. Холодовича, ред. С. Д. Кацнельсона, послесл. А. А. Реформатского. М., 1960. 371 с.
20. Чикобава А. С. О некоторых вопросах советского языкознания // Правда. 1950. № 129 (11601). 9 мая. С. 3–5.
21. Яковлев Н. Ф. Древние языковые связи Европы, Азии и Америки // Известия Академии Наук СССР. Серия литературы и языка. 1946. Т. 5, № 2. С. 141–148 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1946/02/462-141.htm> (дата обращения 02.11.2022).
22. Яковлев Н. Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.; Л., 1948. 371 с.
23. Яковлев Н. Ф. Академик Н. Я. Марр как гражданин и ученый (К 15-летию со дня смерти акад. Н. Я. Марра) // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. 1949. Т. 5. С. 17–50.
24. Яковлев Н. Ф. Преодолеем ошибки в своей работе // Правда. 1950. № 185 (11657). 4 июля. С. 4.
25. Яковлев Н. Ф. [Принципы фонемологии] // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 128–134 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vja.ruslang.ru/archive/1983-6.pdf> (дата обращения 03.10.2022).
26. Яковлев Н. Ф., Ашхамаф Д. А. Грамматика адыгейского литературного языка. М.; Л., 1941. 464 с.
27. Albano Leoni F. Dei suoni e dei sensi. Il volto fonico delle parole. Bologna, 2009. 242 p.
28. Ašnin F. D., Alpatov V. M. Nikolaj Feofanovič Jakovlev (1892–1974) // *Histoire Épistémologie Langage*. 1995. Т. 17, № 2. Р. 147–161 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.persee.fr/doc/hel_0750-8069_1995_num_17_2_2416 (дата обращения 26.10.2022).
29. Fischer-Jørgensen E. Trends in phonological theory. A historical introduction. Copenhagen, 1975. XXIII, 474 p.
30. Harris Z. Review of Trubetzkoy 1939 // *Language*. 1941. Vol. 17, № 4. P. 345–349 (перепечатано в [31: 706–711]).
31. Harris Z. Papers in structural and transformational linguistics. Dordrecht, 1970. X, 850 p.
32. Häusler F. Das Problem Phonetik und Phonologie bei Baudouin de Courtenay und in seiner Nachfolge. Halle, 1968. 161 p.
33. van Helden W. A. Jakovlev's magic formula and the linotype // Dutch contributions to the Fifteenth International Congress of Slavists (Minsk, August 20–27, 2013). *Linguistics / E. Fortuin et al. (Eds.) (Studies in Slavic and General Linguistics 40)*. Amsterdam; New York, 2013. P. 59–107.
34. van der Hulst H. Discoverers of the phoneme // *The Oxford handbook of the history of linguistics / K. Allan (Ed.)*. Oxford, 2013. P. 167–190.
35. Ioasad P. Phonology in the Soviet Union // *The Oxford history of phonology / B. E. Drescher and H. van der Hulst (Eds.)*. Oxford, 2022. P. 309–330.
36. Jakobson R. Autobiographische Notizen von N. S. Trubetzkoy // *Trubetzkoy N. S. Grundzüge der Phonologie*. Göttingen, 1971⁵ (1958¹). P. 273–288.

37. Jakobson R. N. S. Trubetzkoy's letters and notes / Prepared for publication by Roman Jakobson with the assistance of H. Baran, O. Ronen, and M. Taylor (Janua Linguarum, Series Maior, 47). The Hague-Paris, 1975. XXIII, 506 p.
38. Koerner E. F. K. Zu Ursprung und Entwicklung des Phonembegriffs. Eine historische Notiz // Sprache in Gegenwart und Geschichte. Festschrift für Heinrich Matthias Heinrichs zum 65. Geburtstag / D. Hartmann, H. Linke & O. Ludwig (Hrsgg.). Köln; Wien, 1978. P. 82–93.
39. Kohrt M. Problemgeschichte des Graphembegriffs und des frühen Phonembegriffs (Germanistische Linguistik 61). Tübingen, 1985. X, 518 p.
40. Kuipers A. H. Phoneme and morpheme in Kabardian (Eastern Adyghe) (Janua linguarum 8). The Hague, 1960. 124 p.
41. Kuipers A. H. Caucasian // Current trends in linguistics. Volume 1: Soviet and East European linguistics / Edited by Th. A. Sebeok. The Hague; Paris; New York, 1963. P. 315–344.
42. Martinet A. Préface // Trubetzkoy N. Principes de phonologie / Traduits par J. Cantineau. Paris, 1949. P. IX–XI.
43. Mazzuoli Porru G. Presentazione // Trubeckoj N. S. Fondamenti di fonologia / Edizione italiana a cura di G. Mazzuoli Porru. Torino, 1971. P. XI–XVI.
44. McCarthy J. J. Phonology // International encyclopedia of linguistics, second edition / W. Frawley (Ed.). Oxford, 2003. P. 327–330 [Электронный ресурс]. Режим доступа https://works.bepress.com/john_j_mccarthy/81/ (дата обращения 24.11.2022).
45. Molchanova O. T. Jakovlev, Nikolaj Feofanovič (1892–1974) // Encyclopedia of language & linguistics, second edition. Vol. 6 / K. Brown (Ed.). Amsterdam et al., 2006. P. 88.
46. Munot Ph. Note au sujet des précurseurs de la phonologie // Word. 1967. T. 23, № 1–3. P. 414–421.
47. Nikol'skij W. K., Jakowlew N. F. Wie die Menschen sprechen lernten. Wien, 1950. 54 p.
48. Simonato E. 'Social phonology' in the USSR in the 1920s // Studies in East European Thought. 2008. Vol. 60, № 4. P. 339–347.
49. Simonato-Kokochkina E. Alphabet «chauvin» ou alphabet «nationaliste»? // Le discours sur la langue sous les régimes autoritaires / numéro édité par P. Sériot et A. Tabouret-Keller (Cahiers de l'Institut de linguistique et des sciences du langage 17). Lausanne, 2004. P. 261–275 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.unil.ch/files/live/sites/clsl/files/shared/CILSL17.pdf> (дата обращения 26.10.2022).
50. Tomelleri V. S. Nikolaj Feofanovič Jakovlev e la "nascita" della fonologia: fra linguistica applicata e caucologia // Ubi homo, ibi lingua. Studi in onore di Maria Patrizia Bologna, a cura di Laura Biondi, Francesco Dedè, Andrea Scala (con la collaborazione di Chiara Meluzzi e Massimo Vai). Alessandria: Edizioni Dell'Orso, 2022. P. 1359–1371.

Поступила в редакцию 16.11.2022; принята к публикации 28.04.2023

Original article

Vittorio S. Tomelleri, Dr. Sc. (Philology), Professor of Slavic Philology, University of Turin (Turin, Italy), Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID ID 0000-0001-7513-7587; Springfield66@hotmail.com

NIKOLAY FEOFANOVICH YAKOVLEV'S PHONOLOGICAL THEORY AND ITS RECEPTION IN WESTERN LINGUISTICS

Abstract. The article discusses the question of why the name of Nikolay Feofanovich Yakovlev (1892–1974) is almost never found in Western linguistic literature with respect to the history of phonological research. A number of factors seem to have led to this unfortunate circumstance, which will be briefly taken here in consideration. Along with the language barrier, special attention should be paid to the erratic and rather applied character of his theoretical reflections, which were primarily used to create alphabets for the unwritten languages (not only) of the Caucasus as part of the Soviet language policy, as well as his moderate interest in Marr's theory. No less important is the fact that the positions of the Prague Linguistic Circle, as they are set out in Nikolay Sergeevich Trubetzkoy's *Fundamentals of Phonology* (1939), somehow negatively affected the reception of Nikolay Yakovlev in the West.

Key words: history of Russian and Soviet linguistics, phonology, N. F. Yakovlev, western linguistics, Prague Linguistic Circle

Acknowledgements. The author is deeply grateful to his colleague and friend Alexey Viktorovich Andronov (St. Petersburg) for his valuable comments and suggestions, both substantial and formal.

For citation: Tomelleri, V. S. Nikolay Feofanovich Yakovlev's phonological theory and its reception in western linguistics. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(5):74–88. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.923

REFERENCES

1. Alpatov, V. M. Twice dead. *Alpatov, V. M. Linguists, orientalists, and historians*. Moscow, 2012. P. 137–157. (In Russ.)
2. Alpatov, V. M. Nikolay Feofanovich Yakovlev. *Russian linguists of the twentieth century*. (V. V. Potapov, Ed.). Moscow, 2016. P. 773–779. (In Russ.)
3. Andronov, A. V., Simonato, E. I., Tomelleri, V. S. Evgeniy Dmitrievich Polivanov: The Abkhaz analytical alphabet. Text edition with an English translation. *Studi Slavistici*. 2017;14:191–252. Available at: <https://oaj.fupress.net/index.php/ss/article/view/2405> (accessed 03.10.2022). (In Russ.)
4. Gabunia, Z. M. Essays on the history of Caucasian linguistics. Book two. Nalchik, 2020. 592 p. (In Russ.)
5. Desheriev, Yu. D. N. F. Yakovlev and the development of Soviet linguistics in the 1920s–40s. *N. F. Yakovlev and Soviet linguistics: Collection of research papers*. (Yu. D. Desheriev, Ed.). Moscow, 1988. P. 7–16. (In Russ.)
6. Desheriev, Yu. D., Klimov, G. A. Preface. *N. F. Yakovlev and Soviet linguistics: Collection of research papers*. (Yu. D. Desheriev, Ed.). Moscow, 1988. P. 3–6. (In Russ.)
7. Zhuravlev, V. K. N. F. Yakovlev and phonology. *N. F. Yakovlev and Soviet linguistics: Collection of research papers*. (Yu. D. Desheriev, Ed.). Moscow, 1988. P. 16–31. (In Russ.)
8. Kalimova, G. A. Bibliography of works by N. F. Yakovlev. *N. F. Yakovlev and Soviet linguistics: Collection of research papers*. (Yu. D. Desheriev, Ed.). Moscow, 1988. P. 48–52. (In Russ.)
9. Klimov, G. A., Panov, M. V., Reformatsky, A. A. From the history of Russian linguistics of the 1920s–40s. N. F. Yakovlev (1892–1974). *Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Literature and Language Series*. 1975;34(4):362–367. Available at: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1975/04/754-362.htm> (accessed 03.11.2022) (reprinted in [15: 707–714]). (In Russ.)
10. Kontsevich, L. R. Nikolay Feofanovich Yakovlev (celebrating his 75th birth anniversary). *Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Literature and Language Series*. 1967;26(6):557–560. Available at: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1967/06/676-557.htm> (accessed 04.11.2022). (In Russ.)
11. Nikolsky, V. K., Yakovlev, N. F. How people learned to speak. Moscow, 1945. 39 p. (In Russ.)
12. Nikolsky, V. K., Yakovlev, N. F. The basic tenets of Marr's materialistic teaching on language. *Voprosy Filosofii*. 1949;1(6):265–285. (In Russ.)
13. Nikolsky, V. K., Yakovlev, N. F. How human speech came into existence. Moscow, 1949. 62 p. (In Russ.)
14. Panov, M. V. The phoneme theory of N. F. Yakovlev and the creation of new scripts in the USSR. *Peoples of Asia and Africa*. 1974;4:210–223. (In Russ.)
15. Panov, M. V. Works on general linguistics and the Russian language. Vol. 2. Moscow, 2007. 842 p. (In Russ.)
16. Reformatsky, A. A. N. S. Trubetskoy and his *Fundamentals of Phonology*. *Trubetskoy, N. S. Fundamentals of phonology*. (A. A. Kholodovich, Transl., S. D. Katznelson, Ed., A. A. Reformatsky, Afterword). Moscow, 1960. P. 326–361. (In Russ.)
17. Reformatsky, A. A. From the history of Russian phonology. Essay. Anthology. Moscow, 1970. 527 p. (In Russ.)
18. Tomelleri, V. S. The Abkhaz analytical alphabet of N. Ja. Marr. Evolution, revolution, and language construction. *Revue des Études Slaves*. 2017;88(1-2):69–95. Available at: <https://journals.openedition.org/res/940> (accessed 03.10.2022). (In Russ.)
19. Trubetskoy, N. S. Fundamentals of phonology. (A. A. Kholodovich, Transl., S. D. Katznelson, Ed., A. A. Reformatsky, Afterword). Moscow, 1960. 371 p. (In Russ.)
20. Chikobava, A. S. Some questions on Soviet linguistics. *Pravda*. 1950;129(11601):3–5. (In Russ.)
21. Yakovlev, N. F. Ancient linguistic relations of Europe, Asia, and America. *Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Literature and Language Series*. 1946;5(2):141–148. Available at: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1946/02/462-141.htm> (accessed 02.11.2022).
22. Yakovlev, N. F. Grammar of the literary Kabardino-Circassian language. Moscow, Leningrad, 1948. 371 p. (In Russ.)
23. Yakovlev, N. F. Academician N. J. Marr as a citizen and scientist (commemorating the 15th death anniversary of Acad. N. J. Marr). *Scientific Notes of the Kabardian Research Institute*. 1949;5:17–50. (In Russ.)
24. Yakovlev, N. F. Let's overcome the mistakes in our work. *Pravda*. 1950;185(11657):4. (In Russ.)
25. Yakovlev, N. F. Principles of phonemology. *Topics in the Study of Language*. 1983;6:128–134. Available at: <https://vja.ruslang.ru/archive/1983-6.pdf> (accessed 03.10.2022). (In Russ.)
26. Yakovlev, N. F., Ashkhamaf, D. A. Grammar of the Adyghe literary language. Moscow; Leningrad, 1941. 464 p. (In Russ.)
27. Albano, Leoni F. Dei suoni e dei sensi. Il volto fonico delle parole. Bologna, 2009. 242 p.
28. Ašnin, F. D., Alpatov, V. M. Nikolaj Feofanovič Jakovlev (1892–1974). *Histoire Épistémologie Langage*. 1995;17(2):147–161. Available at: https://www.persee.fr/doc/hel_0750-8069_1995_num_17_2_2416 (accessed 26.10.2022).
29. Fischer-Jørgensen, E. Trends in phonological theory. A historical introduction. Copenhagen, 1975. XXIII, 474 p.
30. Harris, Z. Review of Trubetzkoy 1939. *Language*. 1941;17(4):345–349 (reprinted in [31: 706–711]).
31. Harris, Z. Papers in structural and transformational linguistics. Dordrecht, 1970. X, 850 p.

32. Häusler, F. Das Problem Phonetik und Phonologie bei Baudouin de Courtenay und in seiner Nachfolge. Halle, 1968. 161 p.
33. van Helden, W. A. Jakovlev's magic formula and the linotype. *Dutch contributions to the Fifteenth International Congress of Slavists (Minsk, August 20–27, 2013). Linguistics.* (E. Fortuin et al., Eds.). (Studies in Slavic and General Linguistics 40). Amsterdam; New York, 2013. P. 59–107.
34. van der Hulst, H. Discoverers of the phoneme. *The Oxford handbook of the history of linguistics.* (K. Allan, Ed.). Oxford, 2013. P. 167–190.
35. Ioasad, P. Phonology in the Soviet Union. *The Oxford history of phonology.* (B. E. Dresher, H. van der Hulst, Eds.). Oxford, 2022. P. 309–330.
36. Jakobson, R. Autobiographische Notizen von N. S. Trubetzkoy. *Trubetzkoy N. S. Grundzüge der Phonologie.* Göttingen, 1971⁵ (1958¹). P. 273–288.
37. Jakobson, R. N. S. Trubetzkoy's Letters and notes. (R. Jakobson, H. Baran, O. Ronen, M. Taylor, Eds.) (Janua Linguarum, Series Maior, 47). The Hague-Paris, 1975. XXIII, 506 p.
38. Koerner, E. F. K. Zu Ursprung und Entwicklung des Phonembegriffs. Eine historische Notiz. *Sprache in Gegenwart und Geschichte. Festschrift für Heinrich Matthias Heinrichs zum 65. Geburtstag.* (D. Hartmann, H. Linke, O. Ludwig, Hrsgg.). Köln; Wien, 1978. P. 82–93.
39. Kohrt, M. Problemgeschichte des Graphembegriffs und des frühen Phonembegriffs (Germanistische Linguistik 61). Tübingen, 1985. X, 518 p.
40. Kuipers, A. H. Phoneme and morpheme in Kabardian (Eastern Adyghe) (Janua linguarum 8). The Hague, 1960. 124 p.
41. Kuipers, A. H. Caucasian. *Current Trends in linguistics.* Volume 1: Soviet and East European linguistics. (Th. A. Sebeok, Ed.). The Hague; Paris; New York, 1963. P. 315–344.
42. Martinet, A. Préface. *Trubetzkoy N. Principes de phonologie.* (Traduits par J. Cantineau). Paris, 1949. P. IX–XI.
43. Mazzuoli, Porru G. Presentazione. *Trubeckoj N. S. Fondamenti di fonologia.* (Edizione italiana a cura di G. Mazzuoli Porru). Torino, 1971. P. XI–XVI.
44. McCarthy, J. J. Phonology. *International encyclopedia of Linguistics.* (W. Frawley, Ed.). Oxford, 2003. P. 327–330. Available at: https://works.bepress.com/john_j_mccarthy/81/ (accessed 24.11.2022).
45. Molchanova, O. T. Jakovlev, Nikolaj Feofanovič (1892–1974). *Encyclopedia of language & linguistics.* Volume 6. (K. Brown, Ed.). Amsterdam et al., 2006. P. 88.
46. Munot, Ph. Note au sujet des précurseurs de la phonologie. *Word.* 1967;23(1–3):414–421.
47. Nikol'skij, W. K., Jakowlew, N. F. Wie die Menschen sprechen lernten. Wien, 1950. 54 p.
48. Simonato, E. 'Social phonology' in the USSR in the 1920s. *Studies in East European Thought.* 2008;60(4):339–347.
49. Simonato-Kokochkina, E. Alphabet "Chauvin" ou alphabet "nationaliste"? *Le discours sur la langue sous les régimes autoritaires.* (Numéro édité par P. Sériot et A. Tabouret-Keller). (Cahiers de l'Institut de linguistique et des sciences du langage 17). Lausanne, 2004. P. 261–275. Available at: <https://www.unil.ch/files/live/sites/clsl/files/shared/CILSL17.pdf> (accessed 26.10.2022).
50. Tomelléri, V. S. Nikolaj Feofanovič Jakovlev e la "nascita" della fonologia: fra linguistica applicata e caucologia. *Ubi homo, ibi lingua. Studies on Maria Patrizia Bologna,* a cura di Laura Biondi, Francesco Dedè, Andrea Scala (with the collaboration of Chiara Meluzzi and Massimo Vai). Alessandria, 2022. P. 1359–1371.

Received: 16 November 2022; accepted: 28 April 2023

ИРИНА СЕРГЕЕВНА КИПЯТКОВА

кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории речевых и многомодальных интерфейсов

Санкт-Петербургский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-1264-4458; kipyatkova@iias.spb.su

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА РОДИОНОВА

кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории речевых и многомодальных интерфейсов

Санкт-Петербургский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-5645-9441; santrar@krc.karelia.ru

ИЛЬДАР АМИРОВИЧ КАГИРОВ

научный сотрудник лаборатории речевых и многомодальных интерфейсов

Санкт-Петербургский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-1196-1117; kagirov@iias.spb.su

АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ КРИЖАНОВСКИЙ

кандидат технических наук, научный сотрудник лаборатории речевых и многомодальных интерфейсов

Санкт-Петербургский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-3717-2079; andrew.krizhanovsky@gmail.com

ПОДГОТОВКА РЕЧЕВЫХ И ТЕКСТОВЫХ ДАННЫХ ДЛЯ СОЗДАНИЯ СИСТЕМЫ АВТОМАТИЧЕСКОГО РАСПОЗНАВАНИЯ КАРЕЛЬСКОЙ РЕЧИ

А н н о т а ц и я . Описывается процесс сбора и подготовки языковых материалов по ливвиковскому наречию карельского языка, необходимых для обучения системы автоматического преобразования карельской речи в текстовую форму. Актуальность создания подобных технологий для карельского языка обусловлена его статусом малоресурсного языка, что является серьезным препятствием для изучения и сохранения. Основной задачей на текущем этапе исследования является первичный сбор и аннотация речевого и текстового корпусов, а также создание словаря транскрипций. В состав речевого корпуса вошли аудиозаписи 15 дикторов (6 мужчин и 9 женщин). Аудиозаписи расшифрованы и сегментированы на отдельные фразы. Объем речевого корпуса после удаления не подходящих для использования фрагментов составил 3,5 часа. Объем текстового корпуса после обработки и удаления повторяющихся предложений составил более 5 миллионов словоупотреблений. На базе собранного текстового корпуса был сформирован словарь для системы распознавания карельской речи. Для всех слов, вошедших в словарь, были автоматически созданы фонематические транскрипции. В дальнейшей работе собранные текстовые и речевые данные будут использоваться для обучения и тестирования системы автоматического распознавания речи на ливвиковском наречии карельского языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а : карельский язык, ливвиковское наречие, автоматическая обработка естественного языка, обучение системы распознавания речи, наборы данных, корпусная лингвистика

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-21-00843 «Автоматическое распознавание речи для малоресурсных языков России (на примере карельского языка)».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Кипяткова И. С., Родионова А. П., Кагиров И. А., Крижановский А. А. Подготовка речевых и текстовых данных для создания системы автоматического распознавания карельской речи // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 5. С. 89–98. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.924

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении последних нескольких десятилетий наблюдается рост числа исследований, посвященных автоматической обработке малоресурсных языков [16]. Факт отсутствия развитых речевых технологий для подобных языков неоднократно становился предметом обсуждения в научном сообществе [11], [21], однако в силу объективных причин [5] работа по приложению современных технологий обработки естественного языка к материалу малоресурсных языков еще далека от завершения.

С 2022 года сотрудниками СПб ФИЦ РАН (г. Санкт-Петербург, Россия) ведутся исследования по разработке системы автоматического распознавания речи для малоресурсных языков России на примере карельского языка. Карельский язык относится к прибалтийско-финской группе финно-угорских языков. На 2020 год карельским языком в России в какой-либо степени владело около 14 тысяч человек¹, и на сегодняшний день от 11 до 20 тысяч человек в Финляндии говорят по-карельски или понимают этот язык [23]. Типологически карельский язык относится к агглютинативным языкам, современная карельская письменность основана на латинице. Принято выделять три основных наречия карельского языка: собственно-карельское, ливвиковское и людиковское [3: 19], [23]. Наиболее близки к карельскому в генетическом плане ижорский и вепсский языки, а также восточные диалекты финского языка; существует точка зрения, согласно которой ливвиковское и людиковское наречия сформировались под сильным влиянием вепсского языка [1], [2: 44], [15]. На территории России карельский язык распространен в Республике Карелия, а также в Тверской, Ленинградской и Мурманской областях. История художественной литературы на карельском языке насчитывает более века, сегодня существуют СМИ на карельском языке (например, газета «Oта Муа»). Поскольку на данный момент ливвиковское наречие является самым распространенным [20: 20], широко представленным в большей части современных изданий на карельском и СМИ, авторами настоящей статьи было принято решение создать систему автоматического преобразования речи в текстовую форму именно для ливвиковского наречия.

Полученные в ходе проекта решения могут иметь определенную значимость для создания автоматических систем транскрибирования не только для карельского, но и для других ма-

лоресурсных языков, в том числе систем автоматического распознавания речи и машинного перевода. Кроме того, разработка технологий автоматической обработки языка может способствовать исследованиям карельского языка, предоставляя исследователям эффективный инструмент для записи и обработки карельского языкового материала.

УСТРОЙСТВО СИСТЕМЫ АВТОМАТИЧЕСКОГО РАСПОЗНАВАНИЯ РЕЧИ

Прежде чем перейти к описанию собственно языкового материала, собранного для обучающего корпуса, следует дать краткое описание того, что представляют собой системы автоматического распознавания речи и какие данные нужны для их обучения. Можно сказать, что автоматическое распознавание речи – это представление непрерывного речевого сигнала, поступающего от диктора через микрофон или из предварительно записанной базы данных в виде последовательности слов, которая ему соответствует. На рис. 1 представлена упрощенная схема стандартной системы распознавания речи.

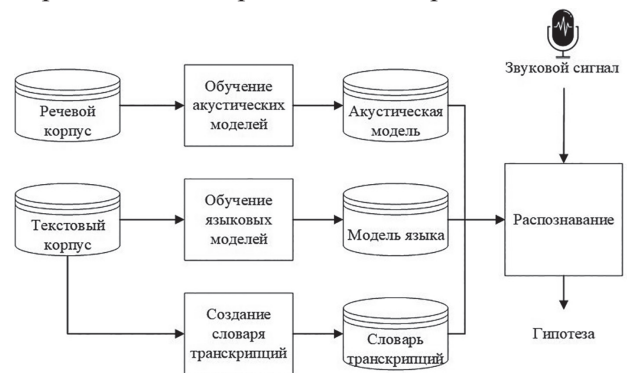

Рис. 1. Общая архитектура стандартной системы распознавания речи

Figure 1. General architecture of a standard speech recognition system

Обычно такая система состоит из акустической модели, устанавливающей взаимосвязь между акустической информацией и аллофонами конкретного языка [13], языковой модели, необходимой для построения компьютером грамматически и лексически правильных гипотез распознанной фразы, а также из словаря слов с транскрипциями, то есть с передачей на письме тем или иным набором графем (фонетическим алфавитом) элементов звучащей речи (звуков). Для обучения акустических моделей используется обучающий речевой корпус, то есть структурированная совокупность речевых аудиоданных, а для обучения модели языка строится вероят-

ностная модель на основе доступных текстов на целевом языке.

Система распознавания речи работает в двух режимах: обучение и распознавание. В режиме обучения создаются акустическая и языковая модели, а также формируется словарь словоформ с транскрипциями, которые будут использоваться в процессе распознавания. В режиме распознавания входной речевой сигнал преобразуется в последовательность векторов признаков, затем производится поиск наиболее вероятной гипотезы с использованием предварительно обученных акустических и языковых моделей [4]. Таким образом, одним из важнейших условий создания системы автоматической обработки естественного языка является наличие обучающих наборов данных (аудио- и текстовых корпусов). Для карельского языка это условие является принципиальным в связи с тем, что он относится к так называемым малоресурсным языкам [12], [19], то есть к языкам с небольшим объемом электронных языковых ресурсов, пригодных для использования в сфере автоматической обработки естественных языков [9].

Перед создателями языкового корпуса обычно возникает ряд проблем, которые вслед за [7] можно разделить на технические, исполнительские, содержательные и структурные. И если последние две проблемы относятся собственно к языковому материалу (выбор дикторов, тип текстового материала, стилистическая и фонетическая сбалансированность текстов и т. п.), то первые две – к организации процесса записи материала и его репрезентации (технические условия записи, формат и качество аудиодорожки, стандарт транскрипции и т. п.). К сожалению, на текущем этапе проекта на первый план вышли именно технические и исполнительские проблемы: участники проекта, располагая достаточно ограниченными организационными, людскими и финансовыми ресурсами, приняли решение сосредоточиться на сборе и обработке, в первую очередь, находящихся в свободном доступе аудиозаписей и текстов, соответствующих определенным техническим критериям (аудиозаписи студийного качества и печатные тексты) и современным стандартам литературного карельского языка (см. [20]).

ТЕКСТОВЫЙ КОРПУС

Текстовый корпус был составлен по материалам печатных изданий, предоставленных издательствами «Периодика» и «Версо», периодики на ливвиковском наречии (в первую очередь газета «Ота Муа», номера 2000–2022 годов),

текстов на ливвиковском наречии из открытого корпуса вепсского и карельского языков ВепКар² [8], а также ряда других открытых источников. Дополнительно в корпус были включены расшифровки аудиозаписей обучающей части речевого корпуса. Таким образом, в текстовый корпус вошли тексты различного стиля: художественного, публицистического, а также – в небольшом объеме – разговорного. Часть текстов изначально была в неработоспособном формате (сканированные тексты в формате .pdf), поэтому для них выполнялось полуавтоматическое распознавание текста. Все тексты были приведены в формат .txt.

В рамках подготовки текстовых данных была произведена обработка и нормализация текстового материала, которая включала в себя разбиение текста на отдельные предложения, при этом предложения, содержащие прямую и косвенную речь, разбивались на отдельные высказывания, например:

Vie Aleksandr Puškin sanoi: «Pantaloni, frak, žilet – vseh etih slov na russkom net. Šiškov prosti, ne znaju kak perevesti».

<s> vie aleksandr puškin sanoi </s>

<s> pantaloni frak žilet vseh etih slov na russkom net </s>

<s> šiškov prosti ne znaju kak perevesti </s>

‘Ещё Александр Пушкин говорил: «Панталоны, фрак, жилет – всех этих слов на русском нет. Шишков, прости, не знаю, как перевести»’.

Tyttölöin nagro havaškoitti händy: «Aiga töhlö olen!» – pyhkijen higie očaspäi, čakkualdi iččiedäh.

<s> tyttölöin nagro havaškoitti händy </s>

<s> aiga töhlö olen </s>

<s> pyhkijen higie očaspäi čakkualdi iččiedäh </s>

‘Смех девчонок вызвал у него раздражение: «Какой же я дурак!» – вытирая пот со лба, поругал себя’.

Кроме того, производилось удаление всех текстов, заключенных в скобки, замена заглавных букв на строчные и удаление знаков препинания, замена графемы *ï* на *y* (для старых изданий). Дополнительно проводилась проверка на наличие повторяющихся предложений в связи с тем, что тексты брались из разных источников (изданий), в которых могло возникать дублирование материала. Итоговый объем корпуса составил около 5 млн словоупотреблений.

СЛОВАРЬ ТРАНСКРИПЦИЙ

Одним из обязательных условий создания системы автоматического распознавания речи является наличие словаря фонематических транскрипций для слов, которые будут использовать

ся системой. Для карельского языка был создан инвентарь из 82 фонем, из них 26 гласных и 56 согласных. При этом были выделены ударные и безударные варианты гласных и долгие гласные; как самостоятельная фонема интерпретировался заднерядный аллофон фонемы /i/. Для согласных были выделены твердые и мягкие варианты, а также удвоенные согласные. В таблице представлен используемый фонематический

алфавит и приведены примеры транскрипций, созданных автоматически. В скобках дана транскрипция фонем в международном фонетическом алфавите (МФА). В разработанном варианте алфавита знак /!/ используется для обозначения ударения в слове, знак /' – для обозначения мягкости согласных, знак /:/ – для обозначения долгих звуков. Знак // до гласной означает ударность в алфавите МФА.

Фонематический алфавит ливвиковского наречия карельского языка
Phonemic alphabet for the Livvi-Karelian dialect

Фонема	Слово	Транскрипция	Фонема	Слово	Транскрипция
/a!/ (/ˈa/)	<i>kala</i>	/k a! l a/	/k/ (/k/)	<i>kana</i>	/k a! n a/
/a/ (/a/)	<i>zirkalo</i>	/z' i! r k a l o/	/k:/ (/k:/)	<i>kukko</i>	/k u! k: o/
/o!/ (/ˈo/)	<i>kotku</i>	/k o! t k u/	/k'/ (/k'/)	<i>käzi</i>	/k' ae! z' i/
/o/ (/o/)	<i>buabo</i>	/b u! a b o/	/k':/ (/k':/)	<i>häkki</i>	/h' ae! k': i/
/u!/ (/ˈu/)	<i>lumi</i>	/l u! m' i/	/l/ (/l/)	<i>lammas</i>	/l a! m: a s/
/u/ (/u/)	<i>ikkun</i>	/i! k: u n/	/l:/ (/l:/)	<i>kello</i>	/k' e! l: o/
/u:!/ (/ˈu:/)	<i>suuri</i>	/s u:!' r' i/	/l'/ (/l'/)	<i>löyly</i>	/l' oe! y l' y/
/u:/ (/u:/)	<i>viluu</i>	/v' i! l u:/	/l':/ (/l':/)	<i>velli</i>	/v' e! l' i/
/i!/ (/ˈi/)	<i>vihmu</i>	/v' i! h m u/	/m/ (/m/)	<i>muamo</i>	/m u! a m o/
/i/ (/i/)	<i>käzi</i>	/k' ae! z' i/	/m'/ (/m'/)	<i>missä</i>	/m' i! s': ae/
/i:!/ (/ˈi:/)	<i>hiiri</i>	/h' i:!' r' i/	/m:/ (/m:/)	<i>hammas</i>	/h a! m: a s/
/i:/ (/i:/)	<i>kyläi</i>	/k' y! l' i:/	/m':/ (/m':/)	<i>lämmi</i>	/l' ae! m': i n/
/i^!/ (/i^/)	<i>cinku</i>	/ts i^! n k u/	/n/ (/n/)	<i>nogi</i>	/n o! g' i/
/i^/ (/i^/)	<i>virsi</i>	/v' i! r sh i^/	/n'/ (/n'/)	<i>nenä</i>	/n' e! n' ae/
/i^!/ (/i^:/)	<i>šiiloi</i>	/sh i^! l o j/	/n:/ (/n:/)	<i>panna</i>	/p a! n: a/
/i^/ (/i^:/)	<i>veššii</i>	/v' e! sh: i^/	/n':/ (/n':/)	<i>nänni</i>	/n' ae! n': i/
/e!/ (/ˈe/)	<i>nenä</i>	/n' e! n' ae/	/p/ (/p/)	<i>pala</i>	/p a! l a/
/e/ (/e/)	<i>lehet</i>	/l' e! h' e t/	/p'/ (/p'/)	<i>päivy</i>	/p' ae! j v' y/
/ae!/ (/ˈæ/)	<i>tämä</i>	/t' ae! m' ae/	/p:/ (/p:/)	<i>loppu</i>	/l o! p: u/
/ae/ (/æ/)	<i>nähtä</i>	/n' ae! h' t' ae/	/p':/ (/p':/)	<i>loppi</i>	/l o! p': i/
/oe!/ (/ˈœ/)	<i>šlöpöi</i>	/sh l' oe! p' oe j/	/r/ (/r/)	<i>rukku</i>	/r u! k: u/
/oe/ (/œ/)	<i>töhlö</i>	/t' oe! h' l' oe/	/r'/ (/r'/)	<i>riähky</i>	/r' i! ae! h' k' y/
/y!/ (/ˈy/)	<i>kylä</i>	/k' y! l' ae/	/r:/ (/r:/)	<i>kerran</i>	/k' e! r: a n/
/y/ (/y/)	<i>vävy</i>	/v' ae! v' y/	/r':/ (/r':/)	<i>pyrritys</i>	/p' y! r': i t' y s/
/y:!/ (/ˈy:/)	<i>tyyni</i>	/t' y:!' n' i/	/s/ (/s/)	<i>sana</i>	/s a! n a/
/y:/ (/y:/)	<i>väzyy</i>	/v' ae! z' y:/	/s'/ (/s'/)	<i>siä</i>	/s' i! ae/
/b/ (/b/)	<i>n'aba</i>	/n' a! b a/	/s:/ (/s:/)	<i>kossu</i>	/k o! s: u/
/b/ (/b'/)	<i>leibä</i>	/l' e! j b' ae/	/s':/ (/s':/)	<i>missä</i>	/m' i! s': ae/
/ts/ (/ts/)	<i>cinku</i>	/ts i^! n k u/	/sh/ (/ʃ/)	<i>školu</i>	/sh k o! l u/
/t'ch/ (/t'ʃ/)	<i>veičel</i>	/v' e! j t'ch e l/	/sh:/ (/ʃ:/)	<i>dovariššu</i>	/d o! v a r' i sh: u/
/t'ch:/ (/t'ʃ:/)	<i>mečču</i>	/m' e! t'ch: u/	/z/ (/z/)	<i>oza</i>	/o! z a/
/d/ (/d/)	<i>kadai</i>	/k a! d a j/	/z'/ (/z'/)	<i>vezi</i>	/v' e! z' i/
/d'/ (/d'/)	<i>diedoi</i>	/d' i! e d o j/	/zh/ (/ʒ/)	<i>kaži</i>	/k a! zh i/
/d':/ (/d':/)	<i>lad'd'ata</i>	/l a! d': a t a/	/t/ (/t/)	<i>tukku</i>	/t u! k: u/
/g/ (/g/)	<i>garbalo</i>	/g a! r b a l o/	/t'/ (/t'/)	<i>tämä</i>	/t' ae! m' ae/

Окончание таблицы

Фонема	Слово	Транскрипция	Фонема	Слово	Транскрипция
/gʷ/ (/gʷ/)	<i>giidu</i>	/gʷ i! d u/	/t:/ (/t:/)	<i>aittu</i>	/a! j t: u/
/h/ (/h/)	<i>hanhi</i>	/h a! nʰ i/	/tʰ:/ (/tʰ:/)	<i>elätti</i>	/e! lʰ ae tʰ: i/
/hʷ/ (/hʷ/)	<i>hiili</i>	/hʷ i! lʰ i/	/v/ (/v/)	<i>vačču</i>	/v a! tʰ: u/
/h:/ (/h:/)	<i>uhharskoi</i>	/u! h: a r s k o j/	/vʷ/ (/vʷ/)	<i>vibu</i>	/vʷ i! b u/
/hʰ:/ (/hʰ:/)	<i>ravahtahhäi</i>	/r a! v a h t a hʰ: ae j/	/v:/ (/v:/)	<i>avvoi</i>	/a! v: o j/
/j/ (/j/)	<i>jogi</i>	/j o! gʰ i/	/vʰ:/ (/vʰ:/)	<i>livvin</i>	/lʰ i! vʰ: i n/

Все транскрипции для словаря создавались автоматически с помощью специально разработанного программного модуля, выполняющего преобразование «графема-фонема» для ливвиковского наречия карельского языка. Поскольку автоматическое распознавание печатных текстов на карельском языке не исключает наличия ошибок, слова, встретившиеся только один раз, чаще всего оказывались неверно распознанными. Поэтому все они были удалены из словаря транскрипций. Общее количество различных слов, встретившихся более одного раза, составило более 135 тысяч.

Для карельского языка создание автоматических транскрипций является относительно простой задачей по сравнению, например, с русским языком, потому что в карельском ударение фиксированное, всегда падающее на первый слог, а гласные чаще всего не подвержены редукции. Таким образом, процедура автоматического транскрибирования сводится к локализации ударения, идентификации сдвоенных графем как репрезентации долгих фонем, а также определению палатализованных согласных (предшествование гласным переднего ряда).

РЕЧЕВОЙ КОРПУС

При работе с малоресурсными языками распространённой практикой является привлечение дикторов, которые читают заранее подготовленные фразы или связный текст. Другим способом сбора материала является использование свободно доступных речевых данных. Речевые данные для проекта, описанного в настоящей статье, были собраны на материале радиопередач «Родной берег» ГТРК «Карелия». Всего были использованы записи 10 передач. Каждая строится в формате интервью, что подразумевает наличие как минимум двух дикторов: интервьюера и интервьюируемого. Следует отметить, что в двух передачах присутствовало больше двух дикторов, а интервьюеры в некоторых повторялись. Интервьюируемые были всегда разные. Таким

образом, в записанном речевом корпусе представлено 15 дикторов (6 мужчин и 9 женщин).

Объём речевого корпуса после удаления не подходящих для использования фрагментов составил 3,5 часа, общее число фраз – 3819. Записи были разбиты на отдельные фразы, каждая из которых сохранялась в отдельном wav-файле. На рис. 2 демонстрируется распределение числа фраз по дикторам. В основном на каждого диктора получилось более 100 фраз, кроме дикторов под номером 12, 13 и 14: указанные дикторы принимали участие в тех передачах, где было больше одного интервьюируемого. Корпус разбит на обучающую и тестовую части. В обучающую часть вошли 90 % фраз, в тестовую – 10 %.

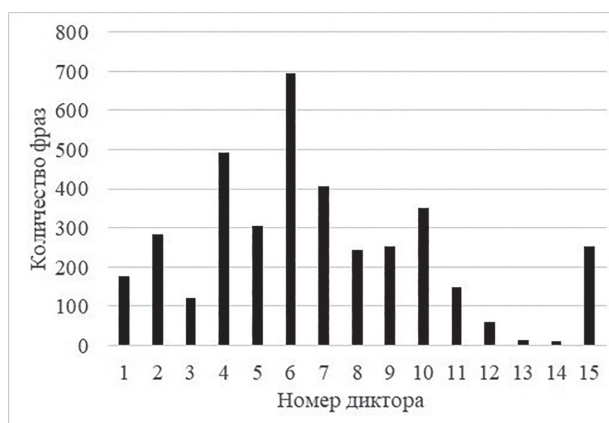

Рис. 2. Распределение количества фраз по дикторам

Figure 2. Distribution of utterances by speakers

Дополнительным инструментом расширения речевого материала была аугментация данных (англ. data augmentation), то есть увеличение выборки данных для обучения через модификацию существующих данных [14], [18], [22]. Аугментация выполняется только для обучающей части речевого корпуса с помощью инструментария Sox³, посредством которого изменялся темп речи и высота голоса диктора. Темп изменялся с коэффициентом, полученным случайным образом для каждой записи из равномерного распределе-

ния в интервале от 0,7 до 1,3. Высота голоса изменялась на количество полутонов, полученное случайным образом из равномерного распределения от -2 до 2. Кроме того, было выполнено совместное изменение темпа речи и высоты голоса для каждой фразы. Полученные таким образом речевые данные были добавлены к реальным обучающим данным. Общий объем обучающих данных после процедуры аугментации возрос с 3 ч. 8 мин. до 12 ч. 49 мин.

Записанный речевой материал был расшифрован и сегментирован (разбит на отдельные высказывания) специалистами по карельскому языку из состава участников проекта. Примеры аннотации речевого сигнала представлены на рис. 3 (скриншот из программы WaveSurfer⁴).

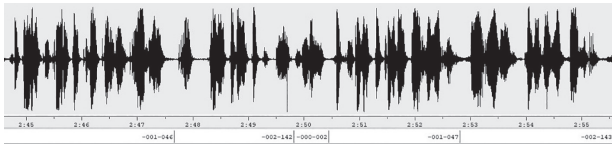

Рис. 3. Пример аннотации речевого сигнала (в строке под осциллограммой первая цифра аннотации обозначает номер диктора, вторая – номер фразы, фразы, помеченные цифрой 000, непригодны для использования)

Figure 3. Example of speech signal annotation (first number in the lower line indicates the speaker, second number indicates the utterance, “000” indicates corrupted utterances)

ОСОБЕННОСТИ СОБРАННЫХ ДАННЫХ

Собранный речевой материал обнаружил ряд особенностей, усложнивших работу над корпусом и заставивших изъять часть данных из итогового корпуса. Одной из основных проблем, выявленных в ходе обработки аудиозаписей, была одновременная речь нескольких дикторов, перебивавших друг друга или говорящих одновременно.

001-053⁵: *Äijygo partu pidäy yhteh kylyh kuorittua?*
 002-155: *Yheksä venčia korgevuttu, kymmenendel salbuat.*
 001-053: ‘Сколько бревен нужно очистить от коры для строительства одной бани?’
 002-155: ‘Высотой в девять венцов, десятым венцом сруб перекрывает.’

В приведенном примере слова, выделенные жирным шрифтом, были произнесены обоими дикторами одновременно. В эту же категорию попадают «звуковые вставки» и «вокальные жесты» [10] со стороны интервьюера:

002-162: *sit äski zavodittih vestii.*
 Диктор 2: *uhu... uhu*
 002-162: ‘затем начинали тесать бревна’.
 Диктор 2: ‘угу... угу...’

Наложения речи трудно поддаются обработке, а удаление подобных фрагментов является нетривиальной задачей, поэтому фразы, содержащие одновременную речь двух дикторов, не были включены в корпус.

Другим фактором, усложнившим сбор аудиокорпуса, были фоновые шумы. Несмотря на то что для создания корпуса использовались только записи студийного качества, в ряде случаев фоновый шум был представлен музыкой, звуком перелистывания страниц, а в одной передаче – уличным шумом. Абсолютно все записи высказываний, в которых присутствовал фоновый шум, были также удалены из базы данных.

Еще одной особенностью, характерной для современного карельского языка, было переключение кодов (англ. code-switching) [6]. Обычно под переключением кодов в лингвистике понимается спонтанный переход говорящего с одного идиома (языка / диалекта) на другой. Действительно, в настоящее время среди носителей карельского языка в России распространено карельско-русское двуязычие (с доминированием русского языка), поэтому переход на русский язык и обратно вполне естественен. Однако следует учитывать то, что в карельском языке (и это особенно справедливо для разговорной речи) присутствует мощный пласт заимствований из русского, фактически ставший частью языка. Примеры хорошо известны [17: 132]. В речевом материале, который использовался для создания корпуса, это были в первую очередь вводные слова и местоимения:

*Minä en tiijä, kai on, **naverno**, allun algu pandu.*
 ‘Я не знаю, всё, наверно, изначально установлено’.

*Salbomestu nostamah **konešno** ei tule*
 ‘Поднимать сруб, конечно, не придет’.

Иногда дикторы вставляли в речь целые словосочетания и клаузы на русском:

*Sit se oli, häi pereimenovalis’ kolhozakse, **kolhoz imeni Papanina** rodiiheze.*
 ‘Потом это было, переименовались в колхоз, стал (называться) колхоз имени Папаннина’.

*Kelle penziessäh pideli ruadua, net vahtoi myöte ruatah **libo PMK-poka mamka kormit.***
 ‘Кому до пенсии нужно было работать, те на вахтах работают, или на ПМК – «пока мамка кормит»’.

При этом письменные тексты, использованные для создания корпуса, были подвергнуты литературной обработке, вследствие чего в них оказалось относительно немного заимствований, поэтому в словарь системы вошло

очень мало русскоязычных слов. Обработка переключения кодов при распознавании речи требует специальных подходов, которые на первоначальном этапе разработки системы применять не планировалось. Поэтому все высказывания, в которых обнаруживалось переключение кодов, были удалены из речевого корпуса.

Особый случай составляют имена собственные: в подавляющем большинстве случаев они заимствуются из русского языка и произносятся в соответствии с нормами русской фонетики, в частности ударение в именах будет плавающим в соответствии с русским произношением. Эта проблема пока не решена, однако представляется, что самым рациональным решением будет составление отдельного словаря имен собственных и их транскрибирование в соответствии с фонетикой русского языка. Ниже приведены примеры использования имен собственных в речевом корпусе:

003-173: *Aleksandr Lukič, työ oletto tozi ozavu ristikanzu, gu elittö moizen pitkän, moizen bohatan tapahtumil elaijan.*
003-173: 'Александр Лукич, Вы – по-настоящему счастливый человек, поскольку прожили такую длинную, богатую на события жизнь'.

010-107: *Anna Vasiljevna oli Jakovleva, ruavos täs oli Korol'ov Večeslav Konstantinovič, Karellesproman putin tužikku.*

010-107: 'Анна Васильевна Яковлева была, здесь работала, был Королёв Вячеслав Константинович, настоящий мужик из Кареллеспрома'.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На текущем этапе исследования, посвященно-го разработке системы распознавания речи на карельском языке, его участниками были решены следующие задачи:

- подготовка речевых данных на карельском языке (ливвиковское наречие);
- подготовка текстовых данных на карельском языке (ливвиковское наречие);
- создание фонематических транскрипций для слов из текстового корпуса.

Тем не менее очевидно, что для повышения качества распознавания речи (а также для повышения значимости собранного корпуса для лингвистических исследований из более широкой области) необходимо продолжить работу над сбором и обработкой текстов на карельском языке. В первую очередь это касается речевых данных:

1. Относительно малый объем речевых данных;

2. Несбалансированность дикторов: в корпусе женщин больше, чем мужчин; кроме того, в корпусе представлены записи в основном дикторов среднего и старшего возраста. Эта ситуация связана, судя по всему, с социолингвистическими реалиями, в которых находится современный карельский язык: число носителей среди молодежи достаточно мало [17: 95];

3. Несбалансированность дикторов по количеству фраз. Для повышения дикторонезависимости системы следует, помимо увеличения собственно количества дикторов, добиваться их одинаковой представленности в записанном материале.

В дальнейшем участники настоящего проекта планируют увеличить объем речевых и текстовых данных для обучения системы, что позволило бы перейти от лабораторного прототипа к робастной системе, способной работать как в условиях фоновых шумов, так и с большим количеством дикторов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ <https://www.ethnologue.com/language/krl/>

² <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru>

³ <http://sox.sourceforge.net/sox.html>

⁴ <https://wavesurfer-js.org/>

⁵ В номерах, открывающих каждую строку, число до дефиса обозначает номер диктора, число после дефиса – номер высказывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьева А. А., Муллонен И. И. Карело-вепский диалог на карте южной Карелии // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Т. 16, № 3. С. 9–28. DOI: 10.30842/alp2306573716301
2. Бурх Д. В. Происхождение карельского народа. Повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1947. 53 с.
3. Зайков П. М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 2000. 294 с.
4. Кипяtkова И. С. Комплекс программных средств обработки и распознавания разговорной русской речи // *Информационно-управляющие системы*. 2011. Т. 53, № 4. С. 53–59.

5. Кипяткова И. С., Кагиров И. А. Аналитический обзор методов решения проблемы малых наборов данных при создании систем автоматического распознавания речи для малоресурсных языков // Информатика и автоматизация. 2022. Вып. 21, Т. 4. С. 678–709. DOI: 10.15622/ia.21.4.2
6. Ковалева С. В., Родионова А. П. Традиционное и новое в лексике и грамматике карельского языка (по данным социолингвистического исследования). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. 138 с.
7. Кривнова О. Ф., Захаров Л. М., Строкин Г. С. Речевые корпуса (опыт разработки и использование) // Труды международного семинара Диалог'2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 2. М., 2001. С. 230–236.
8. Крижановский А. А., Крижановская Н. Б., Новак И. П. Представление диалектов в Открытом корпусе вепского и карельского языков (ВепКар) // Корпусная лингвистика-2019: Труды междунар. конф. СПб., 2019. С. 288–295.
9. Романенко А. Н. Робастное распознавание речи для низкоресурсных языков: Дис. ... канд. техн. наук. Ульм, 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://d-nb.info/1251880495/34> (дата обращения 20.12.2022).
10. Шаронов И. А. Междометия в языке, в тексте и в коммуникации: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 320 с.
11. Bender E. M. On achieving and evaluating language-independence in NLP // Linguistic Issues in Language Technology. 2011. Vol. 6, № 3. P. 1–26. DOI: <https://doi.org/10.33011/lilt.v6i.1239>
12. Berment V. Méthodes pour informatiser des langues et des groupes de langues «peu dotées»: Doct. Diss. Grenoble, 2004. Available at: <https://theses.hal.science/tel-00006313/document> (accessed 20.12.2022).
13. Bhatt Sh., Jain A., Dev A. Acoustic modeling in speech recognition: A systematic review // International Journal of Advanced Computer Science and Applications (IJACSA). 2020. Vol. 11, Issue 4. DOI: 10.14569/IJACSA.2020.0110455. Available at: <https://thesai.org/Publications/ViewPaper?Volume=11&Issue=4&Code=IJACSA&SerialNo=55> (accessed 20.12.2022).
14. Hartmann W., Ng T., Hsiao R., Tsakalidis S., Schwartz R. Two-stage data augmentation for low-resourced speech recognition // Proceedings of the 17th Annual Conference of the International Speech Communication Association (Interspeech-2016). San-Francisco, 2016. P. 2378–2382.
15. Itkonen T. Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty // Virittäjä. 1971. № 2. P. 153–182. Available at: <https://journal.fi/virittaja/article/view/35912> (accessed 20.12.2022).
16. Joshi P., Santy S., Budhiraja A., Bali K., Choudhury M. The state and fate of linguistic diversity and inclusion in the NLP world // Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. 2020. P. 6282–6293. DOI: 10.48550/arXiv.2004.09095
17. Karjalainen H., Ulriikka P., Riho G., Svetlana K. Karelian in Russia: ELDIA case-specific report, with contributions by Reetta Toivanen, Anneli Sarhimaa and Eva Kühhirt (Studies in European Language Diversity 26). Research consortium ELDIA, 2013.
18. Ko T., Peddinti V., Povey D., Khudanpur S. Audio augmentation for speech recognition // Proceedings of the 16th Annual Conference of the International Speech Communication Association. Dresden, 2015. P. 3586–3589.
19. Krauer S. The basic language resource kit (BLARK) as the first milestone for the language resources roadmap // Proceedings of International workshop on speech and computer (SPECOM-2003). Moscow, 2003. P. 8–15.
20. Novak I., Penttonen M., Ruuskanen A., Siilin L. Karelian in grammars: A study of phonetic and morphological variation. Scientific electronic edition. Petrozavodsk: KarRC RAS, 2022. Available at: http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi_stati/karelian_in_grammar.pdf (accessed 20.12.2022).
21. Ponti E. M., O'Horan H., Berzak Y., Vulic I., Reichart R., Poibeau T., Shutova E., Korhonen A. Modeling language variation and universals: A survey on typological linguistics for natural language processing // Computational Linguistics. 2019. Vol. 45, № 3. P. 559–601. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1807.00914>
22. Rebai I., BenAyed Y., Mahdi W., Lorré J. P. Improving speech recognition using data augmentation and acoustic model fusion // Procedia Computer Science. 2017. Vol. 112. P. 316–322. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2017.08.003>
23. Sarhimaa A. Karelian // Bakró-Nagy, Marianne, Johanna Laakso, and Elena Skribnik (Eds). The Oxford guide to the Uralic languages. Oxford: Oxford Academic, 2022. P. 269–290.

Поступила в редакцию 23.12.2022; принята к публикации 28.04.2023

Original article

Irina S. Kipyatkova, Cand. Sc. (Engineering), Associate Professor, St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-1264-4458; kipyatkova@iias.spb.su

Alexandra P. Rodionova, Cand. Sc. (Philology), Research Fellow, St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-5645-9441; santrar@krc.karelia.ru

Ildar A. Kagirov, Research Fellow, St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

ORCID 0000-0003-1196-1117; kagirov@iias.spb.su

Andrey A. Krizhanovsky, Cand. Sc. (Engineering), Research Fellow, St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

ORCID 0000-0003-3717-2079; andrew.krizhanovsky@gmail.com

SPEECH AND TEXT DATA PREPARATION FOR DEVELOPING OF AN AUTOMATIC SPEECH RECOGNITION SYSTEM FOR THE KARELIAN LANGUAGE

Abstract. This paper addresses some aspects of collecting and preparing language data of the Livvi dialect of the Karelian language needed for training a system of automatic speech-to-text conversion. The importance of such technologies for the Karelian language derives from its status as a low-resource language, which is a serious obstacle to its study and preservation. The main tasks at the current stage of the research are to collect and annotate speech and text corpora, as well as to create a transcription dictionary. The speech corpus includes audio recordings of 15 speakers (6 men and 9 women). All the recordings were transcribed and segmented into single utterances. The volume of records after the removal of “junk” fragments was 3,5 hours. The volume of the text corpus after the removal of repeated sentences was over 5M word usages. Based on the collected text corpus, a dictionary was created, which will subsequently be used as a part of the Karelian speech recognition system. All the words included in the dictionary were automatically transcribed (phonemic transcription). In the further research collected text and speech data will be used for training and testing the Livvi-Karelian speech recognition system.

Keywords: Karelian language, Livvi-Karelian dialect, natural language automatic processing, speech recognition systems training, datasets, corpus linguistics

Acknowledgements. This research was supported by the Russian Science Foundation (project No 22-21-00843 “Automatic speech recognitions tools for Russia’s low-resource languages: the case of the Karelian language”).

For citation: Kipyatkova, I. S., Rodionova, A. P., Kagirov, I. A., Krizhanovsky, A. A. Speech and text data preparation for developing an automatic speech recognition system for the Karelian language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(5):89–98. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.924

REFERENCES

1. Afanasyeva, A. A., Mullonen, I. I. A Karelian-Veps dialogue on the map of Southern Karelia. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020;16(3):9–28. DOI: 10.30842/alp2306573716301 (In Russ.)
2. Bublikh, D. V. Origins of the Karelian people: A Tale of the friend and ally of the Russian people in the north. Petrozavodsk, 1947. 53 p. (In Russ.)
3. Zaikov, P. M. Karelian verbs. Petrozavodsk, 2000. 294 p. (In Russ.)
4. Kipyatkova, I. S. A software complex for conversational Russian speech processing and recognition. *Information and Control Systems*. 2011;53(4):53–59. (In Russ.)
5. Kipyatkova, I. S., Kagirov, I. A. Analytical review of methods for solving data scarcity issues regarding elaboration of automatic speech recognition systems for low-resource languages. *Informatics and Automation*. 2022;21(4):678–709. DOI: 10.15622/ia.21.4.2 (In Russ.)
6. Kovaleva, S. V., Rodionova, A. P. The traditional and the innovative in the vocabulary and grammar of the Karelian language (based on a sociolinguistic research). Petrozavodsk, 2011. 138 p. (In Russ.)
7. Krivnova, O. F., Zakharov, L. M., Stokin, G. S. Speech corpora (experience in developing and application). *Proceedings of the international conference on computational linguistics and intellectual technologies “Dialog-2001”*. Vol. 2. Moscow, 2001. P. 230–236. (In Russ.)
8. Krizhanovsky, A. A., Krizhanovskaya, N. B., Novak, I. P. Dialects in the Open Corpus of Veps and Karelian Languages (VepKar). *Proceedings of the international conference “Corpus Linguistics-2019”*. St. Petersburg, 2019. P. 288–295. (In Russ.)
9. Romanenko, A. N. Robust speech recognition for low-resource languages: Diss. Cand. Sc. (Engineering). Ulm, 2020. Available at: <https://d-nb.info/1251880495/34> (accessed 20.12.2022). (In Russ.)

10. Sharonov, I. A. Interjections in language, text, and communication: Diss. Dr. Sc. (Philology). Moscow, 2009. 320 p. (In Russ.)
11. Bender, E. M. On achieving and evaluating language-independence in NLP. *Linguistic Issues in Language Technology*. 2011;6(3):1–26. DOI: <https://doi.org/10.33011/lilt.v6i.1239>
12. Berment, V. Méthodes pour informatiser des langues et des groupes de langues “peu dotés”: Doctoral thesis. Grenoble, 2004. Available at: <https://theses.hal.science/tel-00006313/document> (accessed 20.12.2022).
13. Bhatt, Sh., Jain, A., Dev, A. Acoustic modeling in speech recognition: A systematic review. *International Journal of Advanced Computer Science and Applications (IJACSA)*. 2020;11(4). DOI: 10.14569/IJACSA.2020.0110455. Available at: <https://thesai.org/Publications/ViewPaper?Volume=11&Issue=4&Code=IJACSA&SerialNo=55> (accessed 20.12.2022).
14. Hartmann, W., Ng, T., Hsiao, R., Tsakalidis, S., Schwartz, R. Two-stage data augmentation for low-resourced speech recognition. *Proceedings of the 17th Annual Conference of the International Speech Communication Association (Interspeech-2016)*. San-Francisco, 2016. P. 2378–2382.
15. Itkonen, T. Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty. *Virittäjä*. 1971;2:53–182. Available at: <https://journal.fi/virittaja/article/view/35912> (accessed 20.12.2022).
16. Joshi, P., Santy, S., Budhiraja, A., Bali, K., Choudhury, M. The state and fate of linguistic diversity and inclusion in the NLP world. *Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. 2020. P. 6282–6293. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2004.09095>
17. Karjalainen, H., Ulriikka, P., Riho, G., Svetlana, K. Karelian in Russia: ELDIA case-specific report, with contributions by Reetta Toivanen, Anneli Sarhimaa and Eva Kühhirt (Studies in European Language Diversity 26). Research consortium ELDIA, 2013.
18. Ko, T., Peddinti, V., Povey, D., Khudanpur, S. Audio augmentation for speech recognition. *Proceedings of the 16th Annual Conference of the International Speech Communication Association*. Dresden, 2015. P. 3586–3589.
19. Krauwer, S. The basic language resource kit (BLARK) as the first milestone for the language resources roadmap. *Proceedings of International workshop on speech and computer (SPECOM-2003)*. Moscow, 2003. P. 8–15.
20. Novak, I., Penttonen, M., Ruuskanen, A., Siilin, L. Karelian in grammars: A study of phonetic and morphological variation. Scientific electronic edition. Petrozavodsk, 2022. Available at: http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi_stati/karelian_in_grammar.pdf (accessed 20.12.2022).
21. Ponti, E. M., O’Horan, H., Berzak, Y., Vulic, I., Reichart, R., Poibeau, T., Shutova, E., Korhonen, A. Modeling language variation and universals: A survey on typological linguistics for natural language processing. *Computational Linguistics*. 2019;45(3):559–601. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1807.00914>
22. Rebai, I., BenAyed, Y., Mahdi, W., Lorré, J. P. Improving speech recognition using data augmentation and acoustic model fusion. *Procedia Computer Science*. 2017;112:316–322. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2017.08.003>
23. Sarhimaa, A. Karelian. *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. (M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik, Eds.). Oxford, 2022. P. 269–290.

Received: 23 December 2022; accepted: 28 April 2023

ОЛЬГА АНАТОЛЬЕВНА ПОЧИНЯЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания филологического факультета
Самарский государственный социально-педагогический университет
(Самара, Российская Федерация)
olyaananieva@mail.ru

РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

А н н о т а ц и я . Целью работы является типологическое рассмотрение разделительных конструкций в системе трех восточнославянских языков – русского, украинского и белорусского, одного западнославянского – польского и одного южнославянского – болгарского. Это исследование является первой попыткой сопоставительного изучения категории разделительности в славянских языках. Его актуальность определяется необходимостью многоаспектного сопоставительного описания разделительных конструкций в родственных языках, что позволит выделить контрастирующие элементы и более отчетливо обозначить специфику категории разделительности в системе сложносочиненного предложения. Характеристика семантической структуры разделительных предложений осуществляется на основе трех взаимообуславливающих аспектов значений: денотативного, логико-семантического и структурно-семантического, состоящего в выделении категориального грамматического значения альтернативы и девяти частных значений, обусловленных контекстом и речевой ситуацией. Учитывая семантические различия в реализации основного, интегрального признака, представляем пятиуровневую системную организацию значений разделительных конструкций.

К л ю ч е в ы е с л о в а : разделительные конструкции, разделительные союзы, славянские языки, категориальное значение, денотативный аспект, логико-семантический аспект, структурно-семантический аспект

Д л я ц и т и р о в а н и я : Починяева О. А. Разделительные конструкции в славянских языках // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 5. С. 99–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.925

ВВЕДЕНИЕ

Славянские языки восходят к единому праславянскому языку, поэтому имеют сходные типологические черты на разных уровнях: в произношении, семантике, структуре слова и предложения, сближаются в употреблении грамматических категорий. Но, безусловно, общие корни не означают тождества языковых систем. Длительное самостоятельное развитие славянских народов в разных этнических, географических и историко-культурных условиях привело к появлению в их языках различий материального, функционального и типологического характера, в большей степени затронувших фонетический строй языка, его лексический состав, в меньшей – морфологический уровень и еще в меньшей степени – синтаксис. А. Мейе высказал мнение, что

«структура предложения общиндоевропейского, общеславянского и древнего (исторического) периодов и даже современного периода различных славянских языков различается очень незначительно» [10: 380].

Однако исследователь призывал не преувеличивать архаичность славянского предложения, поскольку это бы привело, по его словам, к признанию ложного факта почти полной стабильности синтаксиса славянских языков, в котором, конечно же, происходили определенные изменения, вызванные развитием мышления и культуры [10: 380].

Контрастивное сопоставление синтаксических единиц в родственных языках представляет собой установление сходств и различий как в целях характеристики одного из языков на фоне другого, так и для установления возможных типологически значимых расхождений между языками.

В истории лингвистики в качестве объекта сравнительно-типологического исследования в области синтаксиса выступают преимущественно простые и сложноподчиненные предложения. Одним из важнейших трудов в данной области является коллективная монография «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков» [14], [15], подготовленная

под руководством В. И. Борковского в Институте русского языка Академии наук СССР. Сопоставление сложносочиненных предложений осуществлялось в немногочисленных работах на материалах русского и романо-германских языков – английского (Ю. А. Левицкий [9], Т. В. Панкратова [12]) и французского (И. В. Ковтуненко [8], Е. И. Давыдова [5]); русского и болгарского языков (Е. Ю. Иванова, А. А. Градинарова [6]).

Целью настоящей статьи является типологическое рассмотрение разделительных конструкций в системе трех восточнославянских языков – русского, украинского и белорусского, одного западнославянского – польского и одного южнославянского – болгарского, что позволит выявить общее и специфическое в структуре, семантике и функционировании дизъюнктивных конструкций в названных близкородственных языках. В связи с тем что эта работа является первой попыткой сопоставительного изучения категории разделительности в славянских языках, она не претендует на окончательные выводы.

***

В синтаксической системе сложносочиненно-го предложения каждого из вышеперечисленных языков выделяется такой структурно-семантический тип, как разделительные предложения / розділові складносурядні речення (украинский язык) / размеркавальныя складаназлучаныя сказы (белорусский язык) / separacyjne zdania złożone (польский язык) / разделителни сложни изречения (болгарский язык). Во всех языках употребление разделительной конструкции обусловлено, как правило, теми или иными трудностями в восприятии и понимании происходящего, отсутствием у человека полной и точной информации (визуальной, аудиальной, сенсорной, интеллектуальной) об отражаемой им ситуации.

«(Под внеязыковой (денотативной) ситуацией понимаем фрагмент действительности (денотат), вычлененный из ряда других объектов или событий и существующий независимо от отражающего его сознания, который далее подвергается осмыслению и кодированию в языковую форму – предложение)» [1: 20].

Специфика семантической структуры (денотативного аспекта значения) разделительных конструкций заключается в том, что в них, в отличие от других сложных предложений, где репрезентируются две и более денотативные ситуации (*Стоят ясные, теплые дни, но по утрам свежо, пастухи выходят уже в тулупах <...>¹*), объектом внимания говорящего является одна дено-

тативная ситуация вообще или в определенное время:

Все слышатся жалобные звуки, и не разберешь, ставня ли это на своих ржавых петлях, или летят журавли – и становится хорошо на душе и так хочется жить!²; Чи то праця задавила молодую силу, чи то нудьга невсипуца його з ніг звалила. Чи то люди поробили йому, молодому <...>³ (укр. яз.); Ці то птушкі спяваюць у гаі, ці то вецер свішча сваю песню⁴ (белорус. яз.); Но никой не отвори дума за тях, било че не знаеха, било че ги презряха⁵ (болг. яз.); <...> Powiedział głośno albo też pomyślał (М. Choromański)⁶ (польск. яз.).

Когда интерпретация происходящего затруднена, человеку приходится оперировать образами гипотетичных событий, поэтому он представляет не одну, а две или более пропозиции (под пропозициями вслед за Н. Д. Арутюновой мы понимаем ментальные модели реального факта, возникающие в сознании человека и затем воплощающиеся в языковую форму [3: 37]), то есть разделительные предложения представляют собой полипропозициональный комплекс (логико-семантический аспект значения). При этом, выдвигая предположения, реципиент понимает, что релевантным денотату может быть содержание, во-первых, лишь одной из пропозиций, во-вторых, в равной степени любой. Иначе говоря, осознавая равновероятные события как исключаящие друг друга из плана реализации, он совершает мыслительную операцию дизъюнкции

(непонятно: или ставня скрипит, или журавли летят / то ли труд задавил молодую силу, то ли скука неустынная его с ног свалила; то ли люди причинили ему вред / то ли птицы поют в роце, то ли ветер свистит свою песню / то ли потому что не знали, то ли потому что их презирали / громко сказал или только подумал).

В случае же, когда говорящий отражает несколько реальных ситуаций, реализующихся в разное время, в различных местах или разными субъектами (вместе составляющими одну группу), дизъюнкция заключается в разделении пропозиций по времени, месту осуществления событий или между отдельными подгруппами некой общей группы:

Но и в такие вынужденные дни отдыха она не сидела сложа руки: или чистила и убирала коровник, хозяйски складывая в сторонке навоз, или бродила по пустым окопам <...>⁷; <...> то тут, то там появлялись светящиеся точки: это в домах зажигали фонарь или разводили огонь в очаге⁸; Мокрые подводчики с грязными ногами, вялые и сонные, как осенние мухи, бродили возле или сидели на оглоблях⁹.

Таким образом, прагматическая ценность разделительных предложений во всех славянских языках заключается в том, что с их помощью реализуется коммуникативная потребность выра-

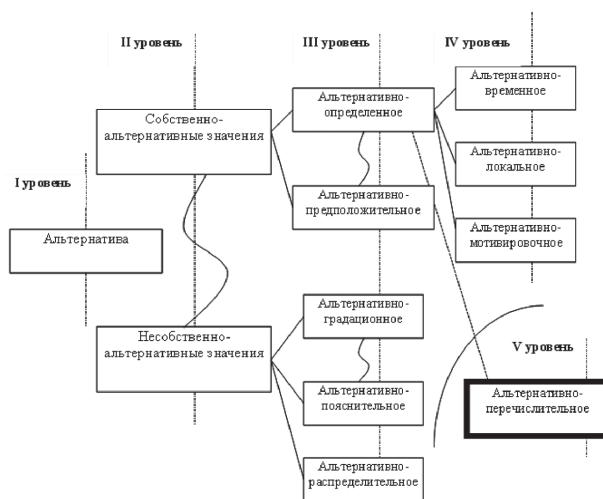
зить альтернативные способы представления той или иной ситуации. Смыслы такого рода носят субъективный характер, поскольку они тесно связаны с авторской интерпретацией отражаемой денотативной ситуации. Типологическая особенность разделительных конструкций в плане видения и интерпретации окружающего обуславливает их категориальное грамматическое значение.

Во всех грамматиках, учебниках, учебных пособиях в качестве основных выделены два значения разделительных сложносочиненных предложений – взаимоисключения (перечисления взаимоисключающих явлений, действий, обычно расположенных в одном временном плане) и чередования / несовместимости в одном временном плане [13: 626–629 и др.]. Ту же самую трактовку инвариантного значения наблюдаем и в учебниках других славянских языков: украинского («Розділові складносурядні речення ґрунтуються на двох суміжних значеннях: значенні взаємовиключення і значенні чергування» [17: 311]), белорусского («<...> показывають отношения чередования, исключения явлений действительности» [11: 103]), болгарского («Как и в русской лингвистике, выделяются предложения взаимоисключающих и чередующихся действий» [6: 244]). Выделение двух основных значений разделительных предложений, безусловно, отражает семантические особенности этих структур. Однако встает вопрос о соотношении значений взаимоисключения и чередования и обоснованности отнесенности второго из них к разделительным значениям.

Учитывая, что основными признаками категориального грамматического значения считаются: 1) обязательность (обязательность реализации данного грамматического содержания в каждой конкретной единице, входящей в данный грамматический класс, в каждом акте функционирования этой единицы или по крайней мере в центральной сфере ее функционирования); 2) инвариантность (абсолютная для одних типов категориальных значений и относительная для других, когда речь идет об инвариантности определенного признака или комплекса признаков в пределах центральной сферы функционирования данной единицы); 3) опора на интегрированную замкнутую систему формальных грамматических средств [4: 247], в качестве категориального грамматического значения разделительных конструкций, конституирующего своеобразие их смысловых отношений, выделяем значение **альтернативы** (от лат. alter – один из двух). Важным в дефиниции этого понятия, на наш взгляд, является сема ‘один

из двух / нескольких’, детерминирующая реальность только одного из перечисляемых фактов или явлений. Это достаточно широкое понятие отражает специфику разделительных структур, компоненты которых представляют собой альтернативные ряды равновероятных ситуаций. Критерием выделения альтернативы как инвариантного признака конструкций с разделительными союзами послужила обязательность реализации грамматического содержания альтернативы во всех семантических вариантах при всей их изменчивости, при всех преобразованиях, обусловленных взаимодействием с контекстом и речевой ситуацией.

Категориальное грамматическое значение разделительных предложений является основой для выражения девяти вариантов – более конкретных, частных значений, которые группируются в два блока – собственно-альтернативные (центральная сфера семантики) и несобственно-альтернативные (периферийная сфера семантики) значения и располагаются на разных уровнях абстракции в системной организации разделительных предложений (см. рисунок и подробнее об этом [2]).

Системная организация значений разделительных предложений

System organization of the meanings of disjunctive sentences

В **собственно-альтернативных** предложениях вербализуются ситуации, несовместимые, исключаящие друг друга из общего плана реализации – если реальна первая, то нереальна вторая, и наоборот; на момент речи неизвестно, какая реальна: **Или я убью его, или он попадет мне в голову, в локоть, в коленку**¹⁰ (= **если я не убью, то он попадет...**).

В качестве основных собственно-альтернативных значений, являющихся семантической

«вершиной», полностью соответствующей категориальному значению альтернативы, выступают альтернативно-определенное и альтернативно-предположительное значения. Их противопоставление обусловлено тем, что в разделительных конструкциях с *альтернативно-определенным* значением акцентируется уверенность говорящего в том, что одна из вербализованных ситуаций обязательно имеет место:

*Або перемогу здобути, або вдома не бути*¹¹ (укр. яз.); *Ви помиляйтесь зовсім, або я вас не розумію*¹² (укр. яз.); *Або мы пойдзем на пераезд, або сястра сустрэне нас амаль за вёскай* (Я. Брыль)¹³ (белорус. яз.); *Albo brzytwa była źle naostrzona, albo mydło źle rozrobione* (польск. яз.) [7: 211]; *Albo się polubimy, albo się rozstaniemy*¹⁴ (польск. яз.) *Днес или ще вали дъжд, или ще духа вятър* (болг. яз.) [6: 227].

В разделительных конструкциях с *альтернативно-предположительным* значением такой уверенности нет, говорящий сомневается в адекватности репрезентируемых альтернатив денотативной ситуации:

Не то осінні води шуміли, збігаючи в Дунай, не то вітер бився в заламах провалля (М. Коцюбинський)¹⁵ (укр. яз.); *Не то блискавки пронизували небо, не то спалахи електрозварки освітлювали обрії* (А. Шиян) [16: 174] (укр. яз.); *Чи так, до слова, сказав це Корнюша чи навмисне кинув тінь на Любу* (М. Стельмах)¹⁶ (укр. яз.); *Ці жаўрук звінеў у небе, ці свістаў на ліне шпак* (Ц. Гартны)¹⁷ (белорус. яз.); *У карых вачах чалавека свяцілася не то хтрынка, не то прарывалася лёгкая ўсмішка* (М. Лынькоў)¹⁸ (белорус. яз.); *И тия господари не са по-добри от татарите. Я ни дадат вода, я не* (С. Загорчинов) [6: 245] (болг. яз.).

Альтернативно-определенное значение, выступая в качестве интегрального, включает более конкретные значения, ограничивающие проявление альтернативы и противопоставленные по тем планам, по которым осуществляется взаимоисключение событий. События, отражаемые в предикативных единицах, осознаются исключительными друг друга только:

1) из общего временного плана реализации – альтернативно-временное значение:

*Только изредка на канавках позвякивали орудия, или ржала лошадь, или хриплым голосом кричал начальник*¹⁹; *Степ то озивався перепелицею, то в його хащах прошигувала зграя спиритних куріток, то свистав ховрах*²⁰ (укр. яз.); *Хіба що-небудзь трісне і в ту ж мить затихне, або зірветься запізнiла рибка і, різко відсахнувшись від човна, щезне в сутінках* (Г. Гютюнник) [16: 175] (укр. яз.); *То іволга у пісні їх дзвенить, То хлопчик, друзів кличучи, свистить, То соловейко розсипає трелі, То колесо намазане скрипить*²¹ (укр. яз.); *То салавей зальцеца ўдала, то шпак пасобиць ценарком* (П. Броўка)²² (белорус. яз.); *Ту весело се усмих-*

вала, ту се натъжавала или се разплакала (Е. Цанова) [6: 244] (болг. яз.);

2) из единого локального плана реализации – альтернативно-локальное значение:

*То тут, то там изредка шалфей сизеет или мелкий полынь и чабрец пестрит белизну*²³; *Де-не-де біля вирв синіє безводний полин або куциється пахучий чебрець* (О. Гончар)²⁴ (укр. яз.);

3) из одного модального плана реализации – альтернативно-мотивировочное значение:

*Сожгите меня, или я сама наложу на себя руки*²⁵.

Альтернативно-определенное значение включает и еще более конкретное значение – *альтернативно-перечислительное*, не ограничивающее, а несколько нейтрализующее значение альтернативы под влиянием коммуникативного замысла говорящего дать общую характеристику какому-либо реальному событию с помощью перечисления возможных условий его возникновения:

*Когда глазное яблоко слишком коротко или хрусталик слабо преломляет свет, то отраженные близким предметом лучи не успевают сфокусироваться на сетчатке*²⁶; *Не раз, як тільки лист од вітру зашумить, чи блиснуть проти сонця ярі квіти, вона знацька в думці забринить*²⁷ (укр. яз.); *Ці помніш ты сваёй зямлі прасторы, ці бачыў ты віры імклівых рэк?* (С. Грахоўскі)²⁸ (белорус. яз.).

Отношения между компонентами таких предположений, на наш взгляд, нельзя назвать взаимоисключающими: их содержание не соприкасается друг с другом, вопрос о взаимоотрицании одной ситуации другой или об их сосуществовании здесь неуместен. Однако вербализованные ситуации мыслятся альтернативными в силу того, что в конкретном случае реализуется только одна из них.

В разделительных конструкциях с *несобственно-альтернативными* значениями отсутствуют основные признаки разделительности – гипотетичность и возможность осуществления лишь одной из ситуаций. Союз *или* соединяет предикативные единицы, содержание которых отражает реальные события. Однако отношения между ними следует все же считать альтернативными в связи с тем, что репрезентируемые события исключаются из плана их равноценного обозначения

1) с точки зрения точности – *альтернативно-градационное* значение:

*Мать Козетты, поселившаяся в Монрейм-Приморском, ежемесячно писала, или, вернее сказать, поручала писать письма к Тенардьё, справляясь о своем ребенке*²⁹;

2) с точки зрения доступности изложения – *альтернативно-пояснительное значение*:

*Я конэсер-с, конэсер, или, как простонароднее выразить, я в лошадях знаток*³⁰;

или исключаются из плана совместного выполнения того или иного действия – *альтернативно-распределительное значение*:

*В столице этого королевства жилось весело. Почти все жители были торговцами или шли разнообразную одежду*³¹.

Как видим, более конкретные, противопоставленные друг другу значения находятся в отношениях включенности в более абстрактные, то есть располагают не только различиями, но и тождеством некоторых своих элементов. Таким образом, рассмотренные значения обнаруживают системную упорядоченность. Свидетельством тому является: 1) их последовательно проявляющаяся иерархия; 2) антонимичность; 3) замкнутость противопоставлений (см. рисунок).

Варианты категориальной семантики анализируемых конструкций обусловлены контекстуально, ситуативно, а во многих случаях и лексически. В связи с этим детальная классификация конкретных структурно-семантических вариантов в других славянских языках требует глубокого знания языков, свободного владения ими и, конечно же, наличия основательной картотеки языковых фактов.

Выделение разделительных конструкций в особый блок в общей системе сочинения было обусловлено не только характером выражаемых ими значений, но и тем, что эти значения, постоянно усложняющиеся, дифференцирующиеся, видоизменяющиеся в процессе развития языка, эксплицируются определенными средствами связи.

В русском языке традиционно выделяется восемь разделительных союзов – *или, либо, ли... ли, ли... или, то... то, не то... не то, то ли... то ли, а то (а не то, не то, иначе)* [13: 626], в украинском языке в разных источниках – от 6 до 8 союзов: *або, чи, або... або, чи... чи, то... то, не то... не то, чи то... чи то, а чи* [16: 174–175], [17: 303], в белорусском языке – 6 союзов: *або, альбо, ці... ці, то... то, не то... не то, ці то... ці то* [11: 103], в польском языке – 7 союзов: *czy, bądź, lub, albo, to... to, ni to... ni to, czy to... czy to* [7: 152], в болгарском языке – от 5 и более союзов: *или, било... било, ли / дали... или, ту... ту, я... я, хем... хем, кое... кое, ха... ха и др.* [6: 244–245]. В сопоставительном плане разделительные союзы представлены в таблице.

Разделительные союзы
в славянских языках
Disjunctive conjunctions in the Slavic
languages

Русский язык (разделительные союзы)	Украинский язык (розділові сполучники)	Белорусский язык (размеркавальныя злучнікі)	Польский язык (rozłączny spójnik)	Болгарский язык (разделительные союзы)
или	або	або	czy, bądź, lub	или
либо	чи	альбо	albo	било... било
ли... ли	чи... чи	ці... ці	-----	-----
ли... или			-----	ли / дали... или
то... то	то... то	то... то	to... to	ту... ту
не то... не то	не то... не то	не то... не то	ni to... ni to	-----
то ли... то ли	чи то... чи то	ці то... ці то	czy to... czy to	я... я

Специфика украинских союзов *чи то... чи то, не то... не то* заключается в том, что они могут соединять части, вербализующие ситуации, несовместимые как в одном временном плане, так и в силу неоднозначности восприятия того или иного явления в целом:

*Чи то настане нічка темна, чи то веселый день шумить*³² / *То настане почка темная, то веселый день шумит; Чи то снилось мені, чи то справді було — наді мною ялини зелене крило*³³ / *То ли снилось мне, то ли действительно было надо мной ели зеленое крыло.*

Свидетельством этого является и характеристика значений указанных союзов украинскими лингвистами:

«Своєрідну роль виконують повторювані сполучники не то... не то, чи то... чи то, які, виражаючи семантичні відношення чергування, послідовності між предикативними частинами складного речення, мають значення непевності, сумніву, вагання в тому, що з перелічених тверджень є справжнім, а що ні; до цього ж додається ще й відтінок питальності» [16: 174].

В русском языке союзы *то... то* и *то ли... то ли, не то... не то* не являются взаимозаменяемыми.

Повторяющиеся союзы *или... или, либо... либо* в славянских языках отображают ситуацию категорического взаимоисключения (альтернативно-определенное значение):

*Они так и живут. Или все – или ничего*³⁴; *Либо пан, либо пропал* (поговорка); *Або полковник, або покойник*³⁵.

Однако в украинском союз *або... або* может обозначать и альтернативно-предположительное значение (*Або гори Карпати сповиті в синяві мряки, або непроглядні густі проліски синіють здалека*³⁶), в белорусском языке союз *альбо... альбо* способен выражать альтернативно-временное значение (*Альбо дзед гаворыць, альбо баба правовіць некалькі слоў* (П. Галавач)³⁷).

Польские разделительные союзы в основном соответствуют русским. Особенность польского языка состоит в том, что союзы *ni to... ni to, czy to... czy to*, которые выражают дополнительный признак неопределенности, неуверенности, могут употребляться без компонента *to*, например:

Dobiegał stamtąd ni to chrobot, ni syk (S. Lem) – Оттуда доносился не то храп, не то шипение; Jego uśmiech zaprawiony był czy to gorąco, czy zawstydzeniem (J. Broszkiewicz) – В его улыбке была не то горечь, не то стыд [7: 158–159].

В болгарском языке предложения с *ли... или* стилистически и прагматически не маркированы, а предложения с *дали... или*, как и вопросительные предложения с *дали*, маркируют рефлексивность, раздумье, поэтому более характерны для авторской речи и монологов персонажей:

Дали притежаваше лични способности, дарби или свръх умения, или само партийното послуша-

ние го бе изнесло на гребена на вълната? (Г. Мишев) [6: 244–245].

ВЫВОДЫ

Итак, разделительное предложение – это языковой знак, свойственный всем славянским языкам, позволяющий обозначить определенное суждение о мире и имеющий общее категориальное значение альтернативы, реализуемое в более конкретных структурно-семантических разновидностях. Основное различие между разделительными конструкциями в славянских языках состоит в составе отчасти соотносимых союзов, оттенках выражаемых ими значений.

Дальнейшие сопоставительные исследования в этой области во многом будут способствовать более глубокому пониманию взаимоотношений языка и культуры, языка и национального сознания этносов, говорящих на разных, но отчасти сходных языках.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Чехов А. П. Моя жизнь // Чехов А. П. Избранные сочинения. Самара: Самарский Дом печати, 1994. С. 203.
- ² Там же.
- ³ Шевченко Т. У неділю не гуляла // Шевченко Т. Сліпий. Харків: ФОРУМ, 2013. С. 8.
- ⁴ Лапоўская А. М. Беларуская мова: Сінтаксіс складанага сказа. Пунктуацыя: практыкум. Мінск: РІВШ, 2016. С. 12.
- ⁵ Вазов И. Под игото // Най-доброото от Иван Вазов. Т. I. София: Книгоиздателска къща «Труд», 2008. С. 121.
- ⁶ Korpus Języka Polskiego PWN [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sjp.pwn.pl/korpus/szukaj/Powiedzia%C5%82%20g%C5%82o%C5%9Bno%20albo%20te%C5%BC%20pomy%C5%9Bla%C5%82> (дата обращения 12.11.2022).
- ⁷ Закруткин В. Матерь человеческая. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. С. 81.
- ⁸ Москвина М. Небесные тихоходы: путешествие в Индию (2003) // Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?lang=ru&mode=main&noda=1&p=6&req=%D1%82%D0%BE+%D1%82%D1%83%D1%82%2C+%D1%82%D0%BE+%D1%82%D0%B0%D0%BC&sort=i_grtagging&text=lexform (дата обращения 12.11.2022).
- ⁹ Чехов А. П. Степь // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения. Т. 7. М.: Наука, 1985.
- ¹⁰ Толстой Л. Н. Война и мир. М.: ТЕРРА, 1997.
- ¹¹ Козацькі прислів'я та приказки [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://abetka.ukrlife.org/kozatski_ua.html (дата обращения 12.11.2022).
- ¹² Кобилянська О. Людина // О. Кобилянська. Царівна. Вибрані твори: збірка. Харків: Книжковий клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2022.
- ¹³ Пример взят из материалов блога преподавателя Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка С. С. Мороз: Дыдактычны матэрыял да практычных заняткаў. Сінтаксіс. Складаны сказ. Складаназлучаныя сказы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bspu.by/blog/moroz/article/consultation/slozhnoe-predlozhenie> (дата обращения 12.11.2022).
- ¹⁴ Пример взят из материалов блога Е. Kołodziejek [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://24kurier.pl/blogi/ewa-kolodziejek/i-albo-lub/> (дата обращения 12.11.2022).
- ¹⁵ Пример взят из методического пособия Кривіч І. А., Сургай Л. І. Українська мова. 9 клас: Плани-коспекти уроків для шкіл з російською мовою навчання. Харків: Вид-во «Ранок», 2009. С. 19.
- ¹⁶ Фразеологічний словник української мови [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://slovnkyk.me/dict/phraseology/%D0%BD%D0%B0%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D1%83%D1%82%D0%B8> (дата обращения 12.11.2022).
- ¹⁷ Пример взят из учебника для 9-го класса Валочка Г. М., Васюкович Л. С., Зеленко В. У. Беларуская мова: Вучэбны дапаможнік для 9 класа ўстаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай і рускай мовамі навчання. Мінск: Нацыянальны інстытут адукацыі, 2019. С. 53.
- ¹⁸ Там же. С. 67.
- ¹⁹ Толстой Л. Н. Хаджи-Мурат. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018.
- ²⁰ Харчук Б. Ой, Морозе, Морозенку... // Українська літературна газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://litgazeta.com.ua/chytaty-onlayn/harchuk-boris-uj-moroze-morozenku/> (дата обращения 12.11.2022).

- ²¹ Рильский М. Шпаки // Электронна бібліотека Буквоїд [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bukvoid.com.ua/library/maksim_rilskiy/shpaki/ (дата обращения 12.11.2022).
- ²² Пример взят из учебника для 9-го класса Валочка Г. М., Васюкович Л. С., Зеленко В. У. Беларуская мова: Вучэбны дапаможнік для 9 класа ўстаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай і рускай мовамі навучання. Мінск: Нацыянальны інстытут адукацыі, 2019. С. 67.
- ²³ Лесков Н. С. Очарованный странник // Лесков Н. С. Повести. Рассказы. М.: Художественная литература, 1973.
- ²⁴ Пример взят из методического пособия Кривіч І. А., Сургай Л. І. Українська мова. 9 клас: Плани-коспекти уроків для шкіл з російською мовою навчання. Харків: Вид-во «Ранок», 2009. С. 33.
- ²⁵ Мережковский Д. С. Христос и Антихрист. М.: Альфа-книга, 2008.
- ²⁶ Симптомы заболевания глаз // Новое зрение [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eyes.by/glaznye-bolezni/simptomu-zabolevaniya-glaz/> (дата обращения 12.11.2022).
- ²⁷ Українка Л. Забуті слова // Сайт української поезії [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://poety.com.ua/virsh-lesi-ukrayinki-zabuti-slova/> (дата обращения 12.11.2022).
- ²⁸ Пример взят из статьи Бурак І. Л. Складаназлучанія сказы з пералічальна-размеркавальнымі часткамі // Репозиторий БГПУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elib.bspu.by/bitstream/doc/.pdf> (дата обращения 12.11.2022).
- ²⁹ Гюго В. Отверженные. М.: Изд-во «Э», 2015. Конструкцию рассматриваем как моносубъектное сложносочиненное предложение, поскольку в грамматическом плане в ней неоднократно выражается значение времени и наклонения, а в семантическом плане представлено сообщение о нескольких ситуациях [13: 462].
- ³⁰ Лесков Н. С. Очарованный странник // Лесков Н. С. Повести. Рассказы. М.: Художественная литература, 1973.
- ³¹ Новое платье короля // Сказки Г. Х. Андерсена. М.: Эксмо, 2021.
- ³² Глібов Л. І. А нуте, діти, ось сідайте!.. // Публічна електронна бібліотека української художньої літератури [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ukrlit.org/hlibov_leonid_ivanovych/a_nute_dity_os_sidaite (дата обращения 12.11.2022).
- ³³ Нагнибіда М. Чи то снилось мені, чи то справді було [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://pilipyurik.com/index.php?option=com_content&view=article&id=193:2009-12-16-11 (дата обращения 12.11.2022).
- ³⁴ Токарева В. С. Своя правда // Токарева В. С. Одна из многих. М., 2007.
- ³⁵ Козацькі прислів'я та приказки [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://abetka.ukrlife.org/kozatski_ua.html (дата обращения 12.11.2022).
- ³⁶ Кобилянська О. Ю. Час // О. Ю. Кобилянська. Повісті. Оповідання. Новели. Киев: Наукова думка, 1988.
- ³⁷ Пример взят из статьи Бурак І. Л. Складаназлучанія сказы з пералічальна-размеркавальнымі часткамі // Репозиторий БГПУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elib.bspu.by/bitstream/doc/.pdf> (дата обращения 12.11.2022).

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Актуализация предложения. Т. 1. Категории и механизмы: Коллективная монография / В. В. Бурлакова, А. И. Варшавская, П. Джоунс и др. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 236 с.
2. А н а н ь е в а О. А. Семантическая классификация разделительных предложений с союзом или // Предложение и слово: Межвузовский сб. науч. трудов. Материалы третьей междунар. конф. (сентябрь 2005 г., Саратов). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2006. С. 18–24.
3. А р у т ю н о в а Н. Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). М.: Едиториал УРСС, 2002. 384 с.
4. Б о н д а р к о А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
5. Д а в ы д о в а Е. И. Сложносочиненное предложение в когнитивном аспекте // Предложение и слово: Межвузовский сб. науч. трудов. Материалы третьей междунар. конф. (сентябрь 2005 г., Саратов). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2006. С. 358–362.
6. И в а н о в а Е. Ю., Г р а д и н а р о в а А. А. Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского. М.: Языки славянской культуры, 2015. 632 с.
7. К и к л е в и ч А. К., К о ж и н о в а А. А. Польский язык. Минск: ТетраСистемс, 2001. 320 с.
8. К о в т у н е н к о И. В. Сочинительные союзы в контрастивном аспекте: семантика, функции, прагматика (на материале русских и французских языков). Ростов н/Д: АкадемЛит, 2016. 126 с.
9. Л е в и ц к и й Ю. А. Основы теории синтаксиса. М.: Едиториал УРСС, 2002. 236 с.
10. М е й е А. Общеславянский язык. М.: Изд-во иностр. лит., 1951. 492 с.
11. П а в л о в с к а я Н. Ю., Б о р и с е н к о О. В., В а с ю ч е н к о П. В. и др. Белорусский язык для стран СНГ: Учебник. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2012. 452 с.
12. П а н к р а т о в а Т. В., Ш и н к а р е н к о Ю. В. Простое и сложносочиненное предложение с союзами «AND» и «BUT» в английском языке // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 13. С. 120–127.
13. Русская грамматика. Синтаксис. М.: Наука, 1980. Т. II. 709 с.
14. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения / Отв. ред. В. И. Борковский. М.: Наука, 1968. 292 с.
15. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Сложноподчиненные предложения / Отв. ред. В. И. Борковский. М.: Наука, 1973. 360 с.
16. Б е в з е н к о С. П., Л и т в и н Л. П., С е м е р е н к о Г. В. Сучасна українська мова. Синтаксис: Навч. посіб. Київ: Вища шк., 2005. 270 с.

17. Вихованець І. Р. Граматика української мови. Синтаксис: Підручник. Київ: Либідь, 1993. 368 с.

Поступила в редакцію 15.02.2022; принята к публикации 28.04.2023

Original article

Olga A. Pochinyaeva, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)
olyaananieva@mail.ru

DISJUNCTIVE SENTENCES IN THE SLAVIC LANGUAGES

Abstract. The aim of the work is the typological examination of the disjunctive sentences in the systems of three East Slavic languages (Russian, Ukrainian, and Belarusian), one West Slavic language (Polish) and one South Slavic language (Bulgarian). This study is the first attempt at conducting a comparative study of the disjunctive systems in the Slavic languages. Its relevance is determined by the need for a multidimensional comparative description of the disjunctive constructions in related languages, which will make it possible to identify contrasting elements and more clearly identify the specifics of the category of the disjunctiveness in the system of compound sentences. The semantic structure of disjunctive sentences is characterized on the basis of three mutually dependent aspects of meaning: denotative, logical-semantic, and structural-semantic one, consisting in the allocation of the categorical grammatical meaning of the alternative and nine particular meanings determined by the context and the speech situation. The article presents a five-level system organization of the meanings of disjunctive sentences taking into account the semantic differences in the implementation of the main or integral feature.

Key words: disjunctive sentences, disjunctive conjunctions, Slavic languages, categorical meaning, denotative aspect, logical-semantic aspect, structural-semantic aspect

For citation: Pochinyaeva, O. A. Disjunctive sentences in the Slavic languages. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(5):99–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.925

REFERENCES

1. Burlakova, V. V., Varshavskaya, A. I., Jones, P., Emelyanova, O. V., Zelenshchikov, A. V., Maslennikova, A. A., Tretyakov, T. P. Actualization in sentences. Vol. 1. Categories and mechanisms. St. Petersburg, 1997. 236 p. (In Russ.)
2. Ananyeva, O. A. Semantic classification of disjunctive sentences with the conjunction *or*. *Sentence and word: Interuniversity collection of research papers: Proceedings of the III international conference*. Saratov, 2006. P. 18–24. (In Russ.)
3. Arutyunova, N. D. Sentence and its meaning (logical and semantic problems). Moscow, 2002. 384 p. (In Russ.)
4. Bondarko, A. V. Theory of meaning in the system of functional grammar: based on the material of the Russian language. Moscow, 2002. 736 p. (In Russ.)
5. Davydova, E. I. The cognitive aspect of compound sentences. *Sentence and word: Interuniversity collection of research papers: Proceedings of the III international conference*. Saratov, 2006. P. 358–362. (In Russ.)
6. Ivanova, E. Yu., Gradinarova, A. A. Syntactic system of the Bulgarian language contrasted with the Russian language. Moscow, 2015. 632 p. (In Russ.)
7. Kiklevich, A. K., Kozhinova, A. A. The Polish language. Minsk, 2001. 320 p. (In Russ.)
8. Kovtunencko, I. V. Coordinating conjunctions from the contrastive perspective: semantics, functions, pragmatics (based on the material of the Russian and French languages). Rostov-on-Don, 2016. 126 p. (In Russ.)
9. Levitsky, Yu. A. Fundamentals of the theory of syntax. Moscow, 2002. 236 p. (In Russ.)
10. Meillet, A. Common Slavic language. Moscow, 1951. 492 p. (In Russ.)
11. Pavlovskaya, N. Yu., Borisenko, O. V., Vasyuchenko, P. V. et al. The Belarusian language for the CIS countries: Textbook. Moscow, 2012. 452 p. (In Russ.)
12. Pankratova, T. V., Shinkarenko, Yu. V. Simple and syndetic composite sentences with the conjunctions “AND”, “BUT” in English language. *Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2014;13:120–127. (In Russ.)
13. Russian grammar. Syntax. Moscow, 1980. Voll. II. 709 p. (In Russ.)
14. Comparative historical syntax of the East Slavic languages. Types of simple sentences. (V. I. Borkovsky, Ed.). Moscow, 1968. 292 p. (In Russ.)
15. Comparative historical syntax of the East Slavic languages. Complex sentences. (V. I. Borkovsky, Ed.). Moscow, 1973. 360 p. (In Russ.)
16. Bevzenko, S. P. Modern Ukrainian language. Syntax: Textbook. Kiev, 2005. 270 p.
17. Vyhovanets, I. R. Grammar of the Ukrainian language. Syntax: Textbook. Kiev, 1993. 368 p.

Received: 15 February 2022; accepted: 28 April 2023

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА ЛОЙТЕР

доктор филологических наук, профессор, независимый
исследователь
(Петрозаводск, Российская Федерация)
sofia5@sampo.ru

Рец. на кн.: Татьяна Григорьевна Иванова. Библиография (1977–2022). – СПб.: Арт-Экспресс, 2023. – 122 с.

Для цитирования: Лойтер С. М. Рец. на кн.: Татьяна Григорьевна Иванова. Библиография (1977–2022). – СПб.: Арт-Экспресс, 2023. – 122 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 5. С. 107–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.927

Один из самых известных фольклористов России, автор многочисленных трудов Татьяна Григорьевна Иванова вышла новой, необычной книгой «Библиография (1977–2022)», изданной в Санкт-Петербурге. Библиография – одна из ипостасей Ивановой-ученого. Составитель множества библиографических указателей разной проблематики и жанров фольклорной культуры, преемница серии М. Я. Мельц «Русский фольклор», продолженной выпусками 1987, 1990, 1993, 1996, 2001 годов, Татьяна Григорьевна явилась создателем беспримерного пятитомного издания «Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.: В 5 т.», опубликованного в 2020 году в авторитетнейшем издательстве «Дмитрий Буланин». Без преувеличения утверждаю: ни одна из областей филологии не имеет такого полного библиографического обеспечения, как фольклористика. К этому добавлю: из двух тысяч авторских работ, предьявленных Т. Г. Ивановой в «Библиографии», более тысячи составляют словарные статьи. Это разновеликие самостоятельные очерки, которые посвящены сказителям, собирателям, выдающимся и малоизвестным ученым, краеведам, иногда забытым просвещенцам, чей вклад в фольклористику требует внимания. Такого диапазона словарных биографических статей не знает ни один библиографический указатель по фольклористике.

Мне довелось сотрудничать с Татьяной Григорьевной, когда создавался пробный выпуск «Русских фольклористов», и в полной мере ощутить ее высокую требовательность и тщательность в создании персоналий, должных основываться на исчерпывающихся достоверных материалах и библиографиях.

Биографические статьи, «медальоны», при всей их множественности – лишь отдельные эпизоды или моменты непрерывной истории фольклористики, которая является одним из главных предметов изучения Т. Г. Ивановой. История фольклористики – доминанта ее науч-

ной деятельности, начиная с самых ранних работ, монографии «Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках» (1993), докторской диссертации (1994), подготовленных и прокомментированных изданий классиков науки (Д. К. Зеленин), исследований в издании Свода русских былин, работы в рукописном отделе Пушкинского Дома и публикаций на ее основе. Все это предшествовало появлению капитального труда «История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 799 с.», ставшего событием отечественной фольклористики. Знаменитая двухтомная «История русской фольклористики» М. К. Азадовского (написана перед самой войной, но издана после смерти автора в 1958 и 1963 годах), охватывающая период с XVIII по начало XX века и рассматривающая развитие фольклористики в связи с формированием и противоборством общественно-политических течений XIX века (славянофильство, западничество, революционно-демократическое движение), при всей академической основательности, многолетней востребованности и ценности сегодня нуждается не просто в продолжении, но новых подходах и оценках, так как несет на себе неизбежную печать идеологического воздействия.

«История русской фольклористики XX века» охватывает всего сорок лет, но это насыщенный большими драматическими событиями в истории страны и фольклористики период, который как период не изучался. Впервые четыре десятилетия непрерывной истории фольклористики XX века отражены в аналитически предьявленных – прежде всего через труды исследователей – научных направлениях, теориях, личностях, полемике, гипотезах, наблюдениях, событиях, отдельных эпизодах и фактах, иными словами, в тщательно воссозданной во всех сложностях и подробностях истории науки. Несомненное достоинство монографии Т. Г. Ивановой обусловлено тем, что исторически небольшой, но разнородный период истории

фольклористики прочитывается концептуально. Ее периодизация развития отечественной науки о традиционной культуре XX века предполагает семь основных периодов. В монографии специально исследуются только три периода: первый – 1900–1916 – начало столетия; второй – 1917–1928 – от октябрьского переворота – верхняя точка характеризуется разгромом советского краеведения; третий – 1929–1941, однако во Введении намечены особенности каждого из семи периодов. Незаурядность издания побуждает меня сказать о нем подробнее.

Девять глав первого раздела Т. Г. Иванова посвящает предоктябрьской эпохе в фольклористике, называя ее «высшей точкой в развитии всей дореволюционной науки». Подробно описывается собирательская деятельность, наиболее значимые экспедиции и их результаты, воплотившиеся в сборниках, которые стали классическими («Беломорские былины, записанные А. В. Марковым», «Северные сказки» Н. Е. Ончукова и его же «Северные народные драмы» (Толвуйские записи 1904 года и др.)). В этой главе встает проблема становления «русской школы», изучения индивидуальности сказителя. Представленное в первом разделе дает основание автору книги резюмировать, что фольклористика периода 1900–1916 годов развивалась естественно и «занимала заметную нишу в культурной жизни страны».

Большой (из шести глав) второй раздел книги посвящен периоду с 1917 по 1928 год, который, по мнению Т. Г. Ивановой, был одним из самых плодотворных в истории отечественной фольклористики и назван вторым серебряным веком русской культуры. Это доказывается огромным и разноплановым материалом, касающимся и деятельности фольклористических центров, и возрождения краеведения, и формирования научных направлений, и появления больших теоретических исследований (А. Н. Веселовский), и выделения «этнографии детства» в самостоятельную область научного знания. «Свободное» развитие фольклористики в первое послеоктябрьское десятилетие Т. Г. Иванова объясняет тем, что именно в это время успели сформироваться несколько новых научных направлений, которых не было в дореволюционный период. Аналитически представлено в монографии «абсолютно новое направление», каковым была «формальная школа», охватывавшая разные виды словесного искусства. «Формальная школа» обратила исследователей к форме устно-поэтических произведений и внесла огромный вклад в изучение поэтики фольклора. В монографии есть «Общий обзор трудов “формальной школы”» (самостоятельный параграф) и «Книга А. П. Скафтымова “Поэтика и генезис былин”».

Третий раздел – «Фольклористика в 1929 – первой половине 1941 гг.» – интерпретируется как один из наиболее драматических, одиозных и вместе с тем неоднозначных периодов. Это время, как считает исследовательница, утверждения «господства преступного сталинского режима» и «безусловного господства идеологического диктата». Впервые не в отдельных эпизодах, событиях и фактах, а в сложном их переплетении, во всех пагубных последствиях для фольклористики этот период предстал в документированном и обнародованном изложении. Вопиющие факты содержит вторая глава данного раздела «Фольклористы и сталинские репрессии»: это судьбы более 150 академических ученых (среди них Н. Е. Ончуков, М. М. Зимин, В. Я. Пропп, В. Ф. Ржига, В. Н. Перетц, М. Н. Сперанский, Н. И. Кравцов, Н. И. Гаген-Торн, П. С. Богословский) и множества краеведов-любителей. Особо выделены аресты 1937–1938 годов в Карелии (Н. Н. Виноградов, И. М. Дуров, А. Н. Нечаев). Одно из следствий идеологического диктата для фольклористики – замена методологической базы науки, сведение ее к единой позиции, определяемой марксистско-ленинским пониманием культуры. Насаждавший тезис о расцвете фольклора в советскую эпоху диктовал приоритетное внимание к фольклору победившего пролетариата, Октября, Гражданской войны, колхозного строительства. Утверждению фольклористики как одного из инструментов в создании идеологических мифов способствовала допустимость вмешательства ученых в фольклорные процессы. Это проявилось в методах работы со сказителями. Узаконивалось немислимое в науке всех предшествующих лет сотрудничество собирателя со сказителями, результатами которого явились такие многочисленные фальсификации, как плачи, плачи-сказы, новины, новины-поэмы, советские сказки, посвященные деятелям партии, советского правительства, политическим событиям. Данные явления в книге Т. Г. Ивановой получили глубокую, доказательную многообразными материалами аргументацию. Этот новаторский раздел содержит и впервые включенную главу «Русская зарубежная фольклористика в 1920–1930 гг.».

Завершающее монографию «Вместо заключения» корреспондирует к ее Введению, с которым они связаны концепцией периодизации. Как уже отмечалось, в книге выделены семь периодов в развитии фольклористики XX века, три из которых составили содержание книги. Что касается последующих, то Т. Г. Иванова обозначила главные вехи каждого: третий – пятый периоды – 1929–1957 годы – представляют определенное единство, обусловленное эпохой абсолютного господства тоталитарного сталинского режима; шестой – 1958–1986 годы – высвобождение на-

уки об устной народной культуре из-под идеологического гнета. Этот период вбирает в себя и хрущевскую оттепель, и брежневский застой, а завершается временем перестройки. Главные события этого периода: IV Международный съезд славистов 1958 года, выход в свет монографии В. Я. Проппа «Русский героический эпос» и переиздание его «Морфологии сказки», издание трудов сравнительно-исторического характера В. М. Жирмунского, экспедиции Н. И. Толстого и его учеников. Седьмой период – с 1987 года – период идеологического раскрепощения фольклористики, когда фольклор стал пониматься как явление народной культуры, имеющее три составляющие: систему мифологических представлений, систему обрядов (сближение с этнографией), систему жанров. Важными тенденциями этого периода является возвращение в науку классических жанров, некогда исключенных из ее поля зрения по идеологическим мотивам; расширение фольклорного поля за счет жанров, находившихся под запретом; включение проблем народного православия.

Книга требует продолжения. Она, являясь событием для русской фольклористики и событием для ее автора, открывает дорогу будущим исследователям. Монографию продолжает целый ряд учебных пособий Т. Г. Ивановой, основанных на лекционных курсах в таких вузах, как Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова и Санкт-Петербургский государственный университет. Среди пособий – «История фольклористики и этномузыкологии (конец XVIII – XIX век)» (в соавторстве с Г. В. Лобковой) (2020).

В широком спектре научных интересов Т. Г. Ивановой выделяется текстология. С ранних работ и кандидатской диссертации «Текстология былин (По севернорусским записям второй половины XIX–XX вв.)» (1982) и до последних исследований Татьяна Григорьевна выступает как высокоавторитетный текстолог, готовивший к изданию и комментировавший тексты разных жанров. Совершенно особое место в этом ряду занимает былиноведение. Крупнейший былиновед Т. Г. Иванова – составитель многих сборников и автор многочисленных исследований былин.

Не счесть работ об ученых-фольклористах разных времен, в том числе о современниках и коллегах автора. Не счесть рецензий на отдельные издания и выходящие книги. Изредка, но встречаются публикации популярного, просветительского характера, призванные вызывать у широкого читателя «к высокому любви».

Отдельная сфера научной деятельности Т. Г. Ивановой – доклады на многочисленных российских и международных конференциях по проблемам народной культуры и публикации по их следам. Нередко она оказывается организатором, председателем, составителем сборников. С 2003 года Т. Г. Иванова – бессменный руководитель, председатель, редактор и составитель сборника одного из самых престижных международных форумов по народной культуре – Рябининским чтениям в г. Петрозаводске.

В последней на сегодняшний день книге «Библиография (1977–2022)» исследователь подтвердила широту своих интересов и их воплощений, что полнокровно представила во вступительной статье ее автор и редактор, известный фольклорист А. Ф. Некрылова. «Библиография» Т. Г. Ивановой завершается 2022 годом, а за четыре месяца текущего года уже появились четыре ее публикации, в том числе две о былинах. Из ее письма от 2 мая 2023 года:

«Очень хочется в этом году закончить монографию об историческом пространстве в былинах. Исследовала все топонимы, системно, последовательно. Погрузилась в формульное поле топонимов. Через топонимы как-то особенно остро понимаешь глубину исторической памяти севернорусского крестьянства. Неграмотное русское крестьянство, а знают и понимают в истории больше, чем мы с университетским образованием».

В марте этого года у Татьяны Григорьевны был юбилей. Поздравляя доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника Отдела русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, постоянного автора и рецензента научного журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета», мы позволили себе подробно сказать не только о вышедшем издании, но и шире – об ученом Ивановой. Таковы труды и дни Татьяны Григорьевны, так она существует в науке. Возможно ли такое, «высокой страсти не имея»?

Поступила в редакцию 20.04.2023; принята к публикации 31.05.2023

Review

Sofia M. Loiter, Dr. Sc. (Philology), Independent Researcher
(Petrozavodsk, Russian Federation)
sofia5@sampo.ru

The book review: Tatyana Grigoryevna Ivanova. Bibliography (1977–2022). St. Petersburg, 2023. 122 p.
For citation: Loiter, S. M. The book review: Tatyana Grigoryevna Ivanova. Bibliography (1977–2022). St. Petersburg, 2023. 122 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(5):107–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.927

Received: 20 April 2023; accepted: 31 May 2023

ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ МОКШИН

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России
Воронежский государственный университет
(Воронеж, Российская Федерация)
mok410@mail.ru

Рец. на кн.: Пашков А. М. Политическая ссылка и развитие исторического краеведения Карелии в XIX – начале XX века. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2022. – 336 с.

Для цитирования: Мокшин Г. Н. Рец. на кн.: Пашков А. М. Политическая ссылка и развитие исторического краеведения Карелии в XIX – начале XX века. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2022. – 336 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 5. С. 110–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.928

Современное российское краеведение уже достигло такого уровня развития, когда неизбежно встает вопрос о необходимости более обстоятельного исследования его истории. Прежде всего, конечно, на уровне отдельных регионов. В этом отношении книга известного историка дореволюционной Карелии, члена Союза краеведов России Александра Михайловича Пашкова вызывает несомненный интерес.

Так уж получилось, что изучение истории Карелии до 1917 года неразрывно связано с политической ссылкой. Начиная со второй четверти XIX века в Олонецкой губернии побывало много выдающихся представителей своей эпохи: декабристы Ф. Н. Глинка и С. А. Раевский, петрашевец А. П. Баласогло, кирилло-мефодиевец Н. И. Костомаров, народники А. С. Пругавин¹ и С. А. Приклонский, социал-демократ А. А. Каменев и др. Однако их вклад в изучение истории и этнографии Карелии, несмотря на обилие литературы², до сих пор не подвергался сравнительно-историческому анализу и, по убеждению автора, значительно преувеличен в ущерб местным краеведам (с. 296)³. Обратившись к данной теме, А. М. Пашков поставил своей целью изучить культурно-просветительскую деятельность политических ссыльных в контексте общего развития исторического краеведения Карелии на протяжении XIX – начала XX века.

Рецензируемая книга состоит из одиннадцати глав, которые по хронологии можно разделить на две части: политическая ссылка в первой половине XIX века и во второй половине XIX – начале XX века⁴. Каждая часть начинается с общей характеристики ссылки на соответствующем этапе как социокультурного явления (главы первая и шестая). Затем следуют главы, посвященные краеведческой деятельности политических ссыльных (по пять человек в каждой части), оказавших, по мнению А. М. Пашкова, наибольшее

влияние на становление и развитие местной краеведческой традиции.

В первой половине XIX века политических ссыльных в Карелии было сравнительно мало. Краеведением же занимались единицы, и в основном это были дворяне, чей культурный и образовательный уровень был выше, чем у местной интеллигенции и чиновников. Причем, по наблюдению автора, своим участием в местных «язысканиях» эти первые краеведы видели способ продемонстрировать свою лояльность местным властям и добиться скорейшего освобождения из ссылки. К сожалению, историк не уточняет, сработал ли у них этот прием, но именно ссыльные 1825–1861 годов внесли наибольший вклад в развитие местной культуры и формирование исторического сознания жителей края (с. 22, 299).

В пореформенный период вклад политических ссыльных в краеведение Карелии серьезно уменьшился, а в начале XX века вообще сошел на нет, хотя за это время их число увеличилось многократно (правда, вместе с неуклонным понижением культурного уровня). Автор справедливо связывает данную тенденцию с ростом оппозиционности ссыльной интеллигенции в лице народников и марксистов и в публицистическом (то есть тенденциозном) характере их работ, к тому же публикуемых не в Петрозаводске, а в столичной либеральной печати. И еще одна важная причина – это общий рост активности местных краеведов из числа чиновников, священников и учителей, особенно заметный после революции 1905–1907 годов (с. 130, 298, 299).

Основное содержание книги А. М. Пашкова – это собственно очерки краеведческой деятельности десяти политических ссыльных и их идейного окружения. Автор старался придерживаться следующей схемы: биография, причины ссылки, обстоятельства пробуждения интереса к изучению места своего изгнания, выявление и анализ

основных историко-краеведческих трудов и определение их вклада в изучение Карелии на различных его этапах. Особенно выделяются очерки о П. Н. Рыбникове, Ф. Н. Глинке и С. А. Приклонском как опирающиеся на наиболее солидную источниковую базу и самые большие по объему.

К несомненным достоинствам рецензируемого труда следует отнести, во-первых, постановку и решение А. М. Пашковым новых исследовательских задач. Прежде всего это необходимость более объективного изложения эволюции мировоззрения ссыльных краеведов и влияния ссылки на эту эволюцию, изучение взаимовлияния краеведческой деятельности политических ссыльных и местной краеведческой традиции, а также важность восприятия краеведческих исследований ссыльных как многоаспектного процесса формирования местного исторического сознания. Во-вторых, ввод в научный оборот новых материалов, связанных с жизнью и деятельностью политических ссыльных⁵, и, соответственно, расширение общего списка их имен. В их числе: В. М. Белозерский, Н. И. Костомаров и П. П. Чубинский. В-третьих, пересмотр устоявшегося в историографии мифа об определяющем влиянии политических ссыльных на развитие краеведения в дореволюционной Карелии. Автору

удалось доказать, что таких ссыльных было немного и их влияние на местное краеведческое движение относится главным образом ко времени его зарождения, что отнюдь не умаляет важности их трудов для изучения тех разделов истории и культуры края, которыми они занимались (фольклор, этнография, история старообрядчества и т. д.). И, наконец, установление связи между политической позицией ссыльного краеведа и содержанием его краеведческих трудов, что является важным методологическим принципом, который может быть использован в подобных историографических исследованиях.

Впечатляет и общий объем использованных автором источников и литературы, включающий более 750 названий (с. 300–332). Монографию украшают портреты политических ссыльных (Ф. Н. Глинки, П. Н. Рыбникова, П. П. Чубинского и др.), обложки их книг, а также виды Карелии, в том числе отражающие культуру и быт ее жителей XIX – начала XX века.

В целом книга А. М. Пашкова является примером скрупулезного и вдумчивого анализа истории изучения Карельского края, которая может послужить основой для дальнейших исследований краеведческого движения в других регионах нашего Отечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. С. Пругавин отбывал ссылку в Кемской волости Архангельской губернии, которая также находится на территории современной Карелии.

² Общий обзор работ о краеведческой деятельности политических ссыльных в Карелии представлен во введении монографии А. М. Пашкова.

³ Здесь и далее ссылки на рецензируемую монографию даются в тексте в круглых скобках.

⁴ В книге эти две части не выделены и главы имеют сплошную нумерацию.

⁵ Значительная часть использованных в монографии А. М. Пашкова материалов извлечена из центральных и местных архивов (Российский государственный исторический архив, Рукописный отдел Института русской литературы, Национальный архив Республики Карелия и др.) и дореволюционных периодических изданий.

Поступила в редакцию 01.03.2023; принята к публикации 29.05.2023

Review

Gennadiy N. Mokshin, Dr. Sc. (History), Associate Professor,
Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation)
mok410@mail.ru

The book review: Pashkov A. M. Political exile and the development of historical local lore studies in Karelia in the XIX and the early XX centuries. St. Petersburg, 2022. 336 p.

For citation: Mokshin, G. N. The book review: Pashkov A. M. Political exile and the development of historical local lore studies in Karelia in the XIX and the early XX centuries. St. Petersburg, 2022. 336 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(5):110–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.928

Received: 1 March 2023; accepted: 29 May 2023

ОЛЬГА ЮРЬЕВНА ЖУКОВА

(19.12.1978 – 31.01.2023)

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры прибалтийско-финской
филологии, переводчица, поэтесса

Ольга Юрьевна Жукова родилась в вепском поселке Курба Подпорожского района Ленинградской области. Окончив в 1996 году Винницкую среднюю школу, поступила в Петрозаводский государственный университет на факультет прибалтийско-финской филологии и культуры, где и осталась преподавать вепский язык, совмещая преподавание с работой младшего научного сотрудника сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

В 2009 году О. Ю. Жукова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Языковые особенности вепских обрядовых причитаний». Она является автором монографии «Вепские обрядовые причитания: от поэтики жанра к поэтике слова» (2015) и составителем сборников «Что на уме, то и на языке. Вепские пословицы и поговорки» (2018) и «Обернись-ка милой кукушечкой: вепские причитания». Ольга Юрьевна участвовала в составлении «Орфографического словаря вепского языка» (2012), «Русско-вепского разговорника» (2018), «Лингвистического атласа вепского языка» (ЛАВЯ) (2019), «Нового русско-вепского словаря» (2021). Входила в состав Республиканской термино-орфографической комиссии при Главе Республики Карелия, являлась активным членом «Общества вепской культуры», а также принимала участие во многих международных научных проектах, направленных на сохранение, развитие и популяризацию языка и культуры малочисленных народов России.

О. Ю. Жукова редактировала вепские тексты энциклопедии И. Ю. Винокуровой «Мифология вепсов» (2015), а также перевод эпической поэмы «Калевала» на вепский язык, выполненный Н. Г. Зайцевой (2022).

Многолетняя педагогическая деятельность нашла свое отражение в пособиях по вепскому языку для студентов Петрозаводского государственного университета: «Сборник упражнений по вепскому языку. Часть 1. Глагол I (Финитные. Спрягаемые категории глагола)» (2022), «Сборник упражнений по вепскому языку. Часть 2. Глагол II (Инфинитивы. Причастия. Пассивные формы. Возвратное спряжение)» (2022), а также «Вепсоязычная литература Карелии: становление, развитие, перспективы» (2023).

Ольга Юрьевна – автор стихотворений и рассказов для детей. Первые публикации на вепском языке приходятся на годы учения в школе. Многие произведения напечатаны в детском журнале «Kipinä», газете «Kodima», в коллективных сборниках и литературном альманахе «Vereztullei». В 2011 году вышел в свет сборник стихов и песен для детей Ольги Жуковой «Mäthudel» («На пригорке»). Она также стала автором-составителем сборника фольклора и стихов для детей «Itti-totti» (2017), сборника вепских сказок «Сам слышал, сам видел» = «Iče kulin, iče nägin» (2019). Стихотворения и проза О. Жуковой вошли в двуязычные антологии «Современная литература народов России. Поэзия» (2017), «Современная литература народов России. Детская литература» (2018), «Современная литература народов России. Драматургия» (2020).

В 2015 году О. Жукова стала лауреатом Всероссийской литературной премии имени Н. С. Лескова «Очарованный странник» за лучший художественный перевод в составе коллектива переводчиков книги Д. А. Мизгулина «Когда-то солнце было богом».

Ольга Юрьевна Жукова останется в памяти коллег прекрасным человеком, компетентным педагогом и ученым, добрым и отзывчивым другом.

Кафедра прибалтийско-финской филологии ПетрГУ

**«ПОКА НАС ПОМНЯТ, МЫ ЕЩЕ НЕ УШЛИ...»:
к 65-летию со дня рождения Я. И. Гина**

30 мая 2023 года в Научной библиотеке Петрозаводского государственного университета состоялся межвузовский научный семинар, посвященный 65-летию со дня рождения кандидата филологических наук Якова Иосифовича Гина. В названии семинара использована цитата из письма главы Тартуской литературоведческой школы Ю. М. Лотмана, отправленного родителям Я. И. Гина после известия о смерти молодого ученого: «Пока нас помнят, мы еще не ушли...».

Подготовка к мероприятию велась на протяжении нескольких месяцев при активном участии сотрудников кафедры русского языка, магистрантов Института филологии, сотрудников Научной библиотеки ПетрГУ, подготовивших выставку работ Я. И. Гина, а также работников архива ПетрГУ, предоставивших документы из личного дела, бережно хранящегося в университетских фондах. В семинаре принял участие С. Т. Золян, доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (Калининград), известный в России и за ее пределами специалист в области герменевтики, семиотики, семантики художественного текста, главный редактор научного журнала БФУ им. И. Канта «Слово.ру. Балтийский акцент». С докладом на тему «*СУМЕРКИ* в русской поэзии» выступила главный организатор семинара, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка ПетрГУ Н. В. Патроева. Воспоминаниями о Я. И. Гине поделились его бывшие одноклассники и однокурсники.

Еще в студенческие годы Яков Иосифович Гин опубликовал отвечающие новым запросам лингвистики и сразу привлечшие к себе внимание академической и вузовской науки статьи, которые были посвящены функционированию морфологических категорий в фольклорном и литературно-художественном тексте, семантической трансформации форм имен существительных при персонификации и образном переосмыслении («травести») корреляции по роду и полу¹, став ярким представителем Карельской (Петрозаводской) филологической школы, работавшей под руководством профессора З. К. Тарланова. Таким образом, уже в конце 1970-х годов в советскую, российскую науку вошел незаурядный ученый с оригинальной концепцией поэтики граммати-

ческих категорий, чьи научные замыслы стали достойным продолжением идей А. А. Потебни, Д. Н. Овсянико-Куликовского, А. Н. Веселовского, Г. Г. Шпета, Л. В. Щербы, Р. О. Якобсона. Профессор Л. В. Савельева так охарактеризовала методологию гиновских исследований:

«Сложности и многомерности художественного текста соответствовал глубоко разработанный автором комплексный анализ семантико-грамматического, фольклористического и семантико-эстетических аспектов, сама методика проведения которого являла собой научное достижение поэтической филологии»².

Большую роль в становлении Я. И. Гина как филолога с широчайшей эрудицией и как незаурядной личности сыграли труды М. Ю. Лотмана, лекции и общение со стиховедом П. А. Рудневым. Профессор Ю. М. Лотман вручил медаль Тартуского университета студенту Якову Гину, выступившему с докладом «Категория одушевленности-неодушевленности и проблема олицетворения».

После успешной защиты дипломной работы «Поэтика грамматического рода и категории одушевленности в фольклоре» и двух лет работы в Шуйской средней школе Я. И. Гин поступил в аспирантуру Петрозаводского университета и начал работать в Карельском государственном педагогическом институте, увлеченно читая студентам курсы «Введение в языкознание», «Современный русский литературный язык», «Лингвистический анализ художественного текста».

Кандидатская диссертация «Грамматический род как категория поэтического языка», написанная под руководством профессора З. К. Тарланова, с опорой на широчайший материал фольклорных и литературных произведений, была завершена досрочно, состоялась блестящая защита в ЛГУ, продемонстрировавшая признание идей и заслуг молодого лингвиста перед научной общественностью: так, выступивший на защите член-корреспондент АН СССР К. В. Чистов подчеркнул, что талантливый представитель высокоавторитетной Петрозаводской лингвистической школы «внес серьезный и ценный вклад в разработку поэтики грамматических категорий»; доктор филологических наук С. Т. Золян в своем отзыве отметил, что диссертационное сочинение Я. И. Гина –

«ценный вклад в лингвистическую теорию поэтического языка... Оригинальность и в выборе темы, и в подходе к проблеме предопределили и оригинальность всех полученных исследователем выводов, каждый из которых, безусловно, будет учтен в лингвистической поэтике»³.

Сказанное Суrenom Золяном сбылось: статьи Якова Гина на рубеже 1980-х и 1990-х годов публиковались не только в сборниках научных статей (например, «Проблемы структурной лингвистики» Института русского языка Академии наук СССР или «Язык русского фольклора» в Петрозаводском университете) и материалах конференций (в Москве, Ленинграде, Тарту, Калинин, Волгограде), но и в ведущих академических журналах: «Вопросы языкознания», «Русская речь», «Известия Академии наук. Серия литературы и языка»⁴. В личном архиве Якова Гина сохранились проект докторской диссертации, посвященной, в частности, проблемам «поэтической филологии», лирической коммуникации, «переключению» лиц в шифтерной системе стихотворного текста, а также письма Я. И. Гину от члена-корреспондента АН СССР В. Н. Топорова и ведущего научного сотрудника Института русского языка им. В. В. Виноградова И. И. Ковтуновой, свидетельствующие о высокой оценке вклада петрозаводского филолога в поэтику грамматических категорий.

Якова Иосифовича уже более 30 лет нет с нами, но остались статьи и книги⁵, заботливо подготовленные к изданию его мамой – Софьей Михайловной Лойтер, ведущим специалистом в области изучения фольклора, заслуженным деятелем науки Республики Карелии. Многие сделал для сохранения памяти о сыне и отец – Иосиф Михайлович Гин, известный петрозаводский литературовед, брат выдающегося исследователя русской литературы и в течение многих лет заведующего кафедрой русской литературы Петрозаводского университета М. М. Гина.

«Мы хотим видеть его нашим современником и собеседником», – этими словами С. Т. Золяна, приславшего из Еревана свой отклик на доклад С. М. Лойтер «Поэтика грамматики в работах Я. И. Гина»⁶, прозвучавший на международной конференции «Грамматические исследования поэтического текста» в сентябре 2017 года, хотелось бы в заключение подчеркнуть теоретическую ценность, актуальность и непреходящее значение трудов Якова Иосифовича Гина в области «грамматики поэзии».

Семинары, посвященные истории Петрозаводской лингвистической школы, способствуют сохранению преемственности научных традиций, приумножают память о заслугах лучших представителей русской филологии в Карелии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Гин Я. И. Из наблюдений над грамматической категорией рода в русской народной сказке // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1977. С. 114–127.

² Савельева Л. В. Проблемы лингвопоэтики в работах Я. И. Гина // Проблемы поэтики языка и литературы: Материалы междунар. науч. конф. памяти Я. И. Гина. 22–24 мая 1996 г. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 1996. С. 3.

³ Цит. по: Савельева Л. В. Вместо предисловия // Гин Я. И. Поэтика грамматического рода. Петрозаводск: КГПИ, 1992. С. 5.

⁴ Перечень научных трудов Я. И. Гина опубликован, например, в статье: Лойтер С. М. Памяти Я. И. Гина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 4 (173). С. 111–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.159. См. также: Левинтон Г. А. Яков Иосифович Гин (29 мая 1958 – 18 февраля 1991) // Живая старина. 2008. № 3. С. 40–42; Патроева Н. В. Значение работ Я. И. Гина для исследований поэтического синтаксиса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 4 (173). С. 100–103. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.157

⁵ См., напр.: Гин Я. И. О поэтике грамматических категорий / Сост., предисл., подгот. текстов, коммент. С. М. Лойтер. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 287 с.

⁶ См.: Лойтер С. М. Поэтика грамматики в работах Я. И. Гина // Грамматические исследования поэтического текста: Материалы междунар. науч. конф. Петрозаводск, 07–10 сентября 2017 года / Отв. ред. Л. Л. Шестакова, Н. В. Патроева. Петрозаводск, 2017. С. 11–14.

*Н. В. Патроева,
доктор филологических наук,
профессор, зав. кафедрой русского языка ПетрГУ
nvpatr@list.ru*

Natalia V. Patroeva, Dr. Sc. (Philology), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
nvpatr@list.ru

**“AS LONG AS WE ARE REMEMBERED, WE ARE NOT YET GONE...”:
celebrating the 65th birth anniversary of Yakov I. Gin**

**«СУЩЕСТВУЕТ ГРОМАДНАЯ ВСТРЕЧА...»:
ИТОГИ КОНФЕРЕНЦИИ «ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ
В РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ»**

5–7 июня 2023 года в Петрозаводском университете состоялся научный форум «Евангельский текст в русской словесности». Одной из старейших российских конференций, широко известной и за пределами нашей страны, в этом году исполнилось 30 лет. Ее целью является разработка новой концепции русской литературы как христианской словесности. Эта концепция учитывает национальные особенности и духовную эволюцию русской словесности с древнейших времен и до современности, раскрывает непрерывность христианской традиции.

Конференция открылась традиционно: как и 30 лет назад, в Духов день. После приветственных слов проректора по учебной работе к. филол. н. К. Г. Тарасова, директора Института филологии О. Г. Абрамовой и основателя конференции, заведующего кафедрой классической филологии, русской литературы и журналистики ПетрГУ профессора В. Н. Захарова состоялось пленарное заседание. Известные литературоведы В. Н. Захаров, А. С. Миронов, А. Н. Ужанков, И. А. Есаулов, В. В. Борисова, Л. Б. Карпенко, В. Т. Захарова выступили с докладами о русской идее и христианской традиции в русской словесности, о современных исследованиях творчества великих русских писателей.

5 и 6 июня на секционных заседаниях, посвященных русской словесности XI–XXI веков, слушатели познакомились с почти сотней докладов исследователей из 50 городов России, а также Италии и Республики Беларусь. Рассматривая трансформацию агиографической традиции в русской литературе всех периодов, участники конференции обратились к фольклору, духовным стихам, псалмам, житиям, притчам Иисуса Христа, Лествице, Богородичному циклу, молитве и рассмотрели их в жанровых модификациях рождественских и пасхальных произведений, привлекая новый историко-литературный материал. Наряду с устоявшимися категориями, такими как «евангельский текст», «евангельский код», в докладах активно использовалось понятие «христианский дискурс», по-прежнему в центре внимания ученых находились библейские образы, евангельские сюжеты и мотивы, особенно мотивы искушения и духовного самопожертвования. Состоялся содержательный и профессионально полезный разговор литературоведов. Были рас-

смотрены различные аспекты проблематики и поэтики русской литературы: христоцентризм позиции одних авторов, христианская интуиция других, атеизм третьих, евангельская и мифопоэтическая составляющие произведений, жанровая поэтика, поэтика пространства и времени, системы образов и специфика символизма и др.

На конференции «Евангельский текст в русской словесности» в 2023 году были представлены интерпретации произведений не только классиков (А. Блока, Л. Андреева, И. Шмелева, А. Платонова, И. Бунина, Л. Леонова, В. Гроссмана, В. Распутина), но и новых авторов, которые пишут в настоящее время и пока малоизвестны широкому кругу читателей, таких как С. А. Щербаков, М. А. Кучерская, А. Б. Торик, М. В. Павлов, В. Яковлев. Их имена открыли в своих докладах Антонелла Кавацца (Италия), Н. В. Пращерук (Екатеринбург), С. О. Захарченко (Петрозаводск).

Отдельно была организована секция «Наследие Ф. М. Достоевского в русской словесности», открывшаяся обзорным докладом С. А. Кибальника (Санкт-Петербург) «Восстановление “погибшего” человека в русской литературной классике» и продолжившаяся 17 выступлениями ученых из разных городов России. Участники данной секции вели очень плодотворную дискуссию по поводу каждого доклада.

По завершении конференции состоялся круглый стол, на котором участники откровенно и с накопившейся болью говорили о проблемах гуманитарного образования в России и перспективах изучения христианской традиции в русской словесности. Отрадно, что среди участников конференции были представители молодого поколения ученых: студенты, магистранты, аспиранты, так что есть преемственность в исследовании русской литературы как христианской словесности.

Научное значение конференции «Евангельский текст в русской словесности» сформулировал ее постоянный участник И. А. Есаулов (Москва), выделив пять важнейших факторов. Во-первых, «она изначально, с 1993 года, имела не локальный характер, но международный – не только по формальному статусу, но и по своей сути, ни одну из одиннадцати прошедших конференций нельзя охарактеризовать как “провин-

циальную»». Во-вторых, «она наиболее решительно и последовательно в России отмежевалась не только от “марксизма-ленинизма” в изучении русской литературы, но и от других подобных ему etic-подходов, овнешняющих предмет своего изучения, при этом предлагались собственные, глубоко оригинальные концепции истории отечественной словесности, которые находятся не в диссонансе с самим духом нашей культуры, но в созвучии с ней». В-третьих, «изучение евангельского текста и христианского предания (традиции) осуществлялось не посредством декларируемых идеологических абстракций, оторванных от материала, но, напротив, с погружением в историческую поэтику русской литературы (замечательным результатом явилась публикация сначала научных сборников по итогам конференции, выдерживающих сравнение с лучшими зарубежными аналогами, а иногда и превосходящих их, а затем и – силами петрозаводского научного коллектива – регулярного журнала “Проблемы исторической поэтики”, известного как в нашей стране, так и за ее пределами)». В-четвертых, «от конференции к конференции тематика и временной охват не только не измельчались, но и расширялись и углублялись (если первые конференции ограничивались XVIII–XX веками и, в целом, собственно художественной литературой, то позже хронологические рамки были расширены, соответственно, в названии цикла появилось понятие “словесности”, лучше передающее предмет исследований)». В-пятых, «организаторам (в первую очередь проф. В. Н. Захарову) удалось на протяжении тридцати лет как сохранять преемственность, так и осуществлять органическое обновление состава участников (достаточно сказать, что на последней конференции мы слышали уже третье поколение ученых, разрабатывающих столь важную для современной России научную проблематику)».

Из пожеланий на будущее участники конференции высказали предложение о сокращении количества онлайн-докладов и расширении очного обсуждения (38 из 106 докладов прозвучали в онлайн-режиме).

Материалы конференции будут опубликованы в научных журналах «Проблемы исторической

поэтики», «Неизвестный Достоевский» и «Ученые записки Петрозаводского государственного университета».

Остается привести выдержки из некоторых писем участников конференции «Евангельский текст в русской словесности» 2023 года.

«Эта конференция, объединяющая отечественных и зарубежных исследователей духовной составляющей русской словесности с древнейших времен и до современности, ставит важнейшую задачу не только для развития гуманитарной науки, но и для сохранения традиционных ценностей русской культуры и ее национального кода, что напрямую связано со сферой национальной и государственной безопасности» (Н. В. Пращерук, Екатеринбург).

«Очень Вам признателен, что пригласили на нее и предоставили возможность общения с замечательными людьми!» (А. Н. Ужанков, Москва).

«Спасибо еще раз за организацию конференции, за теплый прием, за возможность дружеского общения и на конференции, и после нее, во время поездки на Кивач. Все было великолепно!» (А. А. Дырдин, Ульяновск).

«Общение с участниками “Евангельского текста”, сама идея конференции – все это нас заряжает на вдохновенную научную и педагогическую работу. Так будем продолжать делать наше дело с Божией помощью!» (Л. В. Стебенева, Москва).

«XI Всероссийская (с международным участием) научная конференция “Евангельский текст в русской словесности”, состоявшаяся в Петрозаводском университете 5–7 июня сего года, останется в нашей памяти как яркое, незаурядное научное событие» (В. Т. Захарова, Нижний Новгород).

«Можно со всей определенностью констатировать, что конференция удалась и подтвердила продуктивность изучения русской словесности в русле этнопоэтики, которое благодаря общим усилиям продолжает расширяться» (В. В. Борисова, Москва, Уфа).

Мы знаем дату следующей встречи ученых. По пасхалиям это случится снова в Духов день – 1 июня 2026 года.

*И. С. Андрианова,
канд. фил. н., директор Международного
центра изучения Достоевского Института филологии,
Петрозаводский государственный университет
yarysheva@yandex.ru*

Irina S. Andrianova, Cand. Sc. (Philology), Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
yarysheva@yandex.ru

**“THERE IS A TREMENDOUS ENCOUNTER...”:
RESULTS OF THE CONFERENCE “THE GOSPEL TEXT IN RUSSIAN LITERATURE”**

ФГБУК «Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник «Кижь»

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

Фонд поддержки и развития культуры «Кижь»
КРОО «Лига прибалтийско-финских народов»

РЯБИНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2023

С 12 по 16 сентября 2023 года в городе Петрозаводске будет проходить IX конференция по традиционной культуре Русского Севера «Рябининские чтения – 2023». Приглашаем принять участие в конференции специалистов разных научных дисциплин: фольклористов, этномузыковедов, лингвистов, искусствоведов, историков, археологов, этнографов, архитекторов, археографов, литературоведов. Организаторы конференции призывают к активному участию специалистов из музеев Севера России.

В рамках секционных заседаний конференции предполагается рассмотреть следующий круг тем:

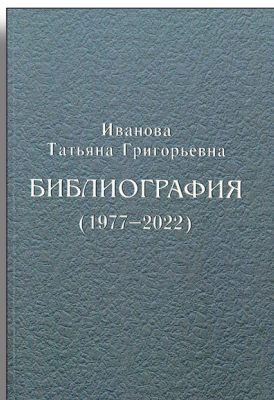
- Фольклорное наследие народов Русского Севера (эпос, лирика, сказочные и несказочные прозаические жанры, обряды и обрядовая культура и др.).
- Народная песенная, инструментальная и хореографическая культура Русского Севера: проблемы изучения, сохранения и преемственности.
- Культура Русского Севера в народном слове.
- Книжность и литература: проблемы источников и поэтики «северного текста».
- Православие на Русском Севере.
- Проблемы этнической истории Русского Севера.
- Кижь: история и культура.
- Деревянное зодчество и народное искусство: проблемы изучения, сохранения и реставрации.
- Музейные коллекции как источники изучения традиционной культуры.
- Изучение и музеефикация традиционных технологий.
- Вопросы актуализации культурного наследия: вызовы современности.

Конференция будет проходить в смешанном очно-дистанционном формате с использованием системы видеоконференцсвязи. Допускается заочное участие – в форме публикации статьи в сборнике материалов конференции.

Дополнительную информацию о «Рябининских чтениях» можно получить в музее-заповеднике «Кижь» у Михайловой Натальи Сергеевны: тел. +7-921-222-6437, e-mail: mihailova@kizhi.karelia.ru

CONTENTS

<p>Editorial note ..... 7</p> <p>ARCHAEOLOGY</p> <p><i>German K. E.</i> PETROGRAPHIC STUDIES OF THE SPERRINGS CERAMICS FROM THE MONUMENTS OF THE SOUTHWESTERN WHITE SEA REGION ..... 8</p> <p>RUSSIAN HISTORY</p> <p><i>Kozhevnikova Yu. N.</i> KOLA COUNTY OF THE ARKHANGELSK EPARCHY IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY: RURAL PARISHES AND CLERICS ..... 15</p> <p><i>Krivosozhenko A. F.</i> FUNCTIONING OF THE SMALL CREDIT MANAGEMENT SYSTEM IN THE OLONETS PROVINCE DURING THE POST-REFORM PERIOD ..... 23</p> <p><i>Bogacheva K. M.</i> FORMATION OF KARELIA'S SISTER-CITIES RELATIONS (ANALYSIS OF THE REPUBLICAN NEWSPAPERS) ..... 32</p> <p><i>Kayumova M. R.</i> THE ROLE OF MUSEUM REPRESENTATIONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN FORMING THE IDENTITY OF SOVIET CITIZENS ..... 42</p> <p>ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY</p> <p><i>Dzhioshvili E. A.</i> TRADITIONAL LIVELIHOOD PRACTICES AND HOUSEHOLD CALENDAR OF KARELIAN POMORIE ..... 53</p> <p>RUSSIAN LANGUAGE, NATIONAL LANGUAGES OF RUSSIA</p> <p><i>Habibullina L. G.</i> ATTRIBUTION AS A SEMANTIC CATEGORY ..... 62</p> <p><i>Dmitrieva J. L.</i> THE GARDEN IMAGE IN THE HORIZONTALLY ORIENTED SPATIAL MODEL OF THE WORLD IN SERGEY YESENIN'S WORKS ..... 67</p>	<p>THEORETICAL, APPLIED AND CONTRASTIVE LINGUISTICS</p> <p><i>Tomelleri V. S.</i> NIKOLAY FEOFANOVICH YAKOVLEV'S PHONOLOGICAL THEORY AND ITS RECEPTION IN WESTERN LINGUISTICS ..... 74</p> <p><i>Kipyatkova I. S., Rodionova A. P., Kagirov I. A., Krizhanovsky A. A.</i> SPEECH AND TEXT DATA PREPARATION FOR DEVELOPING OF AN AUTOMATIC SPEECH RECOGNITION SYSTEM FOR THE KARELIAN LANGUAGE ..... 89</p> <p><i>Pochinyaeva O. A.</i> DISJUNCTIVE SENTENCES IN THE SLAVIC LANGUAGES ..... 99</p> <p>Reviews</p> <p><i>Loiter S. M.</i> The book review: Tatyana Grigoryevna Ivanova. Bibliography (1977–2022) ..... 107</p> <p><i>Mokshin G. N.</i> The book review: Pashkov A. M. Political exile and the development of historical local lore studies in Karelia in the XIX and the early XX centuries ..... 110</p> <p>Memory</p> <p>In memory of O. Yu. Zhukova ..... 112</p> <p>Scientific information</p> <p><i>Patroeva N. V.</i> “As long as we are remembered, we are not yet gone...”: celebrating the 65th birth anniversary of Yakov I. Gin ..... 113</p> <p><i>Andrianova I. S.</i> “There is a tremendous encounter...”: results of the conference “The Gospel Text in Russian Literature”... 115</p> <p>Scientific information ..... 117</p>
---	--

ИВАНОВА ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА БИБЛИОГРАФИЯ (1977–2022)

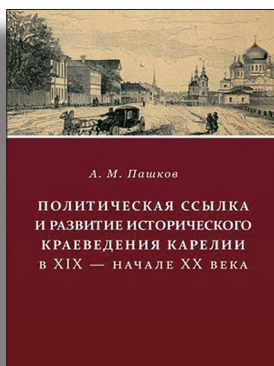
В юбилейном издании представлены публикации одного из самых крупных и авторитетных фольклористов современной России, доктора филологических наук, главного научного сотрудника Института русской литературы (Пушкинский Дом) Т. Г. Ивановой, начиная с 1977 года.

Татьяна Григорьевна Иванова. Библиография (1977–2022). – СПб.: Арт-Экспресс, 2023. – 122 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

А. М. Пашков

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА И РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ КАРЕЛИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Данное исследование посвящено анализу вклада политических ссыльных XIX – начала XX века в изучение региональной истории и этнографии Карелии, в формирование у местного населения исторического самосознания и исторической мифологии, в создание и популяризацию образа региона и отдельных региональных брендов.

Отдельные главы посвящены ссыльным, оказавшим наибольший вклад в изучение истории и этнографии Карелии (Ф. Н. Глинка, С. А. Раевский, А. П. Баласогло, В. М. Белозерский, П. П. Чубинский, П. Н. Рыбников, А. С. Пругавин, С. А. Прикловский и А. А. Каменев).

Пашков, А. М. Политическая ссылка и развитие исторического краеведения Карелии в XIX – начале XX века / А. М. Пашков. – Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2022. – 336 с.

Книга стала победителем в номинации «Мой край и его люди» конкурса «Книга года Республики Карелия – 2022»

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

М. В. Казакова, О. Ю. Жукова

ВЕПСОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА КАРЕЛИИ: СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

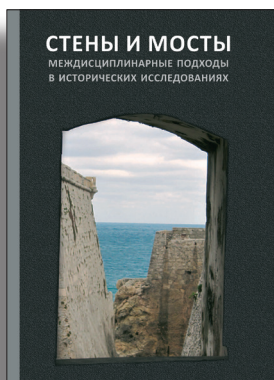

Издание содержит краткие сведения о процессах становления и развития литературы Карелии на вепском языке. Практическая часть включает в себя отрывки художественных произведений современных вепских авторов в переводе на русский язык.

Учебное пособие предназначено для студентов, изучающих литературу Карелии и вепский язык, может использоваться для аудиторной и самостоятельной работы.

Казакова, Мария Владимировна. Вепсоязычная литература Карелии: становление, развитие, перспективы : учебное пособие для обучающихся на филологических специальностях / М. В. Казакова, О. Ю. Жукова ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2023. – 36 с.

СТЕНЫ И МОСТЫ

Сборник объединяет статьи, подготовленные на основе докладов IX и X Международных научных конференций ««Стены и мосты»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях», состоявшихся в Российском государственном гуманитарном университете в 2021 и 2022 гг. В центре внимания авторов – проблема творческого (научного) воображения исследователя. Особое внимание уделяется не только смелым гипотезам и идеям, но и их реализации на практике – конкретным примерам исследований, строгости методики и особенностям работы с источником.

Книга предназначена для историков и представителей других дисциплин, обучающихся в своих исследованиях к исторической проблематике.

Стены и мосты: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях: Сборник статей [Материалы Международных научных конференций: Москва, 27–28 мая 2021 г., 26–27 мая 2022 г.]. / Отв. ред. Г. Г. Ершова; Сост. Е. А. Долгова. М.: РГГУ, 2023. 218 с.

ISSN 2542-1077

9 772542 107004 1